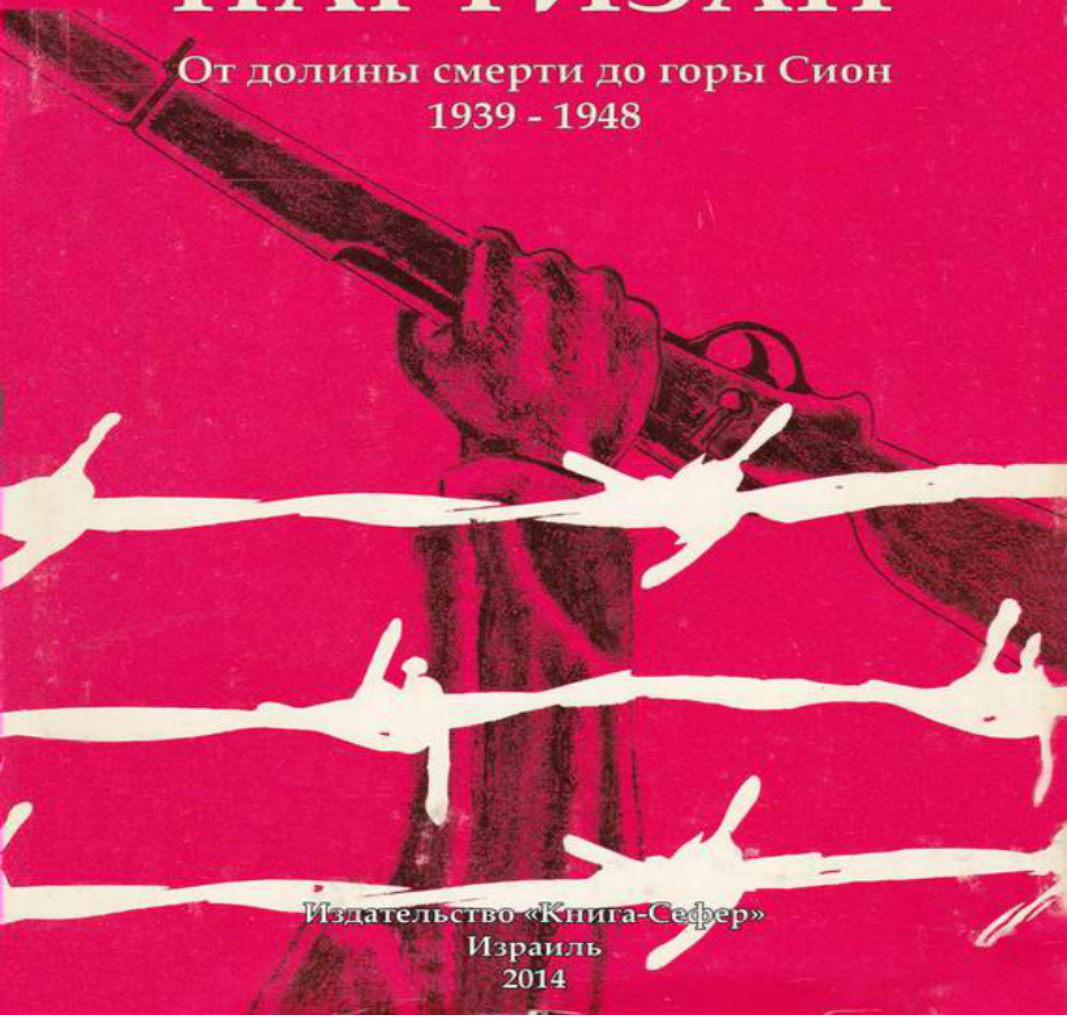
ИЦХАК АРАД

Бригадный Генерал Армии обороны Израиля

ПАРТИЗАН

От долины смерти до горы Сион
1939 - 1948



Издательство «Книга-Сефер»
Израиль
2014

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ицхак Арад — легендарный советский партизан Второй мировой Войны, Бригадный генерал Армии обороны Израиля, в течение 20 лет руководитель мемориала Яд-ва-Шем, писатель, солдат, мыслитель…

Книга «Партизан» была в основном написана «по горячим следам», молодым бойцом молодого Государства. Изданная на английском языке в 70-е годы, книга тревожным эхом откликнулась в 2000-е. Тогда новые литовские власти пытались судить Ицхака Арада за «геноцид литовского народа». Так они называли акты возмездия, когда чудом вырвавшиеся из гетто, видевшие уничтожение своих близких юноши и девушки мстили палачам своего народа… С завершение Второй мировой война для Ицхака Арада не закончилась, он принимал участие во всех войнах, в которых Израиль отстаивал право быть государством своего народа.

«И мой долг рассказать молодому поколению о событиях, которые вершились перед моими глазами, и людях, которые в них участвовали. Для молодого поколения это история, для меня — реальность. Все рассказанное в этой книге, является лишь небольшой частью судьбоносных событий истории нашего народа, но настоящее возводится на фундаменте прошлого, и молодое поколение должно его знать во имя будущего».

- Ицхак Арад
  - ○
  - ○ «Что такое фашизм? Это ненависть к другим"
    - ■
    - ■ И тогда я снял с шапки звезду и ущел…
    - ■ Конфликт с Литвой
    - ■ Я хотел, чтобы звучали имена детей
  - ○ Предисловие автора
  - ○ 1. В осажденной Варшаве — сентябрь 1939
  - ○ 2. Под властью германии: октябрь — декабрь 1939
  - ○ 3. Под советской властью: январь 1940 — июнь 1941
  - ○ 4. Снова под германской властью
  - ○ 5. Массовые уничтожения и мой побег в Белоруссию
  - ○ 6. Создание подполья и первые потери
  - ○ 7. В столкновении с «юденратом»
  - ○ 8. Первая партизанская акция в нашей округе
  - ○ 9. В угасающем гетто
  - ○ 10. Изменение положения и исход из гетто

- 11. В лесу Царклишки
- 12. В Вильно — по заданию подполья
- 13. В партизанском отряде имени Чапаева
- 14. На оперативном боевом задании литовского партизанского соединения «Жальгирис»
- 15. Поезда летят под откос
- 16. В тылу большой облавы
- 17. Партизанскими тропами в Нарочь
- 18. Рассказ моше о судьбе евреев в гетто и в лесу
- 19. Партизанская зима
- 20. В борьбе против «белополяков»
- 21. Освобождение Семенова из германского плена
- 22. Завершение партизанской эпопеи — приход советской армии
- 23. О руинах и об евреях, спасшихся от смерти
- 24. Война с литовскими бандами
- 25. На руинах еврейства Польши
- 26. На путях «бегства» из Польши в Италию
- 27. Корабль нелегальных репатриантов «Хана Сенеш»
- 28. Пальмах — лётное подразделение
- 29. Назавтра, 29 ноября 1947
- 30. Снова бои
- 31. Операция «Нахшон» и транспортная колонна «Арель» в Иерусалим
- 32. Война продолжается
- Война продолжается

Ицхак Арад
Партизан

От долины смерти до горы Сион, 1939–1948

Ицхак Арад. Бригадный Генерал Армии обороны Израиля

Партизан (Юность в борьбе): от долины смерти до горы Сион, 1939–1948

Издательство «Книга-Сефер»
Израиль
2014

Перевод с иврита — Эфраим Баух

Редактор — Виталий Кабаков
Предисловие — Алла Борисова
Оформление — Соня Кабакова

Фотографии и иллюстрации предоставлены автором из личного архива.

«Что такое фашизм? Это ненависть к другим"

Мы встретились с Ицхаком Арадом (в прошлом Ицхак Рудницкий), бригадным генералом Армии обороны Израиля, а еще историком, на протяжении двадцати лет директором музея Катастрофы и Героизма «Яд Вашем» по поводу скорого выхода в свет его книги на русском языке в переводе Эфраима Бауха. Воспоминания были им написаны еще в юности, но издавались только в США на английском. Теперь книга «Партизан» издана издательством «Книга-Сефер» и доступна в электронном виде. Это поразительное свидетельство человека, прошедшего ужасы Второй мировой: жизнь в гетто; борьба с фашистами в составе советского партизанского отряда, за что он получил драгоценную для него медаль и вывез ее потом в буханке хлеба; долгий путь по Европе в сторону Палестины; наконец, военные будни в Израиле.

Ицхаку (в партизанском отряде ему дали имя Толька) 88 лет, он вполне бодр, о юности вспоминает охотно, хотя юность эта проходила на историческом фоне страшной, кровавой войны. Но юность есть юность.

И тогда я снял с шапки звезду и ущел…

— Ваша книга «Партизан» — это довольно тяжелое чтение. Вы прошли так много — начиная с польского гетто и заканчивая партизанским отрядом… И потом, в Израиле, снова война. Иногда возникает чувство — а можно ли все это выдержать и остаться при этом человеком?

— Знаете, я сейчас смотрю на это иначе. Это была моя юность — и в гетто, и в лесах…

Но сначала — под немецкими бомбардировками. В первый же день войны я был уже под немецкой бомбардировкой в Варшаве. Потом бежал в свой родной городок Свинцяны (дистрикт Вильно, сейчас это Литва), куда потом тоже пришли немцы. И я воевал до конца апреля 45 года. Когда Берлин пал, я решил, что долг перед советской Родиной я полностью отдал. Дома, в семье я получил еврейское воспитание, и у меня всегда была эта мечта — война кончится, я приеду в Палестину. И тогда в апреле 1945 я снял красную звезду с шапки и ушел.

Во время Второй мировой я потерял большую семью, родители погибли в гетто….У нас была большая еврейская семья, как это обычно было в местечках. Нас было 40 человек, выжили только я и сестра. И двоюродный брат, который воевал со мной и умер несколько лет тому назад…

— Вы хорошо знаете, что такое фашизм и кто такие фашисты. Сейчас этими словами бросаются в новых военных столкновениях, часто не понимая их значения. Как бы вы определили, что означает фашизм? Что это для вас?

— Знаете, ведь сегодня ни одна партия в мире так себя не называет. Но это существует. Думаю, любой крайний национализм можно так назвать. Так я считаю. Это ненависть к другим. К другой религии, другому цвету кожи, другому языку. Ненависть и агрессия. В осознании своей национальности, конечно, нет ничего плохого, наоборот… Я же говорю о крайних проявлениях.

— Когда Германия наступала, что думали евреи? До какой степени они понимали в Польше, Украине, Белоруссии, Литве… весь ужас своего положения?

— Понимали, но говорили себе, что будут терпеть. Они ведь не предполагали, что произойдет тотальное уничтожение. Я много этим занимался уже как историк. 29 сентября 1941 года в Киеве, когда всем евреям было сказано придти в определенное место, они ведь и тогда ничего не поняли. Поняли только, когда уже стояли перед рвом, когда в них стреляли. Я делал большое исследование о лагерях смерти. Когда произошла депортация из Польши — 350 тысяч евреев отправили в Треблинку — они думали, что их отправляют на работу. Известно, что в лагере им сказали, что они пройдут через баню. Это были газовые камеры. Только там, в этих «банях» они осознали, что впереди смерть. И так было везде.

Когда собрали всех евреев из моего местечка и окрестных сел, им сказали, что ведут в гетто, в лагерь. И повели на полигон. Там расстреляли 8 тысяч взрослых и детей. Я убежал раньше, в Белоруссию, где еще не было гетто. Но даже когда свинчане уже понимали, что их могут уничтожить…Что им было делать? Куда бежать? Ты живешь, работаешь… Я тогда был молодым 16-летним парнем, без родителей (семья осталась в Варшаве), я нашел (украл у немцев) оружие и убежал в леса… А если бы у меня была семья, дети? Да, я могу уйти к партизанам, но семью тут же расстреляют! Так что в этом случае героизм: остаться или бежать в леса? Кроме того, местное население тоже было настроено по-разному, скрывающихся евреев часто передавали немцам.

Знаете, некоторые выжили и в конце войны начали возвращаться в местечко… На них смотрели недоброжелательно. Их дома, их имущество было поделено.

В лесах тоже не так просто было выжить. Местные крестьяне знали, где мы скрывались. И нужны были продукты, мы брали их у крестьян. Если они были против — выдавали нас немцам. Тут еще был такой момент: советские партизаны были готовы принять евреев в свои ряды, но только с оружием, таково было условие. И еще в лесах скрывались и бойцы УПА, и белополяки. Они убивали евреев в лесах. Выжить могли лишь те, кому удавалось попасть в партизанские советские отряды. То есть у евреев почти не было выхода. Либо немцы, либо местные жители…

Продукты у крестьян брали и немцы, и партизаны… Брали с оружием, так просто крестьяне ничего не давали. А что было делать?

— Вы получили медаль «Партизану Отечественной войны», ту самую, которую вывозили потом в буханке хлеба. За что вам ее вручили?

— Я участвовал в подрыве 16 немецких эшелонов. Все снабжение немецких войск шло по железным дорогам, других путей практически не было. Наше дело было — минировать линию снабжения ленинградского фронта. Зимой мы заходили в хутора на день, а ночью ходили минировать дорогу. А там снег, по следам можно было понять, куда мы отступали… Многие погибли. Мой двоюродный брат погиб в боях.

Конфликт с Литвой

— В 2007 году, когда вам было 81, на вас было заведено дело литовской прокуратурой. Вас обвиняли в грабежах, поджогах, в том, что вы стали сотрудником НКВД, участвовали в убийствах литовцев. Потом дело было закрыто.

— Я историк. Когда Литва получила независимость, они захотели войти в НАТО, в Евросоюз. Но все понимали, что в Литве было большое число коллаборационистов, надо было расследовать все это. И сформировали международную комиссию ученых, историков — там были немцы, русские, литовцы… И обратились ко мне, чтобы я стал членом комиссии. Я думал, что они хотели объективности. Комиссию тогда разделили на две части — одна занималась немецкой оккупацией, другая — советской. Да, они признавали, что в Вильнюсе и в Каунасе были роты литовцев, которые расстреливали евреев. Но ведь дело не только в тех, кто стрелял. Там были сформированы полицейские батальоны, 10 из них участвовали в акциях, забирали евреев из домов, охраняли гетто. Они не стреляли, но участвовали… Это десятки тысяч людей.

И возник конфликт, причем и немецкие, и американские историки были на моей стороне. И комиссия могла сделать такое заключение, которое не понравилось бы Литве… В один прекрасный день вышла газета со моей фотографией, а на руках была нарисована кровь. Я тогда был экспертом на нескольких судебных процессах, где обвинялись немецкие чиновники, действовавшие тогда в Литве. И вот меня, на основе моих собственных воспоминаний, опубликованных в США, обвинили в том, что я ушел в леса, якобы пошел в группу НКВД воевать… Это неправда, никакого НКВД в нашей группе не было. Они заявили, что я — грабитель (мы брали продукты в деревнях), убийца, сжигал деревни и т. д. Один из бывших полицаев был во время войны расстрелян партизанами, я этого не знал, но обвинили опять же меня.

Комиссия перестала работать… Вмешалось израильское правительство. Дело это было прекращено, так как доказательств никаких не было.

Знаете, в Литве ведь считают, что было два Холокоста: еврейский Холокост, в котором виноваты немцы и несколько сотен литовцев, и Красный Холокост, в котором виноваты «жидобольшевики».

Конечно, я далек от коммунизма, но в этой идеологии все-

таки не было поголовного истребления.

— *Ну, это спорно. Просто сталинские деяния полностью не были расследованы и осуждены…*

— Я убежден, что Сталин виноват в смертях миллионов людей. Но не было этого в коммунистической идеологии…Не было.

Я хотел, чтобы звучали имена детей

— Вы участник всех войн в Израиле. Как началась ваша военная карьера?

— Да, я же был в Пальмахе. Но сначала надо было дойти… Мой путь нелегала шел через всю Европу до Италии, и потом на маленьком корабле мы приплыли сюда. В день, когда англичане праздновали и были пьяны, мы тайно сошли на берег. И потом… 25 лет войн. В Пальмахе я был летчиком, мы летали, это были будущие израильские военные силы. Когда уже давали звания, я получил звание капитана, а закончил здесь службу, как бригадный генерал.

1948 год — война за независимость, потом 1956 год, потом1967, потом 1970-й…. Я ушел из армии в 1972 году… И даже когда уже работал в «Яд Вашем», участвовал в войне Судного Дня

— Кроме идеологии синоизма, что вами двигало? Вы участвовали в военных операциях. Как объясняли себе цели борьбы?

— Я вам скажу. Однажды мы с другими участниками курса подрывного дела ехали в Тель-Авив. Проезжали город Ришон-ле Цион и увидели, что вся улица танцует… Что случилось? Оказывается, ООН признала государство Израиль. Мы были счастливы. Но в этот день, когда мы были готовы на раздел страны, на очень многое, уже начали убивать евреев. И началась война. И до сегодняшнего дня они не хотят признать, что здесь, на Ближнем Востоке есть страна Израиль. Независимо от границ. Я не стаю на крайних позициях, я в Израиле отношу себя к левому лагерю. То есть я считаю, что нужно разделить землю на два государства. Мы же хотели жить в маленькой стране и были готовы сначала идти на компромисс. Но… Они не согласятся на конец конфликта. А я чувствую, что без Израиля у еврейского народа нет будущего. Я же хочу, чтобы этот народ был. И хорошо помню июньский день 1967 года, наступление на Иерусалим. Я тогда был вместе с теми парашютистами, которые вошли в город. Утром уже был у Стены Плача и слушал молитву главного раввина армии. Никогда не забуду этот день.

— Как в вашей жизни появился «Яд Вашем»?

— В Израиле я затем служил в танковых войсках, в армии закончил среднюю школу, потом меня послали в университет, где я получил степени BA и MA. Знаете, в израильской армии нет политического отдела, но я тогда был главным офицером просвещения. Газеты, образование, воспитание… всем этим я занимался. В 1972 году меня пригласил заместитель премьер министра Игаль Алон, министр культуры и просвещения. В Израиле уже был принят закон об увековечении памяти жертв Катастрофы, объявлении Дня Памяти и создания специального мемориала. Однако «Яд Вашем» был основан только в 1972 году. Игаль Алон сказал: «Я хочу, чтобы ты был председателем «Яд Вашем». Я тогда был начальником штаба Дивизии, сказал, что подумаю. Я ведь сам пережил Катастрофу, мой долг перед обороной Израиля был выполнен, я воевал в трех войнах…

Мне казалось важным работать в национальном институте памяти Холокоста и героизма, который занимается исследованиями, архивами. И я согласился. 21 год я там проработал.

— Что вам удалось сделать за это время? Если вспоминать о самом главном?

— Главное — нам удалось открыть советские архивы. Еще тогда, когда не было дипломатических отношений, но уже началась гласность, к нам приехал заместитель председателя комитета защиты мира. Он был бывшим генералом НКВД. Я сказал ему, что мы все видим: в мире неофашисты поднимают голову и надо бороться против этого. Но ваши архивы закрыты… Тогда он пригласил меня в Москву, Минск, Одессу, Киев. И нам открыли архивы. Армейский архив в Подольске, архив партии… Удалось найти трофейные документы, вывезенные их Германии…

Я издал две книги по истории Катастрофы. Ученые работают, все время узнают что-то новое, находят новые документы.

— Детский мемориал в музее поражает всех, кто приезжает в Израиль… Как это было придумано?

— Да, это я сделал… А придумал, как именно будет выглядеть мемориал, известный архитектор Моше Савди. Я хотел сделать что-то в память об этих детях — ведь это полтора миллиона погибших детей… Я нашел пещеру, но идея, как это сделать была его. Только он предполагал, что там будет тихо. Я же хотел, чтобы обязательно звучали их имена. Это очень важно.

И еще для меня очень важна долина общин — в память о пяти

тысяч еврейских общин, которые были уничтожены.

— Я поздравляю вас с тем, что вы выжили, прошли огромный и опасный путь… У вас большая семья?

— Да, женился еще в 1948… Трое детей, 11 внуков, пять правнуков… Внук — офицер, и вот внучка недавно пошла в армию. Все хорошо.

…И «Толька», бригадный генерал Ицхак Арад садится за руль своей машины. Звонила жена. Ждет к ужину.

Алла Борисова

Предисловие автора

В нашем поколении, в течение всего лишь одного десятилетия, произошли два судьбоносных события, изменившие облик еврейского народа и ход его истории — Катастрофа и создание государства Израиль.

В страшной Катастрофе еврейский народ был поставлен на грань уничтожения. Истреблено было шесть миллионов наших братьев и сестер. Катастрофа привела к физическому и духовному уничтожению ядра мирового еврейства.

Созданием государства Израиль осуществились мечты и стремления двух тысяч лет — возвратиться в Сион и добиться независимости Израиля, была заложена основа нового центра мирового еврейства.

Катастрофа — самый глубокий разлом нашего народа, создание Израиля — сама большая победа в нашей истории. Несмотря на крайнюю разницу в этих двух событиях, и в их значении, произошли одно за другим, в связи и последовательности. Они представляют единую главу в исторической летописи нашего народа. Они входят одно в другое по смежности времени, по общественным и политическим факторам, которые повлияли на развитие событий и на решительное изменение еврейской реальности.

Невозможно осознать создание государства в 1948 году без глубокого понимания трагедии Катастрофы и ее влияния на то, что произошло сразу же после нее: стремление евреев, спасшихся из Катастрофы, отделить себя от волн гибели, и любыми способами добраться до безопасной гавани — страны Израиля.

Но и тут продолжалась борьба, и желание достичь безопасности и устойчивости в жизни все еще достигнуто не было. Еврейский анклав в стране Израиля боролся против английской власти за открытие ворот страны жертвам Катастрофы и создание еврейского государства, которое станет убежищем всем гонимым по миру евреям.

Решение ООН о создании еврейского государства, несомненно, было принято под влиянием трагедии Катастрофы и совместной борьбы тех, кто спасся из Катастрофы, и еврейского анклава в стране Израиля, которые подняли еврейский вопрос перед всем миром, требуя положительного разрешения проблемы.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось участвовать в этих драматических событиях. Жизнь моя в эти годы прошла через гетто, затем в глубинах лесов — среди партизан, затем на тайных тропах нелегальной репатриации — с целью добраться до

страны Израиля и влиться в ряды штурмовых отрядов — Пальмаха — в войну за Независимость.

Не я выбирал этот путь жизни, оставивший за моей спиной безымянные могилы моих родных, близких, друзей, боли, поразившей годы моей юности. Но если суждено мне было разделить судьбу моего народа, я бы не избрал иного пути жизни. И если бы у меня была возможность избрать иной путь — я бы снова избрал путь участника и свидетеля этих двух судьбоносных событий в нашей истории.

И мой долг рассказать молодому поколению о событиях, которые вершились перед моими глазами, и людях, которые в них участвовали. Для молодого поколения это история, для меня — реальность. Все рассказанное в этой книге, является лишь небольшой частью судьбоносных событий истории нашего народа, но настоящее возводится на фундаменте прошлого, и молодое поколение должно его знать во имя будущего.

1. В осажденной Варшаве — сентябрь 1939

На рассвете, в пятницу 1 сентября 1939, города Польши были разбужены сигналами сирен, сопровождаемых ревом немецких бомбардировщиков и градом бомб. В те же утренние часы 54 германские дивизии вторглись в Польшу. Наступление началось в одно и то же время — с севера, из восточной Пруссии, с запада — из Поможи и Силезии, и с юга — из Чехословакии, по фронту протяжением в 1750 километров. Ударной силой были 14 механизированных бронетанковых дивизий, при поддержке сотен пикирующих бомбардировщиков «Штуке». Против вторгнувшихся войск стояло тридцать польских пехотных дивизий и двенадцать кавалерийских бригад, из которых лишь одна была механизированной.

За несколько часов до вторжения дикторы германских радиостанций передали драматическое сообщение о действиях поляков: "Подразделения польской армии пересекли границу Германии и захватили радиостанцию в Гляйвице, но были отброшены германской армией". Дикторы призывали правительство Рейха силой отреагировать на атаку польских войск. 31 августа, в 8 часов вечера, действительно слышна была стрельба около радиостанции в Гляйвице. Группа солдат в польской военной форме захватила радиостанцию и передала сообщение на польском языке, объявив войну Германии, и выразив уверенность в победе Польши. Но это была провокация немцев, совершенная солдатами "германской службы безопасности — СД", переодетыми в форму солдат польской армии, с целью дать повод германской пропагандистской машине — призвать к войне с Польшей. Это потрясшее всех сообщение было передано поздней ночью множеством мировых радиостанций, но к утру утонуло в потоке сообщений о вторжении германской армии в Польшу со всех границ. Жители Польши, исключая работников газет и радио, дежуривших в ночные часы, не знали ни о провокации в Гляйвице, не слышали призывов к войне дикторов германского радио. Они провели последнюю спокойную ночь перед бурей.

Невероятный шум разбудил меня утром первого дня войны. Не прошло и нескольких минут, как я уже был на улице Дзейлена, на которой жил, одной из улиц еврейского района Варшавы, заполненной людьми. В разных местах толпились люди и взволнованно обменивались мнениями о происходящем. Я был

оттеснен к одной из таких групп. В ней все говорили одновременно. Но я, все же, наконец-то, понял, что грянула война. В центре группы стоял коренастый мужчина и с большим подъемом говорил о скором конце Гитлера и нацистской Германии. Он объяснял, размахивая руками, что польская армия сильна. Она сдержит германских агрессоров, пока Англия и Франция не проведут мобилизацию своих армий и просто раздавят Германию. Другой человек вмешался в разговор и сказал, что Польша не будет второй Чехословакией, которая была предана в Мюнхене и сдалась без боя. Общее настроение в группе было оптимистичным. На улице Заменгоф я увидел длинные очереди в продовольственные магазины. Люди раскупали всё, что в них было.

Я побежал домой, чтобы рассказать родителям о том, что началась война, но эта весть уже дошла до них. Мать Хая и сестра Рахиль уже ушли и присоединились к очереди за продовольствием. Отец мой, Израиль-Моше, вернулся через несколько минут с утренней молитвы в синагоге "Мория" (в нашем доме номер 7 по улице Дзейлена), где был кантором. Он уже тоже знал о войне, и мне хорошо запомнились его слова, полные тревоги: "Ициле, — сказал он мне, — когда я был в твоем возрасте, грянула Первая мировая война. Я был тогда в городке Свинцяне, около Вильно. И там без конца сменялась власть, войска — русские, немцы, поляки, большевики, литовцы, и снова поляки. Эти смены властей приносили много ужасов, и главными жертвами были мы, евреи. Каждая сторона видела в нас врагов. Одна надежда, что судьба наша в этой войне будет лучше, но я сильно сомневаюсь". Эти слова отца охладили немного мое возбуждение по поводу грянувшей войны, но все же я думал, что, быть может, он преувеличил опасность. В детстве я слышал рассказы моих родителей о Первой мировой войне, и в глубине душе мечтал пережить нечто подобное.

Жители города были призваны рыть окопы для защиты от воздушных налетов. После обеда я пошел с отцом парк Красинского, недалеко от нашего дома, там рыли окопы. Я присоединился к сотням людей, евреям и полякам, которые работали в поте лица. Для меня эта работа была нелегкой. Впервые в жизни я занимался физическим трудом столько часов подряд. Я весь вспотел, ладони покрылись волдырями, хотел прекратить работу, и посмотрел на отца. Он тоже не был привычен к физическому труду. Видно было, что работа дается ему с трудом и большими усилиями. Мне было стыдно, и я продолжал рытье. Люди работали напряженно, с воодушевлением, поляки и евреи, один подле другого. В эти

минуты мне казалось, что стенка, стоящая между евреями и поляками, антисемитизм, от которого мы страдали, частые драки с молодыми поляками, всё это скрылось за брустверами окопов, вырытых общими усилиями. Работа длилась до наступления сумерек: были вырыты сотни метров окопов, глубиной в два метра. Окопы эти змеились и меняли направление через каждые пять метров.

В эту субботнюю ночь, завершившую первый день войны, синагога "Мория" был полна молящимися евреями. Пение моего отца в этот вечер говорило мне намного больше, чем это было раньше. Это был последний раз, когда синагога была забита народом. На следующий день, в субботу, были четыре сигнала воздушной тревоги, и германские самолеты бомбили разные районы города. Выяснилось, что из-за частых налетов и отдаленности окопов в парке Красинского, мы не сможем успеть добраться туда в час опасности, и следует подготовить убежище поближе. Общими усилиями жильцов нашего дома мы привели в порядок подвал, превратили его в убежище, где и скрывались в ближайшие недели. Убрали с чердака вещи, которые там накопились за многие годы, чтобы уменьшить легко возгораемый материал, опасность пожара, если в дом попадет зажигательная бомба.

В понедельник, 3 сентября, должен был начаться учебный год, но из-за создавшегося положения, это открытие было отложено. Я не был сильно этим огорчен. В этот же день Англия и Франция объявили войну Германии, выполнив свои обещания в отношении Польши, не разочаровав, как они сделали в отношении Чехословакии. Мы очень радовались, услышав это сообщение, но радость наша сильно поубавилась в последующие дни с приходом новостей с фронта.

Сообщения о продвижении германских войск дошли до нас уже в первые дни войны. Польское радио передавало явно туманные и обрывочные сообщения о происходящем на фронте, но люди слушали передачи германских радиостанций, восхвалявших неслыханные победы германской армии, захваты, десятки тысяч пленных, огромные трофеи. Усиление бомбардировок немецкой авиацией Варшавы, множество жертв и разрушений, отсутствие самолетов польской военной авиации в воздухе, усилили отчаяние и чувство беспомощности. Но, несмотря на это, господствовало мнение, что продвижение немцев временно и является результатом внезапности нападения. С завершением всеобщей мобилизации, объявленной в Польше с началом войны, вступлением войск Британии и Франции в войну против Германии ход войны изменится к лучшему. Но этот

оптимистический прогноз не оправдался.

С 3 по 7 сентября постепенно стало выясняться, что польская армия терпит поражение по всем фронтам и германские бронетанковые колонны продвигаются со всех сторон. Польская армия не была готова к этой войне. Пехотные дивизии и кавалерийские эскадроны не могли устоять против танков. Польская военная авиация большей частью была уничтожена на земле в первые дни войны, и германский военно-воздушный флот безраздельно господствовал в небе. Кроме численности и выучки германской армии, поражение польской армии нанесла ее оперативная стратегия, базировавшаяся на устаревших принципах Первой мировой войны, в то время, как германская стратегия внезапного нападения — "блицкрига" — была основана бронетанковой мощи и сильном военно-воздушном флоте. Согласно старой стратегии 1914–1918 годов, польская армия не создала линию оборонительных укреплений, а плоские равнины Польши служили идеальным пространством для продвижения танков. Несмотря на мужество и жертвенность, польская армия оказалась легкой добычей для германских танков и самолетов.

В течение считанных дней германские танковые армии сумели вторгнуться в Польшу, взяли в гигантские клещи с севера и юго-запада огромные территории, и приблизились к Варшаве, постепенно осадив ее со всех сторон. 6 сентября нам стала ясной величина поражения. В этот день в панике эвакуировались государственные учреждения, и польское правительство сбежало из столицы под покровом ночи. В прощальном обращении по радио глава польского правительства сказал, что "из-за опасности, грозящей Варшаве, правительство вынуждено оставить столицу, но полно решимости вернуться в нее после окончательной победы в войне". Также и генеральный штаб во главе с начальником генштаба Шмигли-Ридезом сбежали из Варшавы на восток. 7 сентября, вечером, радио Варшавы призвало всех мужчин, способных носить оружие, уйти из города на восток и влиться там, в ряды армии. Мы были потрясены этим сообщением, отчаяние и страх охватили всех.

Множество мужчин, главным образом, евреев, с семьями начали покидать город. Все полагали, что на востоке Польши будет остановлено наступление немцев. У людей не было никакого транспорта, все двигались пешком. По улицам города шагали тысячи людей, в одиночку и группами, с рюкзаками за спинами и портфелями в руках, и все шли на восток. Это бегство длилось днем и ночью, под частый аккомпанемент сирен воздушной тревоги. Я прислушивался к колебаниям родителей, оставлять ли имущество и добираться до Свинцяна, где живут

наши родственники. Я, конечно же, хотел, чтобы мы сбежали в этот городок от бомбёжек и всей суматохи, бушующей вокруг нас, в городок, выглядящий в эти дни, по сравнению с Варшавой, спокойным и тихим местом. Моя сестра Рахиль требовала от родителей немедленно уходить. Решение было нелегким. Шанс вырваться из города пешком перед тем, как немцы перекроют все выходы, был весьма слабым, и нелегко оставить дом, который создавался тяжким трудом столько лет. Но пока колебались — оставаться или уходить — немцы закрыли все дороги из Варшавы.

8 сентября Варшава превратилась в осажденный город. Между драматическим призывом радио Варшавы покинуть город и окончательным его окружением прошли сутки. В это столько короткое время десятки тысяч евреев все же успели вырваться из города, но сотни тысяч остались. Среди покинувших были многие из руководителей польского еврейства, главы организаций и еврейской общины, а также многие из членов и инструкторов молодежных сионистских движений. До закрытия города в нем собрались десятки тысяч еврейских беженцев из дальних и ближних городков, окружающих Варшаву, сбежавших от немецких оккупантов и разрухи, нанесенной налетами германской авиации. Я видел этих людей, движущихся по улицам, целые семьи, частью на телегах, загруженных тюками, усталых, напуганных, отчаявшихся. Люди эти искали кров в городе, где господствовал хаос, в городе на грани полной разрухи и гибели.

Варшава в осаде, нет входа и нет выхода. Город превратился в крепость, и в нем — около миллиона граждан и, примерно, сто тысяч солдат, частью в виде боеспособных подразделений, частью разгромленных, понесших большие потери и разрозненной толпой добравшихся до столицы. Командующим войск, защищающих Варшаву, был назначен генерал Валериан Чума, но истинной душой защитников был мэр города Стефан Стажницкий, который возглавил гражданскую оборону после того, как правительство Польши сбежало из города. Жители города были призваны встать на его защиту, рыть окопы на подступах к Варшаве. Были созданы отряды гражданской самообороны, и молодые люди были призваны присоединиться к этим отрядам. Из тысяч добровольцев были отобраны лишь сотни из-за недостатка оружия. Жители должны были перекрывать улицы баррикадами и шлагбаумами, рыть перед ними противотанковые рвы поперек шоссе.

Я присоединился к группе в несколько десятков человек, строивших баррикаду на перекрестке улиц Дзейлена-Заменгоф. Там я встретил некоторых из моих сверстников, тринадцатилетних подростков. Из соседнего двора мы выкатили

три телеги, перевернули поперек улицы. Извлекли камни из мостовой в местах, где намеревались рыть окопы, и нагромоздили их на телеги. Жильцы ближайших домов притащили шкафы, кровати, старые вещи, извлеченные из подвалов. Грунт, который извлекли из противотанкового рва, послужил для укрепления баррикады. В разгар нашей работы послышался гул самолетов, и грохот взрывов, раздававшихся где-то рядом, сотряс всю окрестность. В течение считанных секунд улица опустела, и мы тоже нашли укрытие в соседнем доме. На этот раз ответственные за оборону не успели включить сирены. Зенитки, стоящие в парке Красинского открыли огонь. Спустя двадцать минут вернулась тишина, и мы продолжили свою работу.

Через несколько часов баррикада высотой в два с половиной метров была готова. Перед ней — противотанковый ров глубиной в два метра и шириной — в шесть метров. Справа от баррикады мы оставили узкий проход для прохожих. Я взобрался на баррикаду и оглядел улицу. Еще две баррикады были возведены на расстоянии двухсот-трехсот метров от нашей. В городе были построены сотни баррикад. Варшава превратилась в гигантское пространство сплошных противотанковых рвов и препятствий.

Жизнь в осажденном городе с каждым днем становилась все трудней и трудней. Налеты усилились. Самолеты врага бомбили город много раз в течение дня, и тысячи зажигательных и фугасных бомб беспрерывно падали на город. Система воздушной тревоги перестала работать. Мы не знали, когда прятаться в убежища и когда их покидать. Так как бомбежку можно было ожидать в любой миг, мы перешли жить в подвал, вместе с остальными жильцами дома. Скученность в сыром, пропахшем плесенью, подвале была невероятной. В одном из углов мы расстелили одеяла на холодном и влажном каменном полу, и угол этот превратился в место нашего проживания: там мы ели и спали все дни осады.

Молодые мужчины и женщины дежурили поочередно, находясь на поверхности даже во время бомбежек. Главная их цель была — обнаруживать зажигательные бомбы, которые были небольшими, величиной с консервную банку. На месте их падения видны были искры и дым. С обнаружением такой бомбы ее засыпали песком, и, таким образом, избегали пожара. Горы песка были насыпаны во дворе, на лестничных площадках и на чердаке дома. Мы, группа детей, присоединились к взрослым дежурным, и нередко первыми обнаруживали дым, поднимающийся с чердака или угла двора, и гасили бомбу. В дни осады на наш дом упало пятнадцать зажигательных бомб, и все мы обнаружили и погасили. Обнаружение бомб и их гашение

превратилось для нас в некий вид спорта, и мы соревновались в том, кто первым обнаружит бомбу. Больше всего мы боялись фугасных бомб, которые приносили большой урон домам, погребали людей под обломками, но против этих бомб мы были беспомощны.

Ночью прекратились налеты и безмолвие смерти, опустилось на город, изредка прерываемое эхом пушечной стрельбы и шумом шагов патрулей по улице. Часы эти давали отдых напряженным до предела нервам, и люди выходили из подвалов, поднимались в свои квартиры, проверяли, что там произошло, и затем немного оставались на улице. Абсолютная тьма господствовала в осажденном городе: электроснабжение города было выведено из строя налетами, и запрещено было зажигать огонь, который можно был засечь снаружи.

Молитва в канун еврейского Нового года — Рош Ашана — в синагоге "Мория" была перенесена на более раннее время, чтобы завершить ее до наступления темноты. Молиться пришли многие из жителей округи. Укутанный в талес, мой отец открыл праздничную молитву. Вид синагоги не походил на прежние годы, когда он был полон молящихся, пылали сотни свечей, царило праздничное настроение. Теперь виднелись разбитые стекла в окнах, осколки стекла на полу, не было никакого освещения, людей было мало, и все они были охвачены страхом. Ощущалось какое-то единение десятков людей, которые использовали перерыв между налетами после полудня, и пришли на праздничную молитву в осажденном городе, в котором пылали пожары. Когда мы дошли до половины молитвы, послышался гул самолетов. Грохот мощных взрывов доносился со всех сторон, главным образом, из северных районов города. Мой отец продолжал молитву, немного колеблясь, но люди в панике стали покидать синагогу. Я молился про себя, чтобы отец прекратил молитву. Я дрожал от страха, что в любой момент дом может обрушиться (Синагога была на втором этаже). Когда мы остались совсем одни, я потянул отца за талес, и дрожащим голосом попросил его прекратить молитву. Сестра Рахиль прибежала из подвала, и ее умоляющий голос повлиял на отца. Мы спустились в убежище.

В тот же день, за два часа до наступления темноты, был один из самых жестоких и продолжительных налетов на город, особенно, на северные его районы, где были сосредоточены наиболее густо заселенные еврейские кварталы. Казалось, что немцы пытались нанести им непоправимый ущерб именно в канун праздника Рош-Ашана. На следующее утро любопытство погнало меня наружу, чтобы увидеть город после налетов. Я

сумел выскользнуть из-под надзора родителей, которые запретили мне покидать убежище, взобрался на чердак соседнего дома, который был намного выше нашего. Я видел столбы дыма над многими кварталами. В разных местах виднелись разрушенные дома. Я спустился и пошел в сторону улицы Налевски. На улице было много людей, несущих вещи, охваченных страхом и паникой. Это были те, кто спасся из разрушенных и горящих домов, и теперь искал укрытие для себя и своих детей. Вдалеке виднелись люди, несущие на носилках раненых в места, где собирали всех, получивших ранения. Убитых погребали в парках, превратившихся в кладбища. Несколько десятков людей занимались извлечением раненых и погибших из-под обломков.

Налеты на город усилились и участились, увеличивая разруху и число жертв, доходящих в течение дня до сотен, а то и тысяч. В середине сентября город начала обстреливать германская тяжелая артиллерия, работа разделилась между самолетами и орудиями: днем длились налеты, ночью — артиллерийские обстрелы. Кончился ночной покой, и круглые сутки мы находились под непрекращающимся огнем.

Но и этого было мало. Начался голод. Снабжение хлебом полностью прекратилось. Хозяева продуктовых магазинов не открывали их и прятали то немногое, что у них осталось. Продукты на черном рынке еще были, но цены на них взлетели до небес. Водоснабжение было нарушено бомбежками, и воду несли ведрами издалека. Этим занимались я и моя сестра Рахиль. С невероятным трудом добыла мать немного картофеля и соленой рыбы, и это было главной нашей пищей в дни осады. Жильцы подвала помогали друг другу, трудная жизнь сближала сердца. Воду кипятили сообща, из малого количества пищи давали немного и тем, кто ничего не сумел добыть. В первые дни войны люди еще надеялись, что обстановка изменится к лучшему: польская армия организует свои силы после отступления на восток, и с помощью Англии и Франции отгонит немцев, и даже прорвет осаду Варшавы. Все надеялись, что Германия будет вынуждена быстро вывести войска с польских территорий, чтобы сосредоточить их на западном фронте против наступления английских и французских войск. Но со временем надежды оказались напрасными, и всех охватило отчаяние.17 сентября, к вечеру, распространились слухи, которые подтвердились в реальности спустя несколько часов: Красная армия пересекла восточную границу Польши. Вначале не было ясно, пришла ли Красная армия на помощь полякам, или это был акт раздела Польши между Германией и СССР. Когда выяснилось, что

правительство Польши и генеральный штаб сбежали в Румынию, стало понятно, что действие Красной армии направлено против Польши. Мы еще не знали о пакте Молотова-Риббентропа, подписанном в Москве 23 августа 1939, по которому был установлен раздел Польши между Германией и СССР. С 17 по 19 сентября Красная армия овладела, без всякого сопротивления со стороны поляков, территориями Белоруссии и западной Украины, которые находились под властью Польши со времен окончания Первой мировой войны. Суверенная Польша прекратила свое существование. В самой Польше еще осталось несколько очагов сопротивления немцам. До своего бегства в Румынию командующий польскими войсками дал приказ всем польским подразделениям сопротивляться до конца.

Варшава продолжала сражаться, несмотря на то, что всякая надежда был потеряна. Налеты и артиллерийские обстрелы шли беспрерывно, и потери в живой силе, имуществе и технике увеличивались с каждым днем. Немцы разбрасывали листовки по городу с призывом сдаваться. В разговорах взрослых в подвале слышалось возмущение тем, что правительство бросило народ на произвол судьбы, обрекло его на страдания и ненужное сопротивление. Возмущение это росло со дня на день, и патриотический подъем первых дней войны начисто исчез. Вместо него пришли горечь и отчаяние. 25–27 сентября стали самыми тяжелыми днями с начала войны. Германское командование решило поставить город на колени. В эти дни сотни самолетов беспрерывно бомбили город, сотни артиллерийских стволов не знали отдыха в течение ночи, неся гибель и разруху. Целые районы были стерты с лица земли. Другие районы были охвачены пожарами, тысячи людей погребены под обломками. Фугасная бомба большой мощи и зажигательные бомбы обрушились на наш дом в последний день осады. В панике мы бежали из дома. Я нашел убежище напротив нашего дома, не знал, что случилось с родителями и сестрой. Страх за них не оставлял меня. Спустя несколько часов я вернулся к нашему дому. Нашел свою семью в целости и сохранности. Восемь жильцов дома погибло, двенадцать было ранено.

Вечером, 27 сентября прекратились налеты, и безмолвие смерти сошло на город. Варшава сдалась. Среди еврейского населения распространились слухи, что Красная армия, находящаяся недалеко от восточного края города, войдет в Варшаву, но надежда эта испарилась, когда были расклеены листовки городской комендатуры, сообщающие о том, что Варшава сдалась немцам. В следующее утро тысячи людей вышли

на улицы из подвалов, где смерть свирепствовала над их головами. Чувства, охватившие всех, были странными. С одной стороны, радость в связи с прекращением налетов и обстрелов, с другой, — страх перед тем, что предстоит нам, евреям под властью немцев. Германская армия еще не вошла в город. Я, моя сестра Рахиль, наши товарищи, вышли прогуляться. На улицах все еще бушевали сильнейшие пожары, люди ковырялись среди обломков домов, искали родных, близких, знакомых. На перекрестке улиц Заменгоф и Новолипской валялись трупы лошадей, погибших во время бомбежки, и некоторые из прохожих суетились около них и отрезали куски мяса. Над скелетами лошадей вились рои мух, стаи птиц. На площади Красинского польские солдаты складывали оружие. Я видел со стороны, как приходили сотни солдат и офицеров, и куча складываемого оружия росла на глазах. Я видел солдат и офицеров, которые смахивали с лица слезы, прощаясь с оружием. Вдруг к этой груде оружия подошли двое граждан выхватили оттуда пистолеты и скрылись в ближайшем переулке. Искры подпольного сопротивления германским оккупантам вспыхнули уже в первый день сдачи Варшавы.

Четверть домов города было разрушено, пятьдесят тысяч жителей погибло, и было ранено. Сотни тысяч осталось без крыши над головой. Германская армия вошла в город 30 сентября. Варшава была оккупирована немцами.

2. Под властью германии: октябрь — декабрь 1939

В первые же дни оккупации мы почувствовали то, что ожидает евреев под властью нацистов. В целях пропаганды германская армия раздавала продукты голодному населению. Грузовики и полевые кухни стояли в центральных местах города, и с них давали хлеб и суп. К ним выстроились длинные очереди. Но когда приближались к раздаче евреи, простаивающие долгие часы в очереди, германские солдаты их изгоняли. В местах раздачи, рядом с германскими солдатами стояли поляки и указывали на евреев. Я был этому свидетелем, ибо сам стоял в очереди за хлебом на улице Лешни. К счастью, ни немцы, ни поляки, помогавшие им, не признали во мне еврея, и я вернулся домой с буханкой хлеба.

Германские солдаты и офицеры нашли оригинальный способ издевательства над евреями, особенно обладателями бороды и пейс, и одетых в "капоты", на которых немцы впервые наткнулись в Польше. Вооруженные ножницами, они разъезжали по улицам, задерживали евреев с бородами, и срезали их наполовину, а также одну из пейс, часть волос с головы — в любой форме, на которую способно было их дикое воображение. Иногда они выдергивали и выщипывали бороды. Эти "процедуры" срезания и выдергивания обычно сопровождались избиением. Евреи с бородами и пейсами старались не выходить на улицу. Были евреи, которые, во избежание этих издевательств, сами срезали у себя бороды и пейсы и надевали обычные одежды. В один из октябрьских дней я видел шесть старых евреев, тащивших из последних сил телегу, в которой сидели два германских солдата и подгоняли стариков, требуя от них двигаться быстрей.

Германские солдаты ворвались однажды утром в синагогу «Мория», выгнали молящихся в талесах и филактериях, и приказали им плясать посреди улицы. Из окна я смотрел на пляшущих евреев. Не было предела издевательствам немцев над евреями. В те дни это казалось нам пределом зла. Мы и представить себе не могли, что это лишь начало.

Имущество и сбережения евреев были брошены на разграбление. Вначале отдельные солдаты хватали евреев на улицах, или входили в их дома и забирали деньги и драгоценности. Изо дня в день грабеж расширялся. Немцы приезжали на грузовиках к еврейским магазинам и мастерским и

забирали все товары. Так они очистили мастерские по шерстяным и кожаным изделиям на улицах Генше, Налевки, Францисканской. Целые улицы внезапно перекрывались, немецкие солдаты шли из дома в дом, из магазина в магазин, забирали деньги, золото, драгоценности, меха. Евреи не знали, берут ли немцы все это себе, или конфискуют от имени властей. В середине октября был опубликован приказ, разрешающий евреям держать лишь две тысячи злотых, а все остальные деньги внести в банки. В то же время все счета евреев были заморожены. Они имели право снимать со счета не более 250 злотых в неделю. Все эти запреты потрясли евреев, большинство из которых и так осталось без работы и заработков.

Немцы стали хватать евреев на улицах и заставлять их разбирать развалины, убирать улицы, дома, уборные и мусорные свалки. Большинство этих работ они делали без всякого рабочего инструмента, да еще подвергались избиениям и издевательствам. Выходить мужчинам на улицы было по-настоящему опасно. Однажды мой отец вышел утром рано и вернулся поздно вечером, усталым и подавленным. Весь этот день мы испытывали страх за его судьбу. Отец рассказал, что недалеко от дома его схватили немецкие солдаты и послали вместе с двумя десятками евреев убирать развалины. С тех пор отец не выходил на улицу, и я, которого не хватали из-за моего малого возраста, ходил по разным делам, приносил из дальних мест воду. В начале октября немцы назначили "юденрат" — еврейское самоуправление, как официальное представительство евреев Варшавы, включающее 24 члена. "Юденрат" попросил власть воздержаться от захвата евреев на улицах. "Юденрат" возглавил Адам Черняков, который во время осады исполнял должность председателя еврейской общины города после того, как прежний глава общины покинул Варшаву. Черняков предложил властям посылать каждый день на работу 500 евреев, но не хватать их на улицах. Немцы согласились. "Юденрат" создал "рабочий батальон", который выполнял все требования немцев. Добровольцы получали от "юденрата" мизерную оплату. Но, вопреки всему этому, на улицах продолжали хватать евреев. Один отдел городской власти обещал не хватать на улицах, другой продолжал это делать. Это было результатом размножения различных отделов германского городского управления: армии, эс-эс, уполномоченных оккупационных областей по экономическому использованию Польши.

26 октября опубликовано было сообщение о завершении военного режима по всей оккупированной территории Польши, и замены его гражданской властью. Районы центральной Польши,

включая большие города — Варшаву, Люблин и Краков — были определены как единое государственное объединение — генерал-губернаторство. Ветеран нацистской партии Ганс Франк был назначен верховным наместником с правительственной резиденцией в Кракове, а не в Варшаве, столице Польши. Западные области Польши, включающие польскую Поможу, Силезию и район Лодзи, были аннексированы Германией и стали частью "рейха".

Спустя несколько дней, после создания генерал-губернаторства, "юденрату" было приказано произвести перепись еврейского населения Варшавы, что и было сделано в последние дни октября: в городе проживало 360 тысяч евреев. Перепись вызвала большую тревогу и страх среди евреев, ибо цель это акции была неизвестна.

Из аннексированных Германией областей началось изгнание и насильственное переселение евреев в район генерал-губернаторства. В Варшаву прибыли десятки тысяч еврейских беженцев с небольшим скарбом, ибо главное их имущество было оставлено на прежнем месте. Положение их — без жилья и средств на жизнь — было очень тяжелым. Кое-какую помощь давал им "юденрат". Лишенные всего, смотрели беженцы с завистью на евреев Варшавы, все еще поживающих в своих домах.

Гестаповец, штандартенфюрер Эс-Эс доктор Рудольф Бац, сообщил Чернякову 4 декабря, что все евреи Варшавы будут сосредоточены в одном районе, где будет создано гетто. Это сообщение мгновенно разнеслось по всей еврейской общине Варшавы, и люди начали покидать свои дома со всем своим имуществом и переходить в тот район, который, по слухам, и должен был быть превращен в гетто. И в наш дом, который соседствовал с предполагаемым районом гетто, начали приходить знакомые из других районов с просьбами гарантировать им жилье у нас. Паника, связанная с гетто, длилась несколько дней, пока "юденрат" не объявил, что создание гетто откладывается на неограниченный срок.

Декрет о гетто был отменен после встречи Чернякова и нескольких членов "юденрата" с военным комендантом Варшавы генералом Нойманом-Нойруде. Черняков опротестовал приказ штандартенфюрера Баца о создании гетто, указав на трудности, которые это принесет населению Варшавы. Нойман-Нойруде отменил этот приказ, и евреи Варшавы получили отсрочку на целый год, пока не были переведены в гетто в ноябре 1940 года.

В начале ноября я праздновал свое совершеннолетие — бар-мицва. Готовиться к чтению "гафтары" — заключительной молитвы недельного чтения Торы, и толкования я начал еще до

начала войны. Спустя несколько дней после прихода немцев в город, в разгар издевательств над евреями на улицах, отец объявил мне, что я должен возобновить подготовку к церемонии. Я предложил мое "восхождение к Торе" сделать без чтения комментария, но отец твердо стоял на том, что в любых условиях мы будем придерживаться традиций Израиля и проведем церемонию совершеннолетия. В одну из суббот начала ноября я "взошел к Торе". В синагоге собралось немного евреев, моя мать сидела в женской половине. Во время чтения "гафтары" мы услышали шум мотора автомашины, остановившейся недалеко от синагоги и голоса немцев. Я прекратил чтение, и безмолвие воцарилось в синагоге. Мы боялись, что сейчас ворвутся сюда германские солдаты и начнут издеваться над нами, как это часто случалось в последнее время. Через несколько минут снова послышалось урчание мотора, и машина начала удаляться. Мы вздохнули с облегчением и продолжили чтение. Церемония закончилась благополучно.

В один из дней конца ноября всех нас потряс трагический случай, происшедший недалеко от нашего дома. Еврей, человек "преступного мира", убил польского полицейского на улице Налевки, 9. Это было уголовное дело. Немцы разрешили польской полиции функционировать, получившей прозвище — "голубая полиция", и она служила немцам верой и правдой. После убийства поляка-полицейского, было арестовано 53 еврея, проживавших в этом доме, и от "юденрата" потребовали внести в течение двух дней штраф — 300 тысяч злотых в качестве условия освобождения арестованных. В случае неуплаты штрафа арестованные будут расстреляны. Сумма была нешуточной, "юденрат" объявил сбор денег среди евреев Варшавы. Штраф был оплачен. И, несмотря на это, все евреи, находившиеся под арестом, были расстреляны. Это был первый большой расстрел евреев. Он вызвал невероятное потрясение в еврейской среде.

1 декабря вышел приказ: все евреи, от 12 лет и старше, должны носить на правой руке белую повязку с изображением синего щита Давида — "магендавида" — на белом фоне. Этот знак должен бы облегчить немцам — отличать евреев среди толпы на улицах, унижать их и издеваться над ними. Мама приготовила белые повязки для всех членов семьи, и я нарисовал на них знак "магендавида", как было постановлено немцами: каждая сторона шестиконечной звезды — не менее 3 сантиметров длиной и одного сантиметра шириной.

Идя по улице с этой повязкой на руке, я испытывал одновременно гордость и унижение. Я гордился синим "магендавидом", символом, с которым солидаризировался. Я ведь

получил сионистское воспитание, учился в ивритских школах — "Явне", "Тарбут", "Тахахмони", и за несколько месяцев перед войной вступил в "сионистское движение". Шагая по улицам Варшавы первого декабря, я убеждал себя, что мне следует носить этот знак на руке с гордостью. Но тот факт, что эту повязку я был вынужден надеть по приказу нацистских оккупантов, унижал меня. Я был уверен, что все, надевшие впервые эту повязку, чувствовали то же самое, что и я. На одной из улиц я наткнулся на ватагу молодых поляков, которые высмеивали евреев с повязками и кричали "Жиды, отправляйтесь в Палестину!" Дружба и сплоченность между евреями и поляками в период осады исчезли в первые месяцы германской оккупации. Вспышки антисемитизма среди поляков, избиение евреев, грабеж их имущества, доносы на евреев, стали каждодневной реальностью. И все же следует сказать, что было немало поляков, которые выражали поддержку евреям и реально им помогали. Но большинство польского населения оставалось равнодушным или враждебным к евреям. Издевательства, унижения, грабеж имущества, захват на улицах, избиение и убийства евреев, стали неотъемлемой частью каждодневной реальности евреев под германской оккупацией.

В первые же недели оккупации евреи начали покидать Варшаву и другие области, и двигаться в сторону восточных земель, аннексированных СССР. Граница между районами под властью Советского Союза и районами, оккупированными нацистами, не была закрыта герметически. Также происходил обмен территориями между сторонами. В первый период переход не был относительно трудным. Десятки тысяч евреев, главным образом, молодых, значительной частью выходцев из восточных польских земель, имеющих там родных, использовали возможность, и перешли в эти земли. Число евреев, пересекших границу законно и незаконно, насчитывало 300 тысяч человек. И все же многие не использовали эту возможность из-за трудностей дороги и опасностей, поджидавших евреев, и, главным образом, из-за крепких семейных связей, столь характерных для еврейства Польши. Не меньшую роль играла привязанность к месту проживания, необходимость оставить все имущество, финансовые трудности на советской территории, и требования властей, вынуждающих беженцев оставлять пограничные территории, и передвигаться в глубину СССР. Евреи, оставшиеся под властью нацистов, еще не знали, что им готовит грядущий день, и даже представить себе не могли в самом страшном сне, что их ждет массовое уничтожение, которое началось спустя два года. В тот первоначальный период германской оккупации обладатели виз в

нейтральные страны получали разрешение на выезд. Из Варшавы небольшое число семей евреев, обладателей сертификатов, выехал в страну Израиля.

Мои родители решили, что моя шестнадцатилетняя сестра Рахиль уедет в город Свинцян, находящийся в зоне советской власти, и она покинула Варшаву в конце октября. Мы не знали, как она проехала и прибыла ли благополучно на место. Мы очень беспокоились, несмотря на то, что границу свободно пересекали: много опасностей поджидало в пути, особенно молодую девушку. Спустя месяц она вернулась. Рахиль рассказывала о спокойной жизни в Свинцяне, о хорошем отношении советских властей к евреям, о том, что многие из жителей города получили высокие должности в местном городском управлении, должности, доступ к которым евреям при польской власти был заказан. Она привезла приветы от всех родственников, которые просили нас вернуться в Свинцян.

В это время прибыла в Варшаву советская делегация, занимающаяся возвращением белорусов и украинцев в Советский Союз. Согласно пакту дружбы и пограничному разделу, заключенному между СССР и Германией 28 сентября 1939, могли люди немецкой национальности в СССР перейти в Германию, а белорусы и украинцы, находящиеся в зоне германской оккупации, перейти в СССР. Евреи, чье место рождения было в зоне, занятой советской властью, полагали, что они тоже включены в соглашение об обмене населением. Переходящие в зону советской власти с помощью делегации, имели право брать с собой все свое имущество, и условия перехода были более легкими. Мой отец полагал, что мы, уроженцы города Свинцян, который был присоединен к западной Белоруссии, сможем туда вернуться в рамках этого соглашения об обмене населением.

Шли недели, но так и не было ясно, включены ли евреи в соглашение. В начале декабря граница между советскими и германскими территориями Польши была закрыта. В советскую зону можно было попасть лишь незаконным путем: тайно пересечь границу. Польские контрабандисты и еврейские посредники занимались этим делом за немалые деньги. Отец решил, что я и моя сестра пересечем границу и доберемся до Свинцяна, а он с матерью будут ждать, пока прояснится ситуация с обменом населения. По наводке еврея отец связался с двумя проводниками, которые обязались за 250 злотых провести нас обоих до первой железнодорожной станции в советской зоне.

Расставание с родителями было тяжким. Мама с трудом сдерживала слезы. Я тоже старался не плакать. Отец успокаивал нас, что очень скоро мы все увидимся в Свинцяне. Поцелуи,

последние жесты прощания, машем друг другу руками, и расстаемся. Утро 24 декабря 1939.

В канун Рождества я последний раз в жизни видел родителей.

Польский проводник довел нас до железнодорожной станции вместе с еще одной парой евреев и их пятнадцатилетним сыном. По плану мы должны были доехать на поезде близко к границе, и пересечь ее на санях. Перед вокзалом в Варшаве мы сняли повязки. Евреям, пойманным без повязки, полагалось серьезное наказание, но поездка в поезде с повязкой тоже была опасной. На станции германские патрули время от времени проверяли пассажиров. Поездка до станции Шидлец, расположенной вблизи границы, заняла несколько часов. Прибыли мы туда до полудня. На станции нас ожидал крестьянин, один из проводников, на санях. Мы продолжили путь боковыми проселочными дорогами до села на самой границе. Дорога была заснежена, стоял мороз. Время от времени мы соскакивали с саней и бежали рядом, чтобы согреться. Мы наткнулись на германский конный патруль, которые остановили нас и стали расспрашивать, куда мы едем. Мы объяснили по-польски, что мы из городка под Варшавой, дом наш разрушен в дни войны, и мы едем к родственникам в смежное с дорогой село. Нам разрешили продолжать путь. К вечеру мы добрались до маленького села, в четырех километрах от границы по реке Буг. Нам приказали оставить чемоданы и рюкзаки на сеновале, и мы зашли в дом проводника — согреться.

Шли часы напряженного ожидания. Проводник отправился куда-то, и мы остались с членами его семьи. Стемнело рано. Мы ждали возвращения проводника. Он появился восемь часов вечера и приказал нам быстро забраться в сани. Когда мы спросили, что будет с нашими вещами, он ответил, что их подвезут на других санях, мы должны торопиться, ибо германский патруль приближается к селу. Снова мы ехали несколько часов, и падающий снег покрывал нас белизной. Внезапно сани остановились. Мы стояли на берегу Буга. Река замерзла и была покрыта снегом. Место было пусто, вокруг ни одного огонька. Проводник шепотом приказал сойти с саней, ибо лед еще не настолько крепок для того, чтобы по нему двигались сани с лошадьми. Он указал на купу деревьев, которые были ясно видны на фоне снега, на противоположном берегу реки, велел нам идти до этих деревьев, и там встретиться с ним. Он предупредил, что мы должны идти отдельно, чтобы лед под нами не обломился. Первой пошла пара с сыном, а мы — за ними. Делая первые шаги, я боялся, что лед треснет, и мы окажемся в ледяной воде. Но лед был крепок. Мы добрались до противоположного берега, до купы деревьев. Семья, шедшая перед нами, уже была там.

Мы ждали проводника, время шло, а он не появлялся. Постепенно мы стали понимать, что проводники нас обманули. Они получили с нас деньги, забрали вещи и оставили нас на советской стороне реки Буг. Мы начали двигаться на восток по советской территории, явно отставая с сестрой от семьи, так что вскоре потеряли ее с виду. Остались одни. Продолжали идти. Прошло несколько часов, пока услышали издалека собачий лай. Пошли на эти звуки и добрались до одиноко стоящего дома. Постучали в дверь. Сначала не было никакого ответа. Затем за дверью послышались шаги, и голос спросил, кто мы и что нам нужно. Рахиль ответила, кто мы, и что мы хотим добраться до ближайшей железнодорожной станции, и попросила впустить в дом погреться. После долгого молчания дверь открылась, и мы вошли в дом. Хозяин объяснил, что не зажег лампу, ибо советские пограничные патрули, охраняющие границы, увидев свет, тут же появятся. Мы согрелись, и в утренние часы продолжили путь. Хозяин показал нам дорогу, и отметил, где находятся пограничники.

С рассветом мы пришли к дороге, по которой крестьяне ехали до ближайшего городка. Они были привычны в последние месяцы — встречать в районе границы людей, пришедших с той стороны, поэтому не задавали вопросов. За оплату крестьянин довез нас до городка Симьятов, а оттуда — до железнодорожной станции, где мы впервые увидели красноармейцев. Мы боялись, что они нас арестуют. Но они не обращали внимания на двух детей, которые, очевидно, не вызывали никакого подозрения. Мы доехали на поезде до Белостока. Через 24 часа мы были в Свинцяне.

3. Под советской властью: январь 1940 — июнь 1941

Город Свинцян, в котором я родился, находится в 85 километрах северо-восточнее Вильно. Население его составляет девять тысяч душ, треть из которых — евреи. Остальные — литовцы, поляки, белорусы, русские и татары. В этническом плане через город пролегала граница. Западнее находились литовские села, восточнее — белорусские. Но город являлся областным центром многих десятков сел и городков округи.

Профессии евреев, дающие им средства на существования, возникли из потребностей сельского населения. Евреи были ремесленниками, торговцами, изготовителями мелких промышленных изделий, вспомогательных инструментов для ведения сельского хозяйства. В период польской власти культурная жизнь евреев городка была весьма оживленной и разнообразной. Большинство еврейской молодежи получало образование в ивритской школе "Тарбут" или в идишской школе "Фольксшул" (Народной школе), а продолжать учебу уезжала в Вильно. Центрами культурной жизни там были "Культурная лига", "Общество еврейского образования", библиотека, небольшой театр, оркестр, спортивные клубы "Макаби" и "Апоэль". Политическая жизнь была сосредоточена в различных политических партиях, в Движении "Молодой первопроходец (халуц)", в Киббуце по подготовке к репатриации в страну Израиля. В городке так же были активны кружки "Бунд" и подпольная коммунистическая группа.

Избранный комитет общины, представляющий все ее слои, руководил жизнью еврейского общества.

Религиозная жизнь протекала в двух больших синагогах и в небольших молитвенных домах. Евреи имели своих представителей в совете мэрии, и, так как представляли самую большую национальную группу в городке, заместителем мэра был еврей.

Городок располагался по обе стороны главной улицы Вильно и на боковых, примыкающих к ней улицах. Центром городка был рынок, являющийся также торговым центром. Сотни крестьян приезжали сюда на телегах в рыночные дни, продавали свою продукцию, и покупали необходимые им вещи. Здесь происходила главная встреча евреев городка и крестьян округи. Шум рынка и грохот катящихся тележных колес по булыжникам мостовой долетал до любого уголка городка. К вечеру рынок

пустел, и безмолвие опускалось на городок. Легковой автомобиль или грузовик были здесь явлением редким. Евреи жили в центре городка, вокруг рынка и в районе синагог, называемом "Шулхойф" (на идиш — Синагогальный двор). В большинстве своем дома городка были деревянными и одноэтажными. Над плоским пространством городка возвышались две церкви — католическая и православная, и звон колоколов разносился несколько раз в день по всему городку. Это был мой городок, каким я его запомнил в годы раннего детства.

Теперь городок, каким я его нашел, абсолютно изменился. Улицы и дома стояли на тех же местах, но пульс жизни был иным. Советская власть и новый режим создали и новую действительность. Рынок, бывший центр жизни городка, дышал мерзостью запустения. Крестьяне перестали привозить свою продукцию, ибо за вырученные деньги ничего не могли купить. Частная торговля приказала долго жить, а в государственных магазинах можно было приобрести лишь соль и спички. Крестьяне предпочитали обменивать сельскохозяйственную продукцию на товары, которые бывшие торговцы припрятали, боясь конфискации. Вся торговля велась тайком от властей.

Советская власть одним махом уничтожила жизнь евреев и их предприятий, которые строились тяжким трудом поколений в борьбе за существование. Еврейская община была разогнана, партии, спортивные клубы, организации взаимопомощи, культовые и культурные учреждения упразднены, ивритская школа "Тарбут" закрыта, школа на идиш "Фолксшул" превратилась в государственную школу на языке идиш. План обучения был в корне изменен: отменены были все предметы по изучению иудаизма — ТАНАХ, еврейская история и литература, и вместо этого введены такие предметы, как история СССР, марксизм и тому подобное. Еврейская библиотека была переведена в общую городскую библиотеку, изъяты все книги на иврите, а на идише те книги, содержание которых было национальным. Часть синагог была конфискована и превращена в воинские склады или зернохранилища, куда обязали крестьян свозить урожай в закрома государства. Особенно пострадали традиционные еврейские профессии, дающие им средства на существование. Частная торговля была запрещена, мелкие промышленные предприятия национализированы, ремесленники организованы в кооперативы. Часть евреев, потерявших заработки, устроились в государственные учреждения по экономике. А в образовательную систему принимались лишь местные коммунисты или работники, приехавшие из СССР. Их местные жители называли "восточниками". Среди местных

коммунистов и приезжих из СССР процент евреев был высок.

Свинцян был пограничным городом, и новая граница между СССР и Литвой пролегала в 3 километрах западнее города. С Вильно городок был ранее связан культурно и экономически. Теперь связь была абсолютно прекращена. По советско-литовскому соглашению от 10 октября 1939, город Вильно, находившийся под советской властью три недели, переходил к Литве. Литовцы считали город Вильно своей исторической столицей и боролись с поляками за его владение. Советы пошли навстречу литовцам, но за это СССР было разрешено содержать воинский гарнизон на литовской земле. Свинцян не был включен в область, переданную литовцам, а вошел в Белорусскую советскую республику. Возникшая политическая реальность привела к полному отделению и прекращению культурной и экономической связи городка с Вильно и с большей частью сельской округи.

Из-за близости городка к границе, "буржуа" и "ненадежные элементы" были удалены из пограничных районов. Среди них были десятки евреев. Беженцев, прибывших в городок, тоже приказано было удалить, и мы с сестрой опасались, что и нам придется оставить городок, несмотря на то, что мы уроженцы этого места.

В конце 1939 — начале 1940 евреи пытались пересечь лежащую близко к городку границу в сторону Литвы. В большинстве своем это были члены молодежных сионистских движений, которым помогали местные ячейки "Молодых первооткрывателей (халуцев)" и проводники покинуть территории, управляемые советской властью. Они надеялись через Литву добраться до страны Израиля. К весне 1940 усилилась охрана границы советскими пограничниками, и переходы прекратились.

Первые недели нашего проживания в Свинцяне прошли в ожидании наших родителей, но недели оборачивались месяцами, а от них не было никакой весточки. Нам стало известно, что переход границы между советской и германской территориями труден и невероятно опасен. Обе стороны в значительной степени усилили охрану границы. Немало людей, пытавшихся ее пересечь, погибло, было ранено или арестовано. Спустя несколько месяцев пришло письмо от наших родителей, в котором они писали, что, несомненно, нам известны трудности перехода через границу, и они все еще надеются добраться до нас законным путем, с помощью комиссии по обмену населением. В одном из следующих писем родители писали, что по Варшаве распространяются слухи о том, что, быть может, евреям будет

дана возможность уехать в страну Израиля, и родители даже предлагали нам вернуться в Варшаву. Меня буквально "очаровала" мысль о возвращении к родителям и отъезде в страну Израиля, но родственники советовали не возвращаться, тем более, что не было никакой законной возможности вернуться. В последующих письмах больше не упоминалась возможность отъезда в страну Израиля, и вопрос о нашем возвращении в Варшаву сошел с повестки дня. Мы посылали родителям продуктовые посылки по почте. Связи по почте с родителями продолжались до начала войны между Германией и СССР, грянувшей в конце июня 1941.

Так как я учился в ивритской школе "Тарбут", мои знания языка идиш не давали мне возможности поступить в еврейскую государственную школу. Я записался в русскую школу, где уровень знания русского языка учеников был низким. В этой школе мы получали марксистское образование в самой интенсивной форме. Учебники и хрестоматии, беседы с воспитателями, песни и фильмы — все это было во имя внедрения в учеников коммунистической идеологии. Большинство учеников ранее занималось в ивритской школе "Тарбут". Несмотря на столь интенсивное приобщение к марксизму, мы оставались верным сионистской идее. В беседах между нами мы этого и не скрывали.

В эти дни я завязал дружеские связи с группой ребят моего возраста, с которыми в будущем прошел длительный путь в гетто и партизанском движении. Среди них были мои одноклассники Гришка Бак, Рувка Миацжильский, мой двоюродный брат Иоська Рудницкий, все трое бывшие ученики ивритской школы "Тарбут", Мишка Шотан и Мотка Зайдель из бывшей идишской школы "Фолксшул". В нашей компании были и девушки — Беба Шнайдер, красивая блондинка, обладательница длинных кос, моя первая любовь, и Шейнка Коварска. В долгие зимние вечера, когда снег доходил до половины высоты дома, и мороз снаружи достигал 30 градусов, мы собирались в одном из домов, вели беседы, играли. Летом мы выходили в поля или уходили купаться на озера в Березовке или Кохановке, находящихся в нескольких километрах от городка. С помощью дяди Хаима Натана Хермеца, старше меня на пять лет, который в прошлом был активным членом движения "Молодой халуц", я присоединился к группе из двадцати бывших членов этого движения, и мы продолжали сионистскую деятельность в подполье. Душой группы был Юдке Шапиро, а я был самым юным в компании. У нас была подпольная библиотека, в которой хранились книги из школы "Тарбут, спасенные до того, как советы конфисковали школьное здание.

Книги эти переходили из рук в руки. В те дни я, тайком от моих родственников, прочитал книги "Ханита" (Копье), "Рамат Аковеш", "Агордим ба цафон" (Каменщики на севере), "Сефер Ашомер" (Книга стражей). В один из дней мы решили увеличить запас книг. Мы знали, что в подвале школы "Тарбут" есть еще книги на иврите. Ночью мы пробрались в здание, в котором располагалось государственное учреждение, и извлекли из подвала десятки книг. В результате этой "операции" я получил возможность с жадностью прочитать "Любовь к Сиону" и "Обвинения самаритянина" Авраама Мапу.

Мы собирались в домах товарищей из группы, в полях или около озера в Березовке на "невинные" товарищеские встречи, а по сути, наши беседы были посвящены стране Израиля, надеждам на репатриацию в эту страну, необходимости хранить верность сионистской идее. В те дни многие евреи, как говорится, сменили кожу, превратились в пламенных коммунистов. В субботние ночи мы пытались ловить радиопередачи из страны Израиля, и иногда нам удавалось слышать "Голос Иерусалима". В эти минуты мы сидели, оцепенев, вслушиваясь с большим волнением в голоса на иврите, доходящие до нас из приемника. Когда позволяли условия, мы пели ивритские песни. Мы тщательно хранили в тайне нашу небольшую подпольную ячейку, ибо сотрудники НКВД следили за любой антисоветской деятельностью, и были евреи, готовые по идеологическим причинам доносить властям о любой сионистской деятельности.

Жизнь была ко мне добра. Теплая атмосфера большой родни окружала меня. Помощь Рахили, евреи городка, которых я любил, окружающая природа, к которой я был привязан с детства, друзья и связь с подпольем, юношеская любовь к Бебе, мой природный оптимизм — все это превратило этот период в один из счастливейших периодов в моей жизни. И это несмотря на тревогу за судьбу родителей. В это время я повзрослел быстрее, чем товарищи в моем возрасте, стал самостоятельным, обрел уверенность в себе. Все это было отличной прививкой, позволившей выстоять перед будущими событиями моей жизни. Это был последний период моего детства и юности, и было мне пятнадцать лет.

Летом 1940 произошли политические события в нашей округе, отразившиеся на судьбе городка Свинцян. По московскому радио было передано сообщение об исчезновении советских солдат из гарнизона в Литве. Советы обвинили литовское правительство в помощи захватчикам красноармейцев, чтобы добыть у них сведения о советских войсках, расположенных в Литве. От правительства Литвы впредь требовалось принять

меры против таких захватов. Не помогли никакие отрицания и попытки литовцев снять с себя ответственность.

14 июня 1940 года советский министр иностранных дел Молотов передал ультиматум правительству Литвы с требованием отдать под суд министра внутренних дел и главу службы безопасности Литвы, ответственных за антисоветские провокации. От литовцев требовали создать новое правительство, дружественное СССР, и разрешить вступление дополнительных советских войск в Литву. Время ультиматума истекало на следующий день, 15 июня, в десять часов утра.

Уже в начале июня мы видели в Свинцяне необычное движение советских войск. Танковые подразделения, пехота и артиллерия занимали позиции в рощах, недалеко от городка. Ближе к вечеру, 14 июня, и в ночь воинские части прошли через городок в сторону литовской границы. 5 июня, в три часа перед рассветом, 7 часов до истечения ультиматума, советская армия пересекал границу Литвы, и помощью военных гарнизонов, находящихся на литовской территории, овладела литовским государством. Правительство и президент Литвы бежали в Германию. В Литве возникла просоветская власть, и более 99 процентов населения страны проголосовало за «Рабочий фронт», находящийся под руководством коммунистов. 3 июля Литва стала советской социалистической республикой, одной из республик Советского Союза.

Свинцян был присоединен к Литовской советской республике. Обновленная связь с большим еврейским населением Вильно, городом, являющимся культурным центром для евреев Свинцяна, пробудил надежды на пробуждение еврейской жизни в городке. Но спустя некоторое время были рассеяны и отменены еврейские учреждения и в Вильно (Вильнюсе), как это было сделано раньше в городке. Нам удалось установить связь с членами вильнюсского «Халуца», тоже ушедшего в подполье, и в один из дней прибыл к нам их посланец. Эта связь была нам очень важна. Чувство, что мы не одиноки, поддерживало нас. Нам стало известно, что советская власть дает визы на выезд евреям, у которых есть сертификаты на въезд в страну Израиля или в другие страны, и что сотни евреев уезжают. Пробудилась надежда, что, может быть, и нам удастся уехать. Путь евреев, покидающих СССР, пролегал через Турцию, Иран, Китай и Японию — в страну Израиля или в США. Большинство евреев, покидающих Литву, было беженцами из Польши, лидерами еврейских партий, раввинами и учениками религиозных школ —

ешиботниками. Выезд продолжался до мая 1941: несколько тысяч евреев получили разрешение на выезд. В мае власти неожиданно прекратили выезд. Надежда, что и нам, быть может, удастся уехать, была потеряна.

14 июня 1941 года городок был шокирован. Части НКВД и милиции изгнали из домов сотни людей, арестовав их и членов их семей. Большинство арестованных было бывшими служащими польских властей, землевладельцами и богачами в прошлом, польскими офицерами, активистами разных партий (исключая коммунистов). Эта ночная акция была проведена по всей Литве, примерно, около 30 тысяч человек были арестованы и депортированы в Сибирь и Казахстан. Среди них было 5–6 тысяч евреев — лидеры и активисты еврейских и сионистских партий, богачи и беженцы из Польши. Из Свинцяна увезено было несколько десятков семей. Мы знали многих из депортированных, и это были, главным образом, люди элиты местного еврейства.

Депортация посеяла страх во всех слоях населения. Распространялись слухи, что грянут новые волны выселений. Советский режим который и так не был принят большинством населения Литвы, вызвал ненависть к себе этой депортацией. Несмотря на то, что среди высланных были тысячи евреев, депортация усилила антисемитизм и ненависть к евреям, участие которых в партийном аппарате, помогающем выселению, был относительно велико. В этой атмосфере страха перед новыми выселениями и усиления ненависти к советскому режиму и евреям, войска нацисткой Германии пересекли границы СССР 22 июня 1941.

4. Снова под германской властью

Воскресный день 22 июня 1941 был чудесным солнечным днем лета, днем отдыха. Рано утром, мы, группа молодежи, пошли к озеру в Березовке, в четырех километрах от городка. Кроме необычного шума самолетов в воздухе, который, в общем-то, нас не тревожил, ничто не нарушало утренний покой, полей и рощ, по которым мы шли. Мы вышли рано, чтобы искупаться в озере до того, как нахлынет множество народа, но почему-то никто не пришел вслед за нами, и это было очень странно. Мы решили вернуться. Спросили первых встречных в городке, случилось ли что-то, и от них мы узнали слухи о том, что грянула война между Германией и СССР. Это нас просто ошеломило. Не было на это никаких намеков в советских газетах и сообщениях радио. Наоборот, время от времени публиковались статьи и шли радиопередачи о том, что пакт Молотова-Риббентропа выполняется по всем пунктам. В центре городка мы пришли именно в тот момент, когда министр иностранных дел Советского Союза Молотов начал свое сообщение по московскому радио о германском наступлении, и из его уст это услышали все граждане СССР. Было 11 часов. Сотни людей собрались у громкоговорителя в центре городка, когда Молотов начал говорить:

"Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня утром, в четыре часа, без объявления войны и без предъявления обвинений Советскому Союзу, германские войска атаковали нашу страну. Нападение было вероломным, и нет ей примера в истории культурных народов мира…" Голос Молотова эхом отзывался во всех углах городка. Дрожь охватила меня при слушании этого обращения. Видения осажденной Варшавы встали перед моими глазами. Никто в толпе слушателей не проронил ни звука, все, оцепенев, слушали речь Молотова, который продолжал объяснять, что нападение было совершено, несмотря на то, что Советский Союз выполнил все, что возложено было на него советско-германским пактом. Он завершил свою речь словами, ставшими затем девизом войны советского народа: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами".

Германское наступление немцев началось на рассвете. 150 дивизий атаковали на фронте от Балтийского до Черного морей — протяженностью в 3000 километров. В направлении главного удара действовало 30 бронетанковых и механизированных дивизий в количестве 3500 танков, и военно-воздушный флот, ведущий тактические операции против советских военных аэродромов. Атака германских войск шла по трем направлениям.

На северном фронте главным усилием было прорвать фронт в сторону стран Прибалтики и Ленинграда. В центральном направлении атака шла через Белоруссию в сторону Москвы. На южном направлении атака была направлена в центр Украины. Союзники Германии — Финляндия, Румыния, Венгрия и Италия — присоединили свои силы к этим атакам. Действующие силы регулярных войск Красной армии были малочисленны и не могли противостоять качественно и количественно внезапно атаковавшим их превосходящим силам противника, хотя по количеству танков намного превосходили атакующие войска. Но внезапность германского нападения, неверное построение обороны, "чистки" тридцатых годов, которые нанесли непоправимый ущерб командованию армии, а, главное, неправильный организационный и оперативный подход к введению в действие бронетанковых сил, которые были как бы приданы пехоте, а не направлены на самостоятельные действия с большой концентрацией танков — все это привело к поражениям на первых этапах войны.

Мы этого ничего не знали, слушая речь Молотова 22 июня. Мы видели мощь Красной армии, огромное число танков и артиллерии, и верили в эту колоссальную мощь. В средствах массовой информации, в школе, в фильмах без конца восхваляли Красную армию, ее мужество в годы Гражданской войны 1918–1920 годов, в боях против японцев на границе с Манчжурией, в войне с финнами зимой 1939–1940. Советский народ уверяли, что Красная армия нанесет поражение любому будущему агрессору. Мы были уверены в ее победе, и даже не могли представить, что нам грозит опасность, тем более, что наш городок отдален от фронта на 250 километров.

В те часы всё в действительности выглядело совсем по-иному. Германские танки вторглись на глубину десятков километров и быстро продвигались в сторону Литвы и Белоруссии, почти без всякого сопротивления. Войска Красной армии были абсолютно ошеломлены внезапным нападением, отступали и разбегались. Самолеты, которые мы видели и слышали утром, были германскими. И до полудня они уничтожили 1200 советских самолетов, главным образом, на земле.

После полудня и вечером мы не отрывались от радиоприемников. Мы слушали Москву в надежде услышать новости о том, что творится на фронте. Только в 10 часов вечера было озвучено первое сообщение генерального штаба советских войск, в котором говорилось: "22 июня германские войска вели бои с частями советских пограничных войск и добились местного успеха. Когда к фронту подтянулись полевые части Красной

армии во второй половине дня, атаки немцев были отбиты в большинстве пограничных районов с нанесением неприятелю большого урона в живой силе и технике". В этом кратком сообщении не были названы места боев, но мы радовались тому, что атаки немцев отбиты, и чувство уверенности к нам вернулось.

Назавтра, во второй день войны, в часы после полудня, уверенность наша сильно заколебалась. Вместо движения войск в сторону фронта, чего мы ожидали, началось движение в обратную сторону пехотных частей и машин. Вначале части шли упорядоченным строем, но через день проходили разрозненные группы солдат, часто без командиров и без оружия. Грузовики семьями офицеров и советских чиновников время от времени проносились через городок. Шоферы останавливались и спрашивали дорогу на Полоцк, город в 120 километрах, в глубине восточной Белоруссии. Среди убегающих на восток были и евреи. От них мы услышали впервые, что значительная территория Литвы, в том числе город Ковно (Каунас), оккупированы немцами, Красная армия в Литве разгромлена. Литовская армия, которая после провозглашения Литовской советской республики, превратилась в корпус Красной армии, совершила предательство, и повернула оружие против Красной армии. И еще нам рассказали евреи, что литовские солдаты и граждане организуют засады на дорогах, и многие советские солдаты и евреи ими убиты.

По радио Ковно было передано сообщение о создании литовского антикоммунистического правительства, и призыв к литовскому народу восстать, бороться за создание независимой Литвы и помогать победоносной германской армии освободительнице.

Мы все еще надеялись, что вскоре придут резервы Красной армии, и положение изменится решительным образом. Но на третий день войны, когда распространились слухи, что город Вильно оккупирован немцами, и в час ночи из городка сбежали все советские чиновники с семьями, и мы остались без власти, рухнули все и всяческие надежды. Среди беглецов были и коммунистические активисты-евреи, милиционеры и служащие НКВД. Страх охватил местных евреев. Никто не знал, что делать. Сбежавшие правительственные чиновники не оставили никаких указаний населению, остаться ли на месте или пытаться сбежать от германской оккупации. Никакой транспорт не был представлен тем, кто хотел эвакуироваться, кроме телег и велосипедов, которые были у некоторых жителей. Большинство должно было двигаться пешком. По городку поползли слухи, что на дорогах, ведущих на север и восток, — направлениях бегства — литовцы

поставили засады, и часть беглецов ими застрелена.

Я стоял на главной улице, по которой двигался поток беженцев из Вильно, смотрел на грузовики, набитые солдатами, частью ранеными, проносящиеся по шоссе, на группы солдат и гражданских лиц, идущих пешком, усталых, с трудом волокущих ноги. На телегах с тюками сидели беженцы-евреи, целые семьи, пытающиеся спастись от немцев. Возникла группа велосипедистов, и среди них я узнал Лейбку, старшего брата моего доброго друга Сендера Коварского. Он остановился на минуту около меня и рассказал, что покинул Вильно вчера после полудня. После бомбежек и панического бегства всех работников правительственных учреждений, в городе воцарился полнейший хаос. Он расстался с Сендером на железнодорожной станции, когда тот сумел вскочить в поезд, набитый беженцами, идущий в направлении столицы Белоруссии — Минска. Он надеется, что и все члены его семьи уйдут вместе с ним из городка. Мы расстались, и он продолжил свой путь. Группы поляков и литовцев стояли на тротуарах, вдоль шоссе, недалеко от меня, громко выражая радость и проклиная беглецов. Их восторги разгневали меня, и я ушел оттуда.

На углу "Синагогального двора" я встретил товарищей — Моше Шотана, Давида Йохая, Гершку Бака, и моего двоюродного брата Иоську Рудницкого. Всем нам было по 16–17 лет. Ишика Гертман был старше нас на два года. Мы обсуждали ситуацию: следует ли присоединиться к потоку беженцев. Йоська предложил уходить со всеми. Ишика слышал по радиостанции из Ковно, что германская армия приближается к Минску, продвинувшись далеко на восток. По его мнению, нет никакого шанса бежать пешком. Я был единственным из группы, который вкусил прелесть нацистской оккупации, и потому был за немедленный уход. Мы разошлись, так и ничего не решив. На следующий, четвертый день войны, рано утром я расстался с Рахилью и всеми родственниками, и вместе с Иоськой Рудницким и Гришкой Баком направился в Ходоцишки. Мой дядя Элияу, у которого я жил, пытался в последний момент меня отговорить. Он считал, что у нас нет никакого шанса сбежать, что литовцы нас подстрелят по дороге, потому лучше остаться на месте. По его мнению, под германской властью нам грозило гетто, каторжный труд, страдания и унижения, все то, что переносят мои родители вот уже два года. Но все это предпочтительней гибели на дороге. И все же мы решили идти. За городком мы встретили группу из двадцати, примерно, советских солдат, и последовали за ними. Прошли около восьми километров, и вдруг по нам открыли огонь с околицы следующего города. Несколько солдат, идущих

впереди, было ранено, вся группа рассеялась, и мы втроем пересекли поле в сторону параллельной дороги. И тут мы слышали стрельбу из винтовок и автоматов. Следовало полагать, что это засады литовцев. Повернули проселочной дорогой на север, дошли до перекрестка около села. Нашли нагие тела пяти убитых парней из нашей округи, которых, очевидно, совсем недавно расстреляли жители села или литовские партизаны. Вид этих тел сильно подействовал на нас. Мы решили вернуться в наш городок. Попытка сбежать от немцев провалилась. Многие сотни жителей городка пытались уйти, как мы, но сумело это сделать менее ста. Они покинули городок на второй и третий день войны, и успели вскочить в проходящий поезд. Остальные вернулись в городок или остались в населенных пунктах по дороге. Германская армия прошла мимо них, а некоторые погибли в пути.

Свинцян не стоял на пути главного продвижения германских бронетанковых колонн, армия их продвинулась к Минску и Полоцку, около ста километров на север и восток, а в городке не было никакой власти. Все эти дни через городок шли советские солдаты, группами и в одиночку. Лишь 28 июня, к вечеру, спустя четыре дня после того, как представители советской власти сбежали, впервые вошли в город германские патрульные подразделения. В этот момент мы стали свидетелями события, приковавшего наше внимание. Уже три дня, в нескольких километрах западнее городка, стояла большая колонна советских армейских грузовиков, которых шоферы покинули из-за отсутствия бензина. Когда въехали в городок несколько мотоциклов и бронемашин патрульной службы германской армии, прибывших из Вильно, внезапно пролетели на бреющем полете советские транспортные самолеты и сбросили бочки с горючим для оставленной колонны грузовиков. Советское командование, очевидно, считало, что колона еще находится в руках бойцов Красной армии, и не знало, где находятся немцы, которые быстро рассредоточились по полю и открыли автоматный огонь по самолетам. Зрелище было невероятным. Гигантская колонна машин-привидений, растянутая по шоссе и его обочинам, транспортные самолеты в воздухе, бочки с горючим, частью висящие на парашютах, частью разбросанные по зеленому полю, и из десятка германских машин ведут огонь по самолетам, и все это на глазах сотен жителей городка, наблюдающих со стороны разворачивающийся перед ними фильм. В течение считанных минут самолеты исчезли за горизонтом. Это было расставание с Красной армией на длительный период.

Германская армия вошла в городок на следующий день. Она

двигалась из Вильно на Полоцк. Я вышел поглядеть, что творится в городе, издалека видел танки и машины, катящие по главной улице Вильно. На обочинах стояли группы литовцев и поляков и восторженно приветствовали германские войска. В разных местах виднелись вооруженные литовцы в военной форме, с белыми повязками на рукавах. Большинство евреев закрылось в домах, меньшинство глядело на происходящее издалека, в щели жалюзи и ставен. Я остановился в ста метрах от главной улицы, прижался к деревянному забору и следил за происходящим. И тут я оказался свидетелем жестокой картины. По дороге в городок со стороны Ново-Свинцяна появился мотоцикл с коляской, на котором было три человека. Мотоцикл с большой скоростью несся прямо на главную улицу. С мотоцикла нельзя было видеть, что творится на главной улице из-за изгиба шоссе. Мотоцикл приблизился ко мне, и я видел лица сидящих на нем. За рулем сидел немец, и два остальных пассажира были советскими офицерами. Я кричал в их сторону и махал руками, пытаясь их предупредить, но они, вероятно, меня не поняли или просто не сумели остановить мотоцикл. Они промчались мимо меня и вдруг увидели немецких солдат. Один из советских офицеров выхватил пистолет и выстрелил в немца, который вел мотоцикл. Немцы на главной улице увидели происходящее и начали бежать к мотоциклу. Советские офицеры вскочили, и дали несколько автоматных очередей в сторону бегущих к ним немцев и сами начали убегать. Немцы погнались за ними. Убитый немец и мотоцикл остались посреди улицы. Из центра набежали немцы и начали искать и начали искать сбежавших русских по близлежащим домам. Из боковой улицы неожиданно вышло пять советских солдат и, увидев немцев, подняли руки. Они были без оружия. В гневе за убитого их товарища, немцы поставили пятерых солдат к стенке. Я находился в 50 метрах от них, во дворе, за забором. Я видел советского солдата лет восемнадцати с детским выражением лица. Он плакал и просил не убивать его, он кричал, что запрещено убивать пленных. Немцы не дали ему договорить. Офицер скомандовал, солдаты открыли огонь, и все пятеро упали на землю.

Застыв, я долго глядел в щель забора на тела убитых, которые минуту назад были живы. Я просто не чувствовал, что слезы текут у меня из глаз. Я видел много убитых во время осады Варшавы, но впервые в жизни увидел, как расстреливают людей. Их тела два дня валялись на улице, пока немецкие солдаты не приказали евреям похоронить убитых в поле, рядом с домами. Позднее нам стало известно, что случилось с двумя советскими офицерами. В шести километрах от городка они взяли в плен немецкого

мотоциклиста. Сами они водить мотоцикл не умели, и приказали немцу управлять им. Они решили проехать через городок, ибо это был самый короткий путь на восток, но не знали, что в городке уже находятся немцы, которые удовлетворились расстрелом пяти пленных, а два офицера сумели скрыться.

С приходом немцев литовцы взяли власть в городке в свои руки. Они создали городской совет по ведению дел, и местную полицию. Воинское подразделение литовского корпуса Красной армии вошло в городок, являясь частью самостоятельной литовской армии. Городок был украшен знаменами Литвы и Германии. Поляков литовцы не включили ни во властные структуры, ни в полицию, ни в армию. Германская армия назначила военного коменданта округа, и так же по всей Литве. В Ковно было создано временное литовское правительство, которое надеялось на то, что будет признано немцами. Литовцы полагали, что немцы им вернут независимость в знак признательности за их восстание против Красной армии и готовности присоединиться в качестве союзников Германии в войне. Надежды литовцев не оправдались. Литовское правительство немцами признано не было, и спустя месяц были распущены все государственные учреждения, которые были созданы литовцами, включая и правительство Литвы. Литовцы остались на своих должностях только на муниципальном уровне. Литовская армия также была распущена, и некоторые ее подразделения перешли под командование германской "полиции безопасности", главным образом, для акций против евреев. Политика расширения жизненного пространства Германии видела в странах Прибалтики территории для германского заселения, и в таком плане не было места литовской независимости. И, несмотря на это, литовцы хранили верность германскому режиму до конца.

Ненависть литовцев к евреям вырвалась наружу в полной силе. Евреев избивали на улицах, грабили их дома, вынося оттуда все, что попадалось под руку, евреев хватали и везли на каторжные работы, и там издевались над ними и избивали. В дни начала июля большая группа вооруженных литовцев пришла в район проживания евреев, и начала хватать их. В наш дом вошли литовцы и погнали меня на улицу, где согнано было около 40 евреев, также выгнанных, как я, из своих домов. Всех нас повели в полицейский участок. Спустя полчаса появился литовский офицер, и попросил у полицейских двух человек для работ. Выбрали меня, как самого молодого, и самого старого еврея в группе. Литовский офицер привел нас к своему дому и приказал убрать двор. Мы поработали несколько часов, после чего он "угостил" нас тумаками и велел идти домой. Люди, которых

захватили с нами, домой не вернулись. На следующий день нам стало известно, что людей этих увезли из городка в неизвестном направлении. По городку пронесся слух, что их повезли работать на аэродром около Полоцка. Время от времени появлялись крестьяне и рассказывали, что видели этих людей, работающих в германском воинском подразделении в Белоруссии, и те просили послать им разные вещи через этих крестьян. Только спустя несколько месяцев стало известно, что людей этих сразу же увезли недалеко от города, к селу Церклишки, и там всех расстреляли. Случай спас меня.

Германские власти в городке опубликовали декреты, касающиеся евреев. Они, все, как один, обязаны были зарегистрироваться, носить белую повязку на рукаве. Им запрещалось менять место жительства. Им строго вменялось передать властям свои радиоприемники. Все евреи от 16 до 50 лет должны были, по решению местной власти, тяжело работать. За неподчинение последует самое тяжкое наказание, по сути, смертный приговор. Был введен комендантский час в течение ночи, распространявшийся на все население. Жизнь евреев со дня на день становилась невыносимей. Каторжный труд, избиения, обвинения в любой мелочи, и, главным образом, в этом отличались соседи-христиане и крестьяне округи. Также и подростки христиане, с которыми мы сидели на одной школьной скамье, издевались над нами. Особенно приносили боль действия наших соседей, с которыми столько лет мы жили бок о бок, и помогали друг другу.

Я работал с еще десятью евреями по починке шоссе на Ново-Свинцян. В середине июля, в то время, когда мы шли на работу, нас остановили литовские полицаи, но отпустили после того, как мы показали им удостоверения о том, что мы работаем на починке шоссе. Нам стало известно, что утром увели из домов и схватили на улицах работоспособных евреев. Позднее мимо нас проехали по шоссе на Ново-Свинцян грузовики, полные мужчин из нашего городка, арестованных утром. Сильная охрана из немцев и литовцев сопровождала их. Вернувшись с работы, мы узнали, что было взято сто евреев, и среди них были два моих родственника. Угнанные люди составляли большую часть молодых мужчин городка. Литовцы сказали, что везут их на работу, и они вернуться через месяц, когда их сменят другие. Но все они были расстреляны в тот же день недалеко от Ново-Свинцяна. Немцы, которые проводили эту "акцию", были солдатами "эйнзацгрупп" (групп действия).

Сообщения с фронта были угнетающими. Оккупирована был Латвия, большая часть Эстонии, вся Белоруссия, и в середине

июля немцы стояли на подступах к Смоленску — по пути к Москве. Так же и на Украине они вторглись на сотни километров. Взяли в плен сотни тысяч советских солдат и большое число техники, целые советские армии были разгромлены, продвижение немцев продолжалось. Единственным нашим источником новостей были немецкие и литовские газеты, которые нам удавалось иногда добыть.

В один из вечеров, перед наступлением комендантского часа, пришел ко мне Моше Шотан, мой сосед, и шепотом сообщил мне тайну: он вместе с Ишикой Гертманом спрятали приемник на чердаке дома, в котором они живут, и слушают новости из Москвы. По его словам, несмотря на продвижение немцев, о котором сообщает московское радио, Красная армия мужественно сражается, немцы остановлены под Смоленском, советский народ мобилизует все свои силы для продолжительной войны.

Вечером, после наступления комендантского часа, я выскользнул из дома и пересек улицу Ново-Свинцян, по ту сторону которой был дом Моше, взобрался по лестнице на чердак, где меня ждали Моше и Ишика. Приемник был спрятан среди старых вещей. Я стоял сбоку в полной темноте, пока Моше и Ишика укутали себя и приемник в три одеяла, и стали слушать новости из Москвы. Я стоял в метре от них и с трудом различал шорохи, идущие из-под одеял. Я ждал с нетерпением, когда смогу проскользнуть под одеяла и слушать. Я слегка дрожал от страха. После нескольких минут, которые показались мне вечными, Моше вылез из-под одеял и жестом показал мне забраться под одеяла и слушать. Он остался снаружи.

Новости уже закончились, передавались комментарии. Я прилип к приемнику и с напряжением слушал. Прием был не совсем четок, и я старался различать каждое слово. Диктор говорил о первом выступлении Сталина после нападения на Советский Союз. Мы, конечно же, слышали об этом выступлении в начале июля, в котором Сталин говорил о создавшемся положении, объяснял, с чем связаны успехи германской армии, совершившей внезапное нападение, изложил стратегию войны Советского Союза. Диктор время от времени цитировал отрывки из выступления Сталина. Он говорил о политике "выжженной земли", целью которой было — ничего не оставлять врагу — продукты, скот, сырье. Все, что невозможно вывезти, следует уничтожить. Но больше всего меня взволновали слова Сталина, приведенные диктором. И главное в них я запомнил на все годы: "Следует создать на оккупированных территориях партизанские отряды для борьбыс врагом. Следует взрывать и разрушать шоссе, мосты, телефонные линии, телеграф, поджигать вражеские

склады, создать на оккупированных территориях невыносимые условия для врага и для тех, кто с ними сотрудничает, уничтожать все, что в их руках". В темноте, под одеялом, я не видел Ишику, но чувствовал дрожь его тела, как и собственную дрожь. Эта передача родила в нас много мыслей и зажгла наше воображение. Впервые, с начала войны, я услышал понятие — "партизанская война", — как призыв к немедленному действию.

Передача закончилась, но мы еще долго сидели в молчании на чердаке, и каждый был погружен в свои мысли. Тишина стала над городом. Один за другим мы спустились с крыши, товарищи мои пошли по своим домам. Я прислушался, нет ли голосов полицейского патруля, время от времени проходящего по улице. Все было тихо, я быстро перебежал улицу и через минуту был дома. Не ответил на вопрос сестры, где я был. Моше рассказал мне, что в один из вечеров они сумели поймать "Голос Иерусалима", и даже привели Юдку Шапиро, который владел ивритом и слушал передачу. Они надеялись услышать слова, обращенные к евреям под нацистской оккупацией, слова поддержки, надежды, но передача на иврите была похожа на передачи из Лондона. В эти трудные дни слушание радиопередач из Москвы, Лондона и Иерусалима было лучом света в кромешной тьме, окружающей нас.

5. Массовые уничтожения и мой побег в Белоруссию

В начале августа германская гражданская администрация взяла власть из рук военного режима. Литва превратилась в «генералбецирк» с германским наместником во главе и центром его администрации в городе Ковно. Свинцян был включен в «гебитскомиссариат Вильнеланд» (областной комиссариат земли Вильно) во главе с гебисткомиссаром Г.Вольфом, центром администрации которого стал город Вильно. При гражданском режиме было создано подразделение полиции «безопасности» и СД (зихерхайт диенст), главным предназначением которого было уничтожение евреев. В Свинцяне была образована группа, подчиняющаяся этому подразделению и СД в составе десяти человек. С введением режима гражданской администрации началось систематическое уничтожение евреев Литвы. Летучие отряды полиции безопасности и СД передвигались с места на место, и, с помощью местной литовской полиции, убивали евреев. На месте цветущих еврейских общин эти отряды убийц оставили массовые кладбища, покрывшие земли Литвы.

19 сентября 1941 гебитскомиссар Вольф издал приказ местным литовским властям и литовской полиции согнать всех евреев в гетто и конфисковать все их имущество. Приказано был стрелять в евреев, которые попытаются сбежать. Этот приказ был первым шагом к их уничтожению.

В конце сентября, в канун еврейского Нового года — Рош-Ашана, распространился слух среди евреев Свинцяна, что все евреи округи будут переведены в лагерь Полигон, в 12 километрах, около городка Ново-Свинцян, и там будут поселены в заброшенном военном лагере на песках. Никто из них не знал, что с ними будет после их перевода на Полигон, и на какие средства они будут существовать.

В пятницу, 26 сентября, городок окружили литовские полицейские и эсэсовцы. Евреям было сообщено, что завтра они будут депортированы в лагерь Полигон. Им разрешено брать с собой все, что они смогут нести, стариков и больных повезут на телегах. Паника охватила евреев городка, и многие говорили, что следует бежать в соседнюю Белоруссию, что проживающим там евреям было намного лучше, чем евреям Литвы, несмотря на то, что и там тоже власть немцев. Моя сестра Рахиль, которая работала в германском учреждении, вернулась домой и

предложила всем бежать, ибо немцы сказали ей, что на Полигоне евреям будет «невероятно тяжело». Мы еще не уловили смысла этих слов — «невероятно тяжело», и никто даже представить не мог, что речь идет об уничтожении.

К вечеру стало известно, что немцы оставляют в городке несколько десятков евреев, мастеров по разным ремеслам, которые работали на новую власть, вместе с их семьями. Каждый хотел выставить себя тем или иным мастером, люди начали подкупать, кто немца, стоящего во главе "эйнзацгруппы" и СД, кто начальника литовской полиции. Немцы составили список из нескольких десятков человек с их семьями. Число в списке дошло до 300 душ, ибо в течение ночи семья каждого из остающихся в городке увеличилась вдвое или втрое.

Сотни бежали в эту ночь в Белоруссию, и я тоже решил бежать туда. Мы собрались, 12 парней, среди которых мой двоюродный брат Моше-Юдка, мой друг из подполья Юдка Шапиро и другие. Расставание с членами семьи было тяжелым. Мы не знали, увидимся ли вновь. Выбраться из городка тоже было нелегко. В соседние села было передано, что каждый, кто поймает убегающего еврея и приведет его в полицию, получит премию. К нашему счастью ночь была пронизывающе холодной, временами шел дождь. Полицейские искали укрытие, и мы сумели выбраться из городка незаметно. Через поля мы добрались до шоссе, ведущего в городок Линтоп, в 12 километрах юго-восточнее нашего городка, на территории Белоруссии. Городок Линтоп мы решили обогнуть, чтобы не быть схваченными и возвращенными литовской полиции в наш городок. Так мы дошли до города Константинов, в котором было несколько еврейских семей. Мы решили не продолжать движение по главному шоссе, и старались не проходить через села, а огибать их. Иногда мы встречали крестьянина в поле, он мельком оглядывал нас и продолжал свою работу. Каждый из нас был погружен в свои мысли. Мы вышли в путь без цели, по трерриториям, над которыми властвовали немцы. Фронт был далеко, немцы приблизились к Москве, и добраться до фронта не было возможности. Мы были полны тревоги за наши семьи: переведут ли их в Полигон, и какой будет их судьба на новом месте? Природа вокруг нас была прекрасной, зеленые поля с одной стороны, и огромный лес, простирающийся с другой стороны километр за километром. Среди полей текла река, на берегу которой росли деревья. Мир виделся нам в эти минуты таким чудесным и необъятным. И только нам, кучке беглецов, не было в нем места. К вечеру мы добрались до Константинова и вошли в дома евреев. Они гостеприимно встретили нас. Они уже слышали о том, что всех евреев области

переведут в Полигон, а в нашем городке оставят несколько десятков семей мастеров-ремесленников. И еще они рассказали, что тотчас, как там евреев изгнали из их домов, наехали крестьяне из окрестных сел, ворвались в дома евреев и унесли все, что там осталось.

Увозили на телегах мебель. Германские и литовские полицаи разрешили крестьянам брать все, что им заблагорассудится. После того, как те забрали все, что было в домах, начали выкорчевывать окна и двери.

Мы советовались с местными евреями, как нам быть. Они сказали, что у них мы остаться не можем, ибо их слишком мало в городе, белорусская полиция сразу выйдет на нас. Они посоветовали нам двигаться в сторону местечка Глубокое, в котором живут несколько тысяч евреев, и там полиция нас не заметит. Находился он на расстоянии 80 километров восточнее Константинова.

Решили выйти ночью. Попрощались с местными евреями, и вышли в путь. Расставание было сердечным. Они снабдили нас едой в дорогу, объяснили, по каким местам идти, чтобы не наткнуться на полицию. Мы начали двигаться не все вместе, а четырьмя группами по три. Каждая группа будет идти другим путем, и все мы встретимся в Глубоком. Решение это было принято, ибо путь был очень опасен. Предстояло пройти несколько городов и селений. И группе в 12 человек трудно пройти, чтобы ее не заметили. И еще. Нам надлежало заходить в крестьянские дома, чтобы добыть съестные припасы, и легче это делать трем, чем двенадцати.

Мы молча расстались. Дошли до перекрестка дорог. Я остался с Рувином Л. И Эфраимом М. Решили идти по боковому шоссе. После полудня увидели одинокий дом в поле, вошли попросить немного еды. В доме были только малые дети, и они очень испугались. Один из них побежал звать отца, который работал на сеновале. Пришел хозяин, типичный белорусский крестьянин, поздоровался с нами и спросил, чего мы хотим. Сказали, что мы поляки из окрестности местечка Глубокого, год назад русские мобилизовали нас на строительство укреплений на германской границе. В первый день войны немцы нас взяли в плен, и неделю назад освободили. Теперь мы возвращаемся домой, в наше село, идти нам туда несколько дней. Мы голодны и просим нас накормить. Крестьянин выслушал нас с большим терпением, но не очень нам веря. Вероятно, подозревал, что мы евреи. Несмотря на это подал нам крынку молока и большую буханку хлеба. Я спросил его, сможем ли мы заночевать у него. Он ответил, что полиция запретила давать ночлег незнакомым людям, но он готов

рискнуть. Он даст нам ночлег с условием, что на рассвете мы уйдем, и никто не увидит нас выходящими из его дома, ибо могут донести на него в полицию, и добавил, что мы должны остерегаться его соседа, который является полицейским осведомителем.

Сначала мы думали заночевать на сеновале, но потом решили остаться в доме, и видеть, что делает хозяин и его дети, ибо, несмотря на его доброе к нам отношение, мы не совсем доверяли ему. Крестьянин принес в дом несколько снопов соломы, и мы легли спать. Я проснулся первым и разбудил товарищей. Крестьянин, вставший еще раньше, вошел в дом, и я спросил его о пути к разным населенным пунктам, включая местечко Глубокое, и необходимое нам направление, чтобы не раскрыть истинную цель нашего движения, а именно, Глубокое. Он объяснил нам, как миновать полицейские участки, и я все записал в своем блокноте. Карты у нас не было, а пройти 80 километров без знания дороги — дело не простое. После легкого завтрака мы вышли в путь. Шли пот тропам, полям, лесам, и до полудня не встретили ни одного села и ни одной живой души. Обогнули городок Кобыльник, севернее озера Нарочь. Хотели до вечера добраться до городка Данилович, в котором проживала, примерно, тысяча евреев. Слышали, что в городке много германской полиции, но у нас не было выхода, ибо для того, чтобы дойти до Глубокого, нам надо было перейти реку, мост через которую был только в городке Данилович. К вечеру добрались до городка и вошли в первый дом, который оказался нееврейским.

Евреи нас встретили с большим страхом и рассказали, что утром арестовали трех еврейских парней, и им грозит серьезная опасность. Мы предположили, что это одна из наших групп. Полиция предупредила всех евреев, что укрыватели евреев из других мест будут расстреляны. Нас попросили немедленно покинуть дом, чтобы не накликать на них беду. Они указали, как добраться до моста, чтобы не наткнуться на полицию, но предупредили, что на мосту постоянно дежурит полицейский. Расстались с евреями, охваченными страхом, и пошли дальше. Решили, что мост мы перейдем по одному. Я пошел первым. Приблизился к мосту и продолжал уверенно идти. Я знал, что если полицейский заметит у меня признаки страха, он тут же меня арестует. Я прошел мимо него, насвистывая польский мотив, и через минуту был на другой стороне моста. За мной прошли и два моих товарища. Мы быстро покинули местечко Данилович, оставшийся за нашими спинами. Я чувствовал вкус победы: миновали самое опасное место на нашем пути! До наступления темноты мы добрались до леса, решили в нем заночевать,

несмотря на холод. Ничего съестного у нас не было. Рано утром двинулись дальше, полагая пройти 40 километров до местечка Глубокого. И когда стемнеет, войти в город и найти еврейский дом. Спустя несколько часов наткнулись на большую группу крестьян, работавших в поле. Они начали кричать: "Жид! Жид!" и кинулись за нами. Мы побежали в лес — в полкилометра от нас. Крестьянин бежал впереди ватаги и кричал: "Поймать жидов и сдать их полиции!"

Мы добежали до леса и скрылись между деревьями. Слышали их удаляющиеся голоса, и через некоторое время они смолкли. Сели отдохнуть. С темнотой мы добрались до нашей цели — Глубокого. Обогнули центральную улицу, шли через парки, пока не дошли до боковой улицы. По домам определили, где живут евреи. Вошли в небольшой домик бедной еврейской семьи. Они встретили нас радушно и рассказали, что слышали о депортации всех евреев округи в Полигон, но есть сведения, что часть евреев Свинцяна вернули назад в городок. Есть надежда, что вскоре всех их вернут по домам. Цель была одна, как полагают, разграбить имущество евреев. Когда они будут переселены в гетто, которое будет создано в Свинцяне, питание они буду получать от немцев. Мы надеялись, что слухи эти правдивы, и если все евреи городка вернутся в Свинцян, вернемся и мы. Спросили: приходили ли евреи, сбежавшие из наших мест. Ответили нам, что под вечер пришла группа из трех человек, и они находятся у раввина. Это была одна из наших групп, которая должна была прийти в Глубокое.

Члены семьи рассказывали, что положение евреев в Белоруссии ухудшается со дня на день. Поговаривают о создании гетто, в которое будут переселены евреев округи, и кто знает, каков будет конец гетто? По городку гуляют слухи, что в восточной Белоруссии уже не осталось ни одного еврея, что в таких городах, как Полоцк, Витебск, Минск, всех евреев расстреляли в первый же день германской оккупации. Расстреливали их не только немцы, а также и белорусы. Также и здесь, в Глубоком, отношение полиции, в которой служат местные жители, белорусы и поляки, к евреям хуже, чем отношение к ним немцев. И жители только и ждут, чтобы им разрешили расправиться с евреями и наследовать их имущество. Семья, в которой мы гостили, была очень бедной, они не ужинали, так что и мы остались голодными. Хозяйка предложила нам ночевать на полу. Мы очень устали и уснули мгновенно.

Утром пошли в "юденрат". Надеялись узнать какие-либо новости из Свинцяна и попросить помощь для устройства на месте. Надо было пересечь весь городок, чтобы добраться до

"юденрата". Глубокое было вдвое больше Свинцяна. В нем проживало 11 тысяч человек, из которых половина были евреи. В прошлом здесь протекала полноценная жизнь, функционировали сионистские партии, еврейские школы и культурный центр. Советская власть, а, главным образом, германская власть, все это ликвидировали. Я много слышал об этом городке, но оказался в нем впервые.

Пришли в "юденрат" и там встретили трех наших товарищей из другой группы. Они тоже добрались до города вчера. Рассказал им, что третья группа схвачена немцами в городке Данилович. Мы не знали, какова судьба четвертой группы. Попросили главу "юденрата" помочь нам временно устроиться, но он ответил, что не в силах этого сделать и мы должны полагаться лишь на самих себя. Было слишком опасно оставаться в помещении "юденрата", ибо немцы и местные полицейские появлялись здесь время от времени — брать людей на работу. Полицейские знали в лицо всех евреев городка, и могли сразу определить, что мы беженцы. Опасно было ходить по городу: у местных евреев были документы, выданные немцами, у нас же вообще никаких документов не было. Мы решили, что каждый отыщет себе укрытие в еврейской семье, а вечером встретимся в "юденрате".

Я вышел на улицу, шел медленно, не зная, куда податься. Не мог представить себе, как я войду к людям, которые меня не знают, и попрошу у них остаться, когда у евреев такое трудное положение, нет заработков, и все существует на старых запасах. Прошел мимо одного, другого, третьего дома. Внезапно увидел полицейского, идущего мне навстречу. Не было у меня времени на колебания, я стоял у одноэтажного дома. Подошел к двери, постучал, и, не ожидая ответа, вошел в кухню. У большой плиты стояла хозяйка и готовила обед. Я стоял у двери, и не мог открыть рта. Хозяйка смотрела на меня, ожидая, что я что-нибудь скажу. В конце концов, я преодолел свой стыд и выпалил на одном дыхании: "Госпожа, я беженец, бежал из Свинцян, могу ли побыть немного у вас?" После минуты молчания она ответила: "Да, — затем добавила, — Снимите пальто и присядьте отдохнуть, через полчаса мой муж и сын придут с работы, и мы сядем обедать". Я вошел в соседнюю комнату и присел на диван. Комната была красиво и чисто убранной. Ясно было, что хозяин не беден. На стене висел большой портрет Герцля, а на маленьком столике в углу лежали книги на иврите. Я взял в руки одну из книг — "Иудейские войны против римлян" Иосифа Флавия. Погрузился в чтение, тут же забыл об окружающей реальности и не заметил, как дверь открылась, и кто-то вошел. Только услышав приветствие "Гутен морген" (Доброе утро),

поднял голову и увидел мужчину лет сорока. Он спросил меня на беглом иврите: "Что, вы знаете иврит?" Я ответил, что учился в ивритской школе и был членом сионистского молодежного движения. Тут вошли в комнату два парня, один моего возраста, другой постарше, сыновья хозяев дома. Мать им уже рассказала обо мне, и они попросили рассказать, как мне удалось покинуть мой город, и что было в пути. Я начал рассказывать, но хозяйка вошла и пригласила всех на обед. Атмосфера за столом была дружественной, и хозяева старались создать вокруг меня ощущение, что я за этим столом не чужой. Я старался деликатно есть, чтобы они не почувствовали, что почти тридцать часов не было у меня ни крошки во рту. Во время обеда много не говорили. После обеда я закончил историю всего, что случилось со мной по дороге в Глубок. Хозяин и его сыновья работали на германском складе, и иногда им удавалось приносить оттуда продукты.

Хозяйка спросила меня о семье. Рассказал, что мои родители остались в Варшаве, сестра в Свинцяне, добавив несколько слов и о других родственниках. Я видел слезы, блестевшие в ее глазах. К вечеру я пошел в "юденрат", встретился там с моими товарищами. Они тоже нашли укрытие и рассказали о добром к ним отношении местных евреев. Нам также стало известно, что и третья группа добралась до города, и они находятся в еврейском доме, в конце города. Только трое, арестованных в Даниловиче, не пришли. Я вернулся с Йерахмиэлем Ш., который с нами вышел из Свинцяна, и нашел укрытие в еврейском доме, недалеко от меня. Йерахмиэль был высоким, красивым и очень сильным парнем. В драках между евреями и местными молодыми антисемитами, при его виде вся эта братия разбегалась. У порога дома, где я был принят, мы расстались, договорившись завтра встретиться в "юденрате". Может, будут новости о нашем городке и арестованных в Даниловиче наших товарищах. Войдя в дом, я увидел хозяйку, выглядывающую в окно и попросившую меня тоже выглянуть. Я увидел двух полицейских, ведущих Йерахмиэля. Не прошел он и пятидесяти шагов, как эти полицейские возникли перед ним и потребовали документы. Документов у него не было, и они его арестовали. Ночью его перевезли в Барзовицу, в трех километрах от города, в лагерь русских военнопленных, и там расстреляли. Йерахмиэль не был мне братом и другом. Долго я не находил себе места: перед глазами стоял Йерахмиэль, уводимый полицейскими.

В один из дней нам сообщили в "юденрате", что наши товарищи, арестованные в Даниловиче, расстреляны полицейскими, несмотря на все усилия местных евреев вызволить

их, дав за них взятку. Среди расстрелянных был и Юдка Шапиро, один из руководителей сионистского подполья в советский период. В частых наших беседах он выражал уверенность, что мы еще доберемся до страны Израиля. Он мечтал жить в кибуце.

Спустя несколько дней из нашего городка пришла страшная весть: все евреи, находившиеся в Полигоне, числом в семь тысяч душ, были расстреляны. Вначале мы отказывались верить, считая, что крестьянин, принесший эту весть, хотел напугать евреев. Может ли быть такое, что всех убили? Но на следующий день появилась из нашего городка девушка, которая пряталась у поляка, и подтвердила эту ужасную весть. Потрясенными сидели мы и слушали этот невыносимый рассказ о происшедшем на Полигоне, рассказ о последних днях еврейской общины Свинцяна.

Депортация началась 27 сентября 1941. Утром привезены были все литовские полицаи округи и мобилизована литовская молодежь, которой выдали оружие. Они выгнали всех евреев из домов и собрали их в поле, рядом с городом, на улице Ново-Свинцян. Им разрешили взять с собой только немного вещей. Для стариков и больных прикатили телеги. Во время сборища литовцы били прикладами тех, кто медленно двигался. В течение пяти часов было собрано три тысячи евреев на большом поле. Их окружили стражники, вооруженные автоматами, чтобы воспрепятствовать любому сопротивлению или побегу. Из сел прикатили массы крестьян с женами и малыми детьми, чтобы следить за представлением. Они радостно кричали: "Ой, вам было хорошо под большевиками, теперь вам будет еще лучше". Евреи вглядывались в рожи этих людей, пьяные от радости, что совсем недавно приходили просить помощи — денежной, врачебной больным детям. Тут они все это забыли и только ждали минуты, когда им разрешат ворваться в еврейские дома и грабить все, что там есть. В момент, когда последний еврей был доставлен сюда, полицаи оставили улицы, толпа ворвалась в еврейские дома, и начался грабеж. Крестьяне прибыли с телегами, загружая их всем, что попадалось под руки, уезжали домой и возвращались в городок. К вечеру еврейские дома опустели. Крестьяне выломали окна, двери, и даже тротуары.

После полудня прибыл командующий окружной "полиции безопасности" делать смотр евреям. Все евреи были на площади. Только один еврей пятидесяти лет сказал: "В этом доме я родился, в этом доме я умру". И повесился.

Командующий окружной "полиции безопасности" прочитал список мастеров по разным ремёслам и приказал им выйти из строя со своими семьями. Вышло несколько сотен человек. Семья каждого мастера увеличилась за счет присоединения к ней детей

родственников и знакомых. Те, кто не имел родителей, выбрали пару стариков, холостые выбрали женщин с детьми, как свои семьи. Так число остающихся в городе достигло трехсот душ. Они были расселены в домах около синагоги. Этот район превратился в малое гетто, которое окружили забором из колючей проволоки, и литовские полицаи сменялись на охране единственного входа и выхода. Евреи, оставшиеся на площади, были выстроены в шеренги, и им было приказано идти под сильным конвоем литовских полицаев и добровольцев. Предупредили: за шаг в сторону из строя — расстрел. Первый километр все шли, более или менее, строем, на втором же километре женщины и дети стали отставать. Некоторые вышли из рядов, некоторые потеряли сознание. Полицаи и литовские добровольцы избивали их прикладами. Многие из людей вышвырнули вещи, чтобы облегчить ходьбу. Через несколько километров не было сил идти дальше. Удары прикладами не помогали, и полицаи объявили, что будут отстреливать тех, кто отстает. Угроза подействовала, восстановили строй и шли еще несколько километров. Помогали друг другу. Надо было раненых от ударов тащить, в противном случае их расстреляют. В конце концов, силы иссякли. Люди сидели на шоссе и говорили, что дальше не могут идти. Когда полицаи увидели, что избиение не помогает, подняли трех человек, первыми севших на шоссе, и расстреляли на глазах у всех. Тела их остались лежать на дороге, остальные пошли дальше. Так эта колонна прошла до Ново-Свинцяна, в двух километрах от Полигона.

Городок Ново-Свинцян уже был очищен от евреев. Тысяча евреев этого городка была еще утром переведена в Полигон. Колонна пересекла железнодорожную линию и вышла в пески. Лагерь был уже виден издалека. На месте пылало много костров, зажженных полицаями, чтобы осветить местность и не дать возможности евреям сбежать. Издалека лагерь выглядел, как один огромный пылающий костер, и людям казалось, что их заводят в огонь. Вход в лагерь был очень узок: только два человека одновременно могли пройти. Перед входом двумя рядами стоял литовские полицаи и эсэсовцы, осыпая евреев градом ударов палок и прикладов. Евреи из нашего городка пришли последними. Евреи из всей округи уже были там: из городков и сел Ходуцишки, Ставицишки, Ингалина, Доглишки, Подбродзия, Милиганы, Шверцы, Ново-Свинцяна. Вместе с евреями Свинцяна число евреев в лагере достигло семи тысяч. В окружающих городках не осталось ни одного еврея, за исключением мастеров-ремесленников нашего городка, который был областным центром.

Евреев загнали в огромные бараки и заперли их там. До утра

не разрешали выйти. Теснота была такой, что не было возможности сидеть, даже для стояния не хватало места. Люди стояли буквально один на ногах другого, и всю ночь слышались крики" "Сойди с моих ног!" или "Не лежи на мне!" Вонь в бараках была невыносима, так как не было ни окон, ни щели для проветривания. Утром полицаи открыли двери и разрешили выйти. Люди вышли, увидели забор из колючей проволоки, усиленную охрану вокруг и внутри лагеря, прочли объявления о том, что любой приблизившийся к забору расстреливается без предупреждения, и поняли, насколько положение их тяжко. Встретились здесь евреи со всей области, находили родных, близких, знакомых, рассказывали друг другу о самом процессе их депортации. Почти во всех местах было одно и то же: концентрация людей в одном месте, переход пешком, сопровождаемый ударами и выстрелами. Женщина семидесяти лет подошла к забора по нужде и была застрелена охранником: первая жертва в лагере Полигон.

Некоторым евреям из оставшихся в Свинцяне удалось за взятку освободить из лагеря Полигон несколько семей. Немцы объявили, что готовы освободить еще семьи за большие деньги. Так в Свинцян вернулось более десяти семей. Также из гетто в Свинцяне были посланы телеги с продуктами для узников Полигона. 5 октября туда прибыл гебитскомиссар области Вильно в сопровождении офицеров полиции безопасности и приказал литовскому коменданту собрать всех евреев в центре лагеря. Один из немцев объявил им: "Евреи, германские власти приняли решение наложить на вас штраф в четверть миллиона рублей. Вы должны сдать все ваше золото, драгоценности и меха. В течение двух часов после сдачи всего этого ваши условия здесь улучшаться, и вы начнете работать, чтобы принести пользу германскому "рейху". Если в течение двух часов приказ не будет выполнен, вы будете строго наказаны". Немедленно был организован комитет и выбраны сборщики денег и золота. Было такое ощущение, что ради этой акции их всех и привели в Полигон, и после этого жизнь депортированных значительно улучшится, и, быть может, всех вернут в Свинцян. Многие верили в обещания немцев. Деньги были собраны, корзины наполнились золотыми монетами, часами, драгоценностями. С большим удовлетворением немцы приняли это богатство, и сказали, что сдержат свои обещания. Они покинули лагерь, настроение евреев улучшилось.

На следующий день, 6 октября, первый день праздника Суккот (Кущей) всех евреев выстроили, в отдельности — мужчин, женщин, детей. Ночью их сосредоточили в разных бараках.

Чувство тревоги охватило всех, люди не знали, что их ожидает. В 6 часов утра — время открытия бараков — они открыты не были, все понимали, что должно что-то случиться. Евреи не знали, что еще вчера полицаи привели крестьян всей округи к месту, находящемуся в 4 километрах от лагеря, и те всю ночь рыли рвы шириной в 2 метра, глубиной в 3 метра и длиной в 25 метров. К утру рвы были готовы. Прибыл грузовик, полный водки, для полицаев, и к рассвету все они были пьяны, прибыли убийцы "эйнзацкомандо 3" полиции безопасности и СД при поддержке местных литовцев. Это было летучее механизированное подразделение области Вильно, в котором — 150 литовцев и 10 немцев, — переезжающее с места на место и уничтожающее евреев с помощью местных литовцев.

В 7 утра открыли барак с мужчинами, вошел офицер полиции безопасности и заявил, что всех переводят в другое место, недалеко от Полигона. Грузовиков немного, поэтому перевозить будут группами по 50 человек. Тут же вывели первую группу и закрыли двери барака. Лагерь был полон полицаев и литовских добровольцев. Немцы были в меньшинстве. Посадили группу в два грузовика и увезли в сопровождении сильной охраны через небольшую рощу. Только по выходу из нее евреи увидели рвы и поняли, что их ожидает. Вокруг, в радиусе километров, стояли усиленные отряды охраны, не дающие возможности сбежать. Все они, без исключения, были пьяны, за исключением немецкого офицера с аппаратом для киносъемки. Евреям было приказано сойти с грузовиков, выстроиться шеренгой лицом ко рву. Они стояли, молча, никто не кричал, никто не плакал. Немецкий офицер дал знак рукой, литовцы открыли огонь из автоматов, пятьдесят евреев упали в ров убитыми и ранеными. Грузовики вернулись в лагерь, до которого выстрелы не доносились. До обеда все мужчины были расстреляны. Начали привозить женщин. Они были в отчаянии, равнодушны к тому, что с ними делают. Многие шли ко рву в потрясении, как во сне. К ним отнеслись, как к мужчинам. Самое страшное было, когда начали отбирать у женщин детей. Матери защищали их силой, и следы их ногтей остались на лицах полицаев Детей и младенцев швыряли в рвы живыми. Когда рвы заполнились, полицаи начали туда швырять гранаты. Только часть детей погибла, остальные были ранены или не получили никакого ущерба, и все это происходило на глазах матерей, стоящих в ста метрах от рвов. Затем женщин группами подвели ко рвам, и расстреляли. Убийства в Полигоне длились до полудня 8 октября. Вечером того дня командир подразделения полиции безопасности доложил своему командиру: "Район Свинцяна очищен от евреев"

Полицаи засыпали рвы землей, но на следующее утро появились просадки и щели в земле, полные крови. Полиция привела крестьян, которые привезли на телегах землю с других мест и засыпали новым слоем рвы. Но земля, напитанная кровью, продолжала вспухать. Неделями привозили землю и продолжали покрывать ее рвы, пока уже крови не было видно.

Когда девушка закончила рассказ, мы сидели, онемев. Я думал о моей семье, о последних мгновениях жизни близких. Я видел перед собой мою сестру, молча идущую ко рву, видел моих стариков, которые хотели жить, всю нашу многочисленную семью, десятки дядь, теть, двоюродных братьев, товарищей, блондинку Бебу, красавицу с двумя длинными косами, которую так любил юношеской любовью, я видел их всех, идущих ко рву и падающих от вражеских пуль.

Известие о расстреле в нашем городе мгновенно достигло всех евреев городка Глубок, наполнив сердца страхом. Это было первое массовое уничтожение, ставшее известным множеству людей. До этого немцы уводили евреев в потаённые места и там расстреливали. Затем распространяли слухи, что люди живут и работают в других местах. Теперь мы знали, где те пятьдесят евреев, первыми схваченные в нашем городе, и где сто молодых людей, взятых "на месяц, после чего их вернут". Выяснилось всё, чего мы раньше не знали. Встал вопрос, — собираются ли немцы уничтожить всех евреев в любом месте их проживания, или это касается только Литвы. Были такие в еврейской среде, которые считали, что уничтожение евреев в Литве это результат антисемитизма литовцев, ненависти к советской власти и сотрудничества евреев с этой властью. По их мнению, в Белоруссии такое произойти не может. Но были такие, которые были убеждены, что вал уничтожения евреев под германской властью докатится и до всех мест, где живут евреи, что белорусы и поляки ничем не отличаются от литовцев, а нацисты похожи другу на другом в любом месте. Мы вели долгие разговоры о том, что делать, как действовать, как отреагировать, если уничтожение евреев начнется и в городке Глубок. Мы беседовали с местной еврейской молодежью. Положение было отчаянным. Оружия нет, население в своем большинстве враждебно и помощи от него ждать нельзя. Наоборот, население это сотрудничает с немцами. Германская армия стоит на подступах к Москве. Украина вся в руках немцев, они уже продвинулись на Крымский полуостров. Правительство Советского Союза оставило Москву и переехало на восток, в Куйбышев. Местная германская пресса полна восторгов по поводу побед и прогнозов, что в течение ближайших недель Советский Союз сложит оружие. Что делать? Каков выход? Может

быть, вообще нет выхода?

21 октября евреям Глубокого приказано было в течение одного дня перейти в гетто. Для него выделен был один из окраинных городских районов, который и раньше был, в основном заселен евреями. Провести это переселение должен был "юденрат" и еврейская полиция. В тот же день было выселено из района, предназначенного для гетто, население других национальностей и переведено в лучшие дома, освобожденные евреями. На следующий день, рано утром, евреи начали переходить в гетто. Большинство перешло к знакомым или близким, живущим в районе гетто. Остальным еврейская полиция нашла места проживания. До вечера все евреи перешли в гетто. Им не разрешили взять с собой мебель, теснота в гетто было невероятной, в маленькой комнате проживали целые семьи. Гетто огородили забором из колючей проволоки. За порядком следила еврейская полиция. Выход из гетто был один, и его охраняли германский охранник и местные полицаи. Изнутри охрану нёс еврейский полицай. Запрещено было вносить в гетто продукты сверх нормы, установленной немцами, и многим не хватало хлеба. Полицаи проверяли евреев, входящих в гетто, не проносят ли они тайком съестное. Сначала их проверял немецкий полицай, стоящий снаружи, у ворот, затем это перешло к полицейскому-еврею. Эти старались помочь, как могли: на глазах немцев полицейский-еврей проверял и орал на проходящего, но, видя, что тот прячет продукты, делал вид, что ничего не нашел, и быстро отпускал человека внутрь гетто. Еврейские полицаи следили за тем, чтобы все евреи выходили на работу, и каждого, кто пытался отлынивать, наказывали. Члены "юденрата" убеждали, что самоотверженный труд дает шанс остаться в живых. Немцы нуждаются в работниках, особенно в бесплатных еврейских мастеровых, и так, быть может, мы сможем выиграть время. Тем временем закончится война, а после ее окончания, несомненно, не будет массовых расстрелов. Евреи хотели верить в эти уверения членов "юденрата", ибо не было иного выхода в этом враждебном, лишенном всяческой надежды, мире.

Меня посылали от отдела труда "юденрата" на разные работы в городе, но тут мне улыбнулась удача: я нашел постоянную работу в пекарне. Помогли мне в этом члены семьи, в которой я гостил, которые относились ко мне как к собственным сыновьям. Я выходил на работу в три часа утра, работал целый день, был сыт, и мне удавалось время от времени приносить хлеб в дом, и таким образом хоть немного отплатить им за гостеприимство и прекрасное ко мне отношение. В один из дней в гетто пришел молодой парень, земляк из Свинцяна, и от него я узнал, что моя

сестра жива и находится в гетто. Благодаря ее работе в немецком учреждении ее оставили на месте, и она даже сумела спасти от депортации в Полигон некоторых из нашей семьи. Не было предела моей радости. Также и моим товарищам стало известно, что некоторые из их семей остались в Свинцяне или бежали и вернулись в городок. Мы жадно ловили любую информацию оттуда и говорили о возможности вернуться в Свинцян. Полагали, что в тех местах, где было совершено уничтожение евреев и осталось гетто, где проживали мастеровые и рабочие, жизнь более безопасна, чем в местах, где евреев еще не тронули.

В один из дней декабря, по возвращению домой, мне сообщили, что какая-то девушка ищет меня, и находится она сейчас в "юденрате". Я бросился туда бегом, и нашел там сестру Рахиль. Мы оба заплакали. Месяц назад ей стало известно, что я нахожусь в Глубоком. Узнав, что и евреев этого городка заключили в гетто, она решила вернуть меня в Свинцян. Рахиль была красивой девушкой, черты ее лица не выдавали в ней еврейку, и она походила на полячку. Она прекрасно говорила по-польски. Дорогу из Свинцяна проделала, как полячка на телеге поляка, которая была специально заказана.

Мы пробыли в гетто Глубокое еще несколько дней. Тем временем немцы собрали группу около ста цыган, мужчин, женщин и детей, и всех расстреляли. В конце декабря мы оставили Глубокое, после трех месяцев пребывания в нем. Обратная дорога прошла без происшествий. Мы ехали на телеге через городки и села, возница был поляком, и оба мы были закутаны в большие крестьянские тулупы, не выделяясь своей внешностью. Ночевать возница привез нас в дом его близких в одном из сел. В Свинцян мы прибыли на следующий день к вечеру. Я прошел по еврейским улицам. Многие дома стояли пустыми, без окон и дверей, и только брошенные псы шатались между ними. Часть из домов занимали местные жители или крестьяне окрестных сел, которые воспользовались имуществом евреев, использовали их горькую участь. Мы расстались с польским возницей и без труда вошли в гетто. В это время евреи возвращались с работы, и литовский полицай проверял входящих не слишком тщательно. Я снова был в Свинцяне.

6. Создание подполья и первые потери

Гетто в Свинцяне было создано в старом еврейском районе, который назывался на идиш «Шулэхойф». В нем было несколько десятков деревянных одноэтажных домиков, разбросанных по нескольким переулкам. Гетто было окольцовано забором из колючей проволоки, охрана стояла у ворот, находящихся на «Шулгас» — Синагогальной улице. Литовский полицай стоял снаружи ворот, еврейский — внутри. В гетто находилось 500 евреев, в большинстве мастеровые и их семьи, которые были оставлены немцами для разных необходимых им работ. Часть этих людей сбежала или пряталась во время депортации всех евреев в Полигон. Затем они вернулись в гетто. Все внутренние дела гетто вел «юденрат», возглавляемый Моше Гордоном. Членами «юденрата» были врач Бениамин Тарасейский, воспитатель Мотл Гилинский, которые и раньше были известными людьми еврейской общественности городка. В «юденрате» работали отделы питания, жилья, здоровья и санитарии, труда — важных областей в существовании жителей гетто. «Юденрат» выступал от имени евреев перед немецкими и литовскими властями, занимался нуждами евреев, был адресом для требований немцев в отношении еврейской рабочей силы. По указанию немцев была создана еврейская полиция, включающая небольшое число евреев, ответственная за внутренний порядок в гетто и помогающая в осуществлении работ, согласно указаниям отдела труда «юденрата».

Я жил вместе с оставшимися в живых членами семьи, более десяти душ, в маленьком домике. На ночь мы стелили одеяла в любом возможном месте — на столе, на полу. Съестного не хватало, ибо пайков, выделяемых немцами, было недостаточно. Многие работали вне гетто, и там можно было достать продукты в обмен на вещи, пока они были. Из-за невероятной тесноты и антисанитарии, трудностей в приобретении мыла, а иногда и отсутствия воды, все боялись эпидемий, и от всех требовались усилия по сохранению чистоты. Мне казалось, что отчаяние не должно давать покоя оставшимся в живых, ведь восемьдесят процентов жителей городка было уничтожено в Полигоне, и не было семьи, в которой кто-либо не погиб. К моему удивлению, жизнь продолжалась в глазах постороннего наблюдателя, словно Полигон не был реальностью, а некой легендой. Люди выходили на работу, ели, беседовали, спорили, и временами даже слышался

смех. Я был потрясен, но в течение короткого времени понял это поведение. Источником его было одновременно отчаяние и надежда, ибо судьба близких и знакомых в Полигоне ожидала их будущем, и нечего делать, если путь к спасению заказан в этом враждебном окружении. В этой безвыходной реальности им надо было жить изо дня в день. Вместе с этим чувством в сердцах многих теплилась надежда, что, быть может, случится чудо, и они будут спасены. Быть может, Свинцян отдал ту толику крови, которой жаждали нацистские палачи, быть может, уничтожение в Полигоне и в других местах Литвы является плодом взрыва ненависти местного населения на фоне их давнего антисемитизма, которому нацисты дали выход. Евреи надеялись на то, что политика Германии не нацелена на уничтожение всех евреев, и особенно тех, которые необходимы ей для работы. Эта надежда давала им силы, и даже некоторое удовлетворение жизнью. Состав населения гетто был не столь упорядочен и нормален из-за акции в Полигоне. Были семьи, взявшие к себе множество детей погибших семей. Мужчин было относительно мало, и почти отсутствовали парни в двадцатилетнем возрасте. Большинство из них было уничтожено в во время уличных облав, когда 140 еврейских парней захватили на "работу" до депортации в Полигон. Часть молодежи бежала с Красной армией, другие были уничтожены в Полигоне. Состав жителей особенно выделялся в малом закрытом гетто. Некоторые из моих близких товарищей в возрасте 16–18 лет сумели избежать Полигона. Часть из них записалась сыновьями оставшихся в живых, часть сбежала в Белоруссию, часть спряталась в Свинцяне. Я был рад встретить Моше Ш., Ишику Г., Иоську Р., Гершку Б. и других. Долгими зимними вечерами мы обсуждали пути отмщения, спасения, размышляли над тем, как добыть оружие и вести партизанскую войну. Мы ничего не слышали о партизанской активности в западной Белоруссии. Новости с фронта приходили к нам только из германских источников. Радиоприемник Ишики и Моше был забран крестьянами в день депортации евреев в Полигон. Но даже из германских источников было ясно, что их атака на Москву провалилась, и впервые в этой войне германская армия под ударами Красной армии должна была отступить в районах Москвы и Ростова, и зимнее наступление советских войск продолжается. Эти сообщения поддерживали нас.

Прошло несколько недель со времени нашего возвращения в гетто. В один из дней начала февраля 1942 в гетто ворвались литовские полицаи в поисках людей, которые не работают, и нет у них разрешения на работу. Они схватили 15 молодых людей, в том числе меня и двух моих друзей, Гершона Б. и Моше Ш,

вывели нас из гетто, и мы не знали, что с нами будет. Возникло подозрение, что нас ведут на расстрел. С приближением к еврейскому кладбищу подозрение все более становилось реальностью. Мы шли втроем в одному ряду — я, Гершка Б. и Моше Ш. Я шепнул им, что в момент входа на кладбище я начну бежать, а они — за мной, но каждый в другом направлении, чтобы рассредоточить огонь полицаев. Так, быть может, удастся кому-нибудь из нас убежать и скрыться между кладбищенскими деревьями, а затем выбраться в расположенный рядом лес.

Мы миновали кладбищенские ворота, полицаи продолжали нас вести дальше. Возникла надежда, что, быть может, нас ведут на работу. Так и произошло. На краю кладбища были склады, и туда нас вели на работу. Склады представляли собой большие бараки шириной в 15 метров и длиной в 50 метров. Около бараков мы увидели группу немецких солдат и офицеров. Полицаи передали нас немцам и сами вернулись в городок. Немцы не охраняли нас так плотно, дали нам возможность переговариваться. По возрасту, они выглядели на тридцать-сорок лет. Мы знали, что у более пожилых солдат лучше работать, чем у молодых, которые в большинстве были нацистами. Немцы повели нас в склады. Мы остановились, пока капрал открывал замки, и велел нам зайти внутрь. Я вошел первым — и передо мной открылся склад, полный… оружия, всех видов, — винтовки, легкие и тяжелые автоматы, пушки разного диаметра. Склад почти наполовину был заполнен орудиями и бомбами. Сердце мое отчаянно билось при виде такого количества оружия. Множество мыслей промелькнуло в моей голове, я взвешивал возможности и опасности. Решил, что эту возможность надо использовать, будь что будет. Оружие было рядом, лишь протянуть руку. Я старался скрыть от немцев и евреев нашей группы свои чувства и то впечатление, которое произвело на меня это оружие. Знал, что по поводу вещей, связанных со смертельной опасностью, надо остерегаться и евреев. Капрал привел нас к большой груде винтовок. В этом складе было лишь советское трофейное оружие. У многих винтовок отсутствовали детали, которые были выброшены советскими солдатами, чтобы винтовки в целости не попали в руки немцев. Капрал показал нам, как эти винтовки чистить и также объяснил место каждой детали. За это я был ему благодарен, ибо до этого времени не очень был знаком с русской винтовкой. Под предлогом поисков тряпок для чистки оружия, я обошел все уголки склада. Искал пистолеты, но, к большому сожалению, не нашел.

Немецкий охранник не сводил с меня глаз. Я решил сесть и продолжить работу, ибо, если охранник в чем-то меня заподозрит,

я потеряю всё. Сидел рядом с двумя моими товарищами, и мы занимались чисткой винтовок. Вошел в склад немецкий офицер и некоторое время следил за нами. Очевидно, наша работа ему понравилась, он подошел к нам и приказал следовать за ним. Привел нас во второй склад, похожий на первый. Уже у входа я увидел ящики с патронами для русских, польских, чешских и литовских винтовок. Многие из них вообще вышли из употребления. Мы нашли автоматы разных систем и несколько пистолетов, которыми невозможно было пользоваться. Я обратил внимание на оружие, которым не пользовалась ни одна армия в мире. Крестьяне называли их "обрезами". Это были ружья, которым обрезали приклады и укоротили стволы. Обычное ружье не использовалось крестьянами из-за его длины. Крестьянину нужно было оружие, которое можно было прятать под полами тулупа, брать на танцы и другие сельские праздники, где напиваются в стельку, и можно стрелять в воздух и даже пользоваться оружием в потасовках. У ружей, найденных после отступления польской армии в сентябре 1939 и Красной армии в июне-июле 1941, крестьяне отрезали приклады и укорачивали стволы, превращая их в "обрезы". Немцы приказали всему населению сдать хранящееся у него оружие, включая "обрезы", которые мы обнаружили в общей груде.

Немецкий охранник следил за нами во все глаза. Я незаметно указал Моше и Гершке на "обрезы. Мы продолжали раскладывать оружие по сортам, нашли еще "обрезы" и сложили их отдельно. Мы сделали это так, что немец, стоящий в нескольких метрах от нас, не мог сосчитать число разложенного по сортам оружия, и особенно число "обрезов". Мы успели разложить значительную часть груды. Неожиданно вошел офицер. Постоял около нас, следя за нашей работой, что-то негромко сказал охраннику и вышел из барака. Солдат вышел за ним. Я слышал их голоса за дверью, оглянулся. Кроме моих товарищей, в помещении склада никого не было. Следовало использовать столь редкую возможность. Я схватил "обрез", выглядящий более новым, сунул под рубашку за пояс, и быстро надел куртку. Это длилось менее минуты, и когда немец вернулся, я уже сидел между товарищами и продолжал спокойно работать. Солдат бросил на нас бдительный взгляд, но ничего не сказал. Не заметил, что раньше я сидел без куртки, а теперь она была на мне. Проблема была в том, что надо было работать по-прежнему, двигаться, не вызывая подозрения. Я боялся, что после работы нас буду обыскивать. В таком случае вся наша группа может распрощаться с жизнью. Но я знал, что мы обязаны использовать любую возможность, чтобы добыть оружие, и кто знает, подвернется ли еще такая

возможность. Оружие, заткнутое мною за пояс, мешало мне сгибаться, и надо было проявлять особую осторожность, чтобы оно не выпало. Товарищи мои старались поднимать вещи вместо меня, чтобы мне не надо было нагибаться. Но иногда и я нагибался, чтобы не вызвать подозрение охранника, который педантично нес службу. Так прошло еще несколько часов. Настал вечер, вошел офицер и приказал нам выйти во двор. Там уже стояли остальные работники, капрал скомандовал построиться в две шеренги и оглядел нас. Я сумел сохранить хладнокровие. Теперь капрал стоял перед нами, собираясь произнести речь. Он сказал, что доволен нашей работой и хочет, чтобы мы продолжили работу и завтра. Тут работы достаточно на целый месяц. Сегодня же он посетит "юденрат" и попросит определить нас на постоянную работу в течение месяца. Капрал добавил, что он с несколькими солдатами будет каждое утро приходить в гетто за нами, а вечером возвращать. Я стоял как на горячих углях, ожидая приказа двигаться. Наконец, мы услышали команду, вышли на шоссе, в сторону городка, по направлению к гетто. Два солдата и капрал сопровождали нас. Дорога длилась бесконечно. Всегда, приходя снаружи в гетто, я чувствовал, как человек, который входит в тюрьму. Но сейчас жаждал очутиться в гетто, как ждут спасения. Всю дорогу я боялся, что "обрез" выпадает из-за пояса, время от времени поправляя его, но мне надо было остерегаться, чтобы этого не заметили евреи и немцы. У входа в гетто стоял литовский полицай, обязанностью которого был обыскивать нас на предмет съестного. Но увидев, что нас сопровождают немцы, дал нам пройти без обыска.

Когда мы миновали ворота, я почувствовал себя победителем, вернувшегося с поля боя. Я был первым и единственным в гетто, у которого есть оружие. Мои товарищи хотели, чтобы я им тут же показал то, что утащил из склада. Мы вошли в общественный туалет, и я им показал "обрез". Глаза их сверкали. Мы смотрели на это оружие, как на освободителя. Мы видели в нем всю нашу надежду и орудие мщения. В нашем воображении мелькали всяческие возможности. Мы поклялись — никому ни слова. Договорились встретиться после ужина и решить, что нам делать дальше. Товарищи ушли по домам, а я стоял и размышлял над тем, как внести оружие в дом так, чтобы члены семьи этого не заметили. И где его спрятать.

Виделись мне два места — чердак или маленький старый домик, частью разрушенный. В нем проживали мой дед и моя бабка. Их расстреляли в Полигоне. Вход был общий для двух домов. В домике мы хранили дрова для топки. Туда надо было войти так, чтобы члены семьи этого не заметили. Я осторожно

открыл дверь, но она заскрипела. Я застыл на месте, моя тетя распахнула дверь и спросила: "Кто там?" Коридорчик был темен, и тетя не могла меня видеть, несмотря на то, что я стоял близко от нее. Из дома раздался голос дяди Песаха: "Ой, Ханя, закрой дверь, тебе показалось, что кто-то открывает подсобку". Тетя что-то пробормотала в ответ и закрыла дверь. Я постоял недвижно еще минуту, и затем вошел в маленькую комнату, полный мешков, разбитой мебели, досок. Часть комнаты занимала большая сельская печь, на которой дед и бабка спали в зимнее время. Я искал взглядом, куда можно упрятать оружие. Долго не двигался дальше. Я помнил эту комнатку чисто прибранной. Перед моими глазами стояла жившая в ней чудная пара стариков. Теперь они в яме на Полигоне, а в комнатке полная разруха, темень, нет окон. Только ветер гулял между стен. В потолке видны были дыры, которые проделали крестьяне, рыскавшие в поисках золота, спрятанного, по их разумению, евреями перед их депортацией в Полигон. Я решил пока спрятать "обрез" между печью и стеной, где всегда было темно, обернул его мешком, поднял одну из досок оставшегося пола, спрятал под ней мешок и вернул доску в прежнее положение. Положил сверху обломки мебели, вышел и осторожно прикрыл дверь. Постоял в коридоре. Из дома доносились голоса. Мелькнула мысль: если обнаружат оружие, я подвергну опасности всех членов семьи. Имею ли я право на это? Я отбросил эти мысли. Беззвучно покинул коридор, вышел наружу, обогнул дом со стороны, где не было окон, и затем пошел так, чтобы шаги мои громко звучали, и вошел в дом. Почти вся семья была в сборе. Обрадовались моему приходу, ибо утром были напуганы, когда нас увели из гетто. Я рассказал им о работе, которой мы занимались весь день, и завтра продолжим.

После ужина встретился с Гершке и Моше, который знал, что Ишика вынес патроны для русской винтовки, и предложил рассказать ему об "обрезе", и таким образом включить его в нашу группу. Мы согласились без колебаний и решили немедленно пойти к нему. Ишику нашли у его родных, где он проживал. Его отец и семеро братьев и сестер были расстреляны в Полигоне. Мы вышли с ним наружу и поведали ему нашу тайну. Ишика от радости чуть ли не подскочил до неба, и тут же хотел бежать в "юденрат" — просить, чтобы и его послали с нами на ту же работу, а пока отдаст мне патроны. Но они были упрятаны в другом месте. Многие еще не вернулись в гетто с работы в эти часы. Патроны были упрятаны на чердаке дома. Решили, что я и Ишика позднее выйдем из гетто в прореху забора из колючей проволоки, чтобы извлечь патроны из тайника.

Мы пошли в "юденрат". Председатель "юденрата" сообщил

нам, что завтра мы выходим на ту же работу. Некоторые из работавших на оружейных складах попросились на другую работу, ибо эта для них тяжела, и дорога туда слишком далека. Ишика предложил себя вместо других, и, таким образом, присоединился к нашей группе. Вернувшись, мы нашли другой проход в заборе, и пробрались из гетто так, что нас не заметили охранники. Это была западная сторона гетто, граничащая с полем. Надо было пересечь улицу, которая выглядела пустынной. Комендантский час начинался в десять вечера и длился до пяти часов утра. Того, кто покидал гетто в эти часы, расстреливали без предупреждения. Один за другим пересекли улицу, несколько садов и оград, и добрались до бывшего дома Ишики. Дом был пуст. Крестьяне выкорчевали окна, двери, доски пола. Остались лишь стены и крыша. Мы взобрались на чердак и оттуда видели все гетто, единственные ворота в него, охранников. Гетто было окутано безмолвием. Жители гетто уже спали. Ишика сосчитал несколько шагов от края крыши, остановился у одной из досок и сказал: "Здесь должны быть патроны". Попытался доску сдвинуть, но не смог. Вдвоем потянули. Ишика всунул под нее руку и вытащил мешочек, полный патронов. Мы спустились с крыши, пересекли улицу, вернулись в гетто. Наши товарищи Моше и Гершка ожидали нас. Второй раз в этот день я ощутил вкус победы. Решили, что Ишика спрячет патроны у себя в доме до утра. Я взял четыре патрона, ибо представить не мог мой "обрез" даже одну ночь без патронов. Мы договорились встретиться утром у офиса "юденрата", чтобы оттуда вместе пойти на работу.

Утром мы по двое вышли через ворота гетто в сопровождении немецких солдат к месту нашей работы. Мы шли посредине шоссе, ибо евреям было запрещено ходить по тротуару. Ходьба по шоссе, выложенному круглыми булыжниками, была трудной. Охранники наши шли по тротуарам по обе стороны улицы и время от времени нас подгоняли: "Шнеллер, юде, шнеллер!" (Быстрее, евреи, быстрее!). Улицы уже были полны крестьян, приехавших на рынок, открывающийся рано. Они провожали нас взглядами, полными ненависти и презрения. Ишика и я шли во главе колонны, за нами — Гершке и Моше. Никто не проронил ни звука.

На месте работы нас разделили на две группы. Одну из групп послали в другой склад. Я, мои три товарища и еще двое пошли в склад, в котором работали вчера. Охранял нас немецкий солдат. Близился полдень, а возможность что-либо "стянуть", не представлялась. Мы работали молча. Тут вошел офицер и приказал двум идти за ним. Я намекнул моим товарищам — продолжать работу. Потому встали два человека, присоединенные

к нам, и пошли за офицером. Мы остались вчетвером. Я с Ишикой с само утра чистил короткие карабины советских кавалеристов. Минуту спустя немец позвал солдата, караулившего нас. Мы выглянули в окно и увидели солдата и офицера входящими во второй склад. Надо было действовать. Я приказал Гершке стоять у окна и предупредить нас об опасности. Моше выбрал "обрез", спрятал его под курткой и начал искать боеприпасы в закрытых ящиках. Топориком я отрубил приклад кавалерийского карабина. Ишика спрятал приклад под свою куртку, а укороченный карабин я упрятал под свою зимнюю куртку, которая была брошена на груду курток, прикрывающих ящик, в углу склада. Все это мы проделали молниеносно, когда Гершке сделал нам знак, что немецкий охранник возвращается. Все уселись на свои места и продолжали работу. Немец вошел, обвел нас взглядом и уселся у входа. Винтовку поставил в угол, достал из кармана письмо и углубился в чтение. Выглядел он лет на пятьдесят. Закончив читать письмо, подошел к нам, и стал смотреть, как мы работаем. Спросил, как меня зовут, и между нами завязалась беседа. Он сказал, что воевал в Первую мировую войну. Он был рабочим и участвовал в революции 1918. Один из его сыновей погиб под Смоленском, и кто знает, что будет со вторым сыном на украинском фронте. Письма из дому полны плохих новостей: англичане бомбят, трудно добывать продукты, и кто знает, чем все это кончится… Он говорил быстро, так, что иногда трудно было его понять, и все время поглядывал в окно, не идет ли офицер. Увидев, что тот приближается, схватил свою винтовку, отошел на несколько шагов, и когда офицер приблизился к входу, крикнул: "Юден, шнеллер арбайтен" (Евреи, работайте быстрей!). Офицер поговорил с солдатом, и крикнул в нашу сторону: "Ферфлюхте юден, цум доннер ветер" (Грязные евреи, гром и молния! — Нечто, подобное выражению: "черт вас побери!), и двинулся вдоль барака. Неожиданно подошел к ящику, на который были навалены наши куртки. Если ему взбредет в голову посмотреть, что находится в ящике, и он сбросит с него наши куртки, мы пропали. Офицер постоял несколько мгновений, показавшихся нам вечностью, и вышел из барака. День закончился без происшествий.

Под вечер пришел офицер, велел нам закончить работу и построил нас во дворе. Мы надели наши куртки, но не застегнули их на пуговицы, чтобы ничто не выпячивалось из-под них. Мы выстроились в два ряда, и офицер объявил нам, что мы будем здесь постоянно работать еще полтора месяца. Охрана повела нас в гетто. Снова прошли мы через вход без того, чтобы нас проверили литовские полицаи. В этот день нам сопутствовал

большой успех. В наших руках оказались один полноценный карабин и два "обреза", и Моше в своих сапогах пронес большое количество патронов. Карабин и "обрезы" мы спрятали в погребе дома Ишики. На следующий день вечером я принес туда свой "обрез" и взял карабин, к которому Ишика успел приладить приклад. Я спрятал карабин под куртку, но ствол выделялся. К счастью, я никого не встретил по дороге и члены моей семьи не видели, когда я вошел в подсобку. При мне было также три патрона, и я чувствовал себя очень уверенным: я могу сражаться с немцами. Не знаю, откуда возникла эта уверенность, я ведь не умел пользоваться карабином, и еще никогда в жизни не стрелял.

Прошла неделя. Нам удалось пронести в гетто еще два карабина, три "обреза" и большое количество патронов. Мы решили присоединить к нашей группе еще ребят и дать им оружие. Цели пока не были нами определены, но мы решили: сначала организуем группу из ребят, которым доверяем, и только затем определим наши действия. Сначала мы поговорили с каждым кандидатом в отдельности, после этого назначили общую встречу. Собрались на чердаке старого склада, и, чтобы не возбудить подозрение, сообщили, что каждый должен прийти в отдельности, с разрывом в несколько минут. Встреча была вечером, ребята сидели тихо. Многие из них понимали, о чем идет речь, но о том, что у нас есть оружие, не знали. Когда все собрались, я рассказал им об оружии, которое нам удалось достать, и каким образом это сделать. Возбуждение охватило всех, и каждый был готов к сотрудничеству. Мы продолжали обсуждать возможности добычи оружия и из других источников, о необходимости строжайшего соблюдения тайны. Мы пришли к выводу, что окончательной нашей целью является уход в леса, чтобы вести партизанскую войну против немцев. Но, прежде всего, необходимо добыть еще оружие. Это первое наше собрание состоялось 16 февраля 1942. Вот — имена товарищей, участвовавших в собрании, кроме меня: Ишика Гертман, Моше Шотан, Гершон Бак, Реувен Миядзяльский, Давид и Борис Йохай, Саул Михельсон, Ицхак Форос, Мотке Бошевниц, Иерахмиель Мацкин, мой двоюродный брат Иосиф Рудницкий — 12 человек — первая наша группа. Всем нам было по 16–19 лет, и только Иерахмиелю Мацкину минуло 25. Он уже служил в польской армии. Он был нашим военспецом и хорошо ориентировался на территории, окружающей наш городок, что было неимоверно важно для нашей цели.

Прошло еще две недели. Мы продолжали работать в складе с оружием, но не сумели ничего вынести оттуда, ибо нас перевели в другой барак, где собрано было лишь тяжелое оружие: орудия,

минометы, пулеметы. Часть из них была выведена из строя, но часть — в отличном состоянии. Мы извлекли важные детали из пулеметов и минометов, и вышвырнули их в глубокий колодец, рядом со складом. Сумели также испортить зенитный пулемет. Склады охраняли литовские часовые. В течение некоторого времени я сумел изучить порядок смен охраны: склады были ограждены забором из колючей проволоки. Три группы охранников несли дежурство в ночное время на территории лагеря. В каждой группе два охранника и собака. Между складами стоял небольшой домик, служащий для отдыха охраны. Две группы дежурили около ограды, третья находилась в домике. Группы сменялись в течение ночи. Охранники чувствовали себя уверенно, ибо партизан в округе не было, никаких акций, нападений извне не случалось.

Нам не удавалось долгое время выносить оружие из склада, и потому возник план — вынести оттуда большое количество оружия одним разом. Восемь наших вооруженных ребят, выйдут ночью из гетто, доберутся полями до оружейных складов, заберутся внутрь барака и вынесут десятки винтовок и ящики с боеприпасами. Охранников "снимем" без единого выстрела. Не сумеем это сделать бесшумно, пристрелим. До прихода к ним подкрепления из городка, успеем вернуться в гетто. Я должен был оставить одно из окон барака с легким оружием открытым, чтобы можно было туда войти. Я предложил, чтобы в этой акции участвовали все товарищи, даже те, которые не вооружены, ибо на обратном пути нам надо будет нести много оружия. План этот выполнить было нелегко, но был несомненный шанс на успех. Не все товарищи считали этот план успешным. Даже, если мы вынесем оружие, следы на снегу приведут за нами полицию. В качестве акции возмездия, они уничтожат всех жителей гетто. Нельзя нам брать на себя такую ответственность. В душе я был согласен с этим, и все же возражал тем, кто был против акции. В ней я видел возможность вооружить большинство молодежи в гетто. Некоторые поддерживали план, но ребят, выступающих против него, было намного больше. Пришли к компромиссу: ждать, пока растает снег, затем снова обсудить ситуацию. До того, как мы разошлись, Саул Михельсон сказал, что ему известно место вне гетто, где находятся несколько пистолетов, но он должен выяснить некоторые детали, и только через несколько дней будет знать точно, как обстоит дело.

Положение евреев в гетто продолжало ухудшаться. Запасы съестного иссякли, многим приходилось довольствоваться скудной пайкой хлеба, выдаваемой немцами — 100 грамм в день, и еще тем немногим, что удавалось тайком пронести в гетто.

Поползли слухи, что с приходом весны немцы уничтожат всех евреев оставшихся в гетто, что в некоторых местах Белоруссии расстреляли евреев, а в восточной Белоруссии всех евреев уничтожили. Мы собрались, чтобы обсудить положение и план дальнейших действий. Боялись, что в одну из ночей нас захватит врасплох акция уничтожения, решили, что оружие должно быть все время при каждом члене группы, определили место сбора, если мы будем захвачены врасплох, и второе место, если не сможем встретиться в первом. Определили место, где надо будет пробить брешь в заборе из колючей проволоки и цепей полиции и армии, которыми они оцепят гетто, готовясь к "акции". Надо побудить в евреях желание поддержать наш прорыв. Мы знали, что многие погибнут, но также знали, что нет у нас иного выхода, если нас захватят врасплох. Мы также решили, что надо будет подбирать оружие каждого погибшего, ни в коем случае оружие не бросать. Мы также определили место сбора в лесу в нескольких километрах от городка, если нам надо будет рассеяться во время прорыва. В лесу мы организуемся для дальнейших действий.

Снова возник вопрос, как достать еще оружие. Саул снова вернулся к вопросу о пистолетах. Во время польской власти у них в доме было четыре пистолета, советские власти издали приказ о необходимости сдать все оружие, но отец Саула решил эти пистолеты спрятать в стене погреба, где они находятся и сейчас. Дом стоит вне территории гетто, на центральной площади городка. В нем теперь живут литовские чиновники и полицейские, которые несут охрану рядом с домом в ночное время. Решено было, что трое из нашей группы пройдут к дому днем, и попытаются достать эти пистолеты. Некоторые из ребят вызвались добровольцами. Выбрали Саула Михельсона, который знал место тайника, Бориса Йохая и Ишику Гертмана.

На этой встрече Моше Шотан и Давид Йохай предложили выйти из гетто группами по три-четыре, атаковать вооруженных лесничих и отобрать у них оружие. Предложение было отвергнуто по той же причине, по которой не приняли план — ворваться в склад оружия: не навлечь беду на евреев гетто. Мы разошлись, и каждому было приказано проверить в этот вечер свое оружие, и положить его на место, откуда его легко достать. После ужина я вошел в подсобку, извлек из тайника карабин и начал его чистить. Делать это в темноте было нелегко. Неожиданно открылась дверь нашего дома, кто-то прошел по коридору и открыл дверь в старую часть дома, ставшую подсобкой. Вошла моя тетя с фонарем в руке. Я сидел за печью, так, что она не могла меня видеть, но я боялся, что она подойдет к печи и

обнаружит меня. Тетя поставила фонарь, набрала картошку из мешка, стоящего у двери, взяла фонарь и вышла. Снова воцарилось темнота. Почистив карабин, я решил проверить спусковой механизм. Вставил в обойму пять патронов, защелкнул затвор и нажал на курок, чтобы освободить боек. Ствол был поднят вверх. И вдруг — пламя вырвалось из ствола. Раздался выстрел. Я перепугался, не знал, что делать. Лежал под печью. Дверь дома распахнулась, и все обитатели высыпали наружу. Вышли также соседи, я услышал испуганный вопрос: "Кто здесь стрелял?" "Кажется, это было около моего дома. Может, пьяный литовский полицай шатается", — сказал другой голос. Некоторое время люди обсуждали случившееся, затем разошлись по домам. Я спрятал карабин, тихо выбрался наружу и пошел на встречу с моими товарищами. Зашел в дом к Моше, там сидело несколько ребят и девушек. Первый вопрос был: "Где сейчас стреляли, может быть, ты знаешь?" Я ответил, что тоже слышал выстрел, но не знаю, кто стрелял. Вероятно, какой-то охранник у ограды. Сестра Моше спросила меня, почему я так бледен. Ответил, что ей это кажется. Только позже я понял, что произошло. В обойму русского карабина входит четыре патрона, а пятый проскальзывает в ствол. Я же был уверен, что в обойме находятся все пять патронов. С замыканием затвора пятый патрон вошел в ствол. С нажатием на спусковой крючок раздался выстрел. Несмотря на все предосторожности, в доме заметили, что со мной не все в порядке. Они видели меня входящим в подсобку. В один из вечеров, в присутствии всей семьи, тетя спросила меня, почему это я в последнее время стал необычно серьезным, почему все время хожу в состоянии задумчивости, и что я делаю в подсобке. Члены семьи ждали от меня ответа. Я не ответил.

Спустя несколько дней сестра Рахель задала мне те же вопросы, и я снова не дал ответа. Мой двоюродный брат Иосиф рассказал мне, что тетя Хания сделала обыск в старом домике, но ничего не нашла, и что все близкие считают, что у меня есть радиоприемник, и выстрел тоже вызвал у них подозрение, но они и представить не могли, что у меня есть оружие. Теперь мне следовало соблюдать повышенную осторожность.

В один из вечеров "юденрат" провел в гетто особую "акцию": сбор золота и часов, чтобы преподнести подарок новому командиру полиции безопасности. Люди "юденрата" все время пытались купить немцев взятками. Они, как и большинство евреев гетто, верили, что судьба их зависит в значительной степени от местной германской власти, и взятками можно обеспечить более длительное существование гетто.

Работа в оружейном складе закончилась. Пришел приказ

перевезти все оружие в Вильно, и наша надежда вынести из склада еще оружие, не осуществилась. Нам приказали вести на телегах оружие к железнодорожной станции Ново-Свинцян. Оттуда немцы должны были везти его на поезде.

В один из дней пришла ко мне Ривка М. и радостно сообщила, что Саулу, Борису и Ишике удалось достать из тайника в доме Саула четыре пистолета и пронести в гетто. Теперь оружие было у всех двенадцати членов группы. Сила наша увеличилась. Я получил пистолет, а карабин, передал моему двоюродному брату Иосифу. Пистолет я спрятал на чердаке, у дымохода. Потолок покачивался под моими шагами. Мой дядя это заметил, поднялся на чердак и обнаружил меня. Спросил, что я тут делаю. Я сказал, что это не его дело, и попросил его сойти с чердака. Дядя не сказал ни слова. Когда я спустился и зашел в дом, меня встретило подчеркнутое молчание: ни один из членов семьи не обратился ко мне. Мой двоюродный брат Иосиф сказал мне: вся семья подозревает, что у меня есть оружие, и они боятся этого. Если найдут оружие, вся семья будет виновна. Я сказал ему, что постараюсь отвести от него подозрения, а его карабин сам почищу, ибо все равно меня подозревают.

Наступили весенние дни. Снег почти растаял, и только белые пятна еще остались на склонах холмов. Мы смотрели на поля поверх забора из колючей проволоки, которые стали проявлять признаки жизни после зимней спячки. Солнце осушило грязь, образовавшуюся от таяния снегов. Мы с радостью встретили весну, ибо знали, что она приближает нас к нашей цели. Через несколько недель мы выйдем из гетто, и тогда — леса, бои, месть врагу: таковы были мои мысли. Утром, 13 апреля, я сидел на телеге, нагруженной оружием, рядом с двумя немцами, беседующими между собой. Мы ехали длинной колонной в сторону железнодорожной станции Ново-Свинцян. Проезжали через литовские села. Крестьяне выглядели довольными, война была для них источником обогащения. Многие из них не обрабатывали землю. Они мобилизовались в немецкую полицию и разбогатели на грабеже имущества евреев. Многие из них ожидали часа, когда можно будет убивать оставшихся в живых евреев и забрать все, что у них еще осталось. Они распускали злостные слухи. Крестьянин говорил знакомому еврею, что ему известно из осведомленных источников, что в такой-то день расстреляют всех евреев, и он готов этого еврея спрятать. Еврей этот перевозил все свое имущество к этому крестьянину, и, в конце концов, все оставалось у того в руках. А в день, упомянутый крестьянином, никой резни не происходило. Многие крестьяне, награбившие имущество евреев, желали им смерти, чтобы не

осталось свидетелей, если их за грабеж призовут к ответу после войны.

Были среди них и такие, которые прятали евреев несколько дней, а потом сдавали полиции, которая расстреливала их по обвинению в бегстве из гетто. Таков был конец евреев, которые выбирали этот путь спасения. Лишь одиночки среди крестьян прятали евреев из чувства милосердия. В окружающем мире тотальной ненависти их доброта не будет забыта.

Миновали мы 12 километров и прибыли на железнодорожную станцию Ново-Свинцяна. Перегрузили оружие с телег в вагоны. Работа длилась несколько часов. К вечеру вернулись на телегах в гетто под конвоем немцев. Я пришел домой и решил немного отдохнуть. Неожиданно вошел один из нашей группы, Ицхак Форос. Раньше он не посещал наш дом, ибо ребята из группы старались не встречаться друг с другом, чтобы не возбудить подозрение. Мы вышли наружу, и он рассказал мне, что Гершка Бак, Рувка Миядзяльский и Давид Йохай поднялись на чердак заброшенного дома, на краю гетто. Одна из стен дома была обращена на внешнюю сторону гетто. Там ребята решили подготовить кобуру для каждого пистолета, принесенного из дома Саула Михельсона. Захватили с собой пистолеты, чтобы определить размеры для кобуры. Гершка Бак и Давид Йохай выкроили кожу и начали шить. Рувка Миядзяльский держал пистолеты. Они тихо беседовали о близящемся уходе в леса, к партизанам. Вдруг Рувка сказал: "Был бы сейчас немец рядом, я бы…" И тут пуля вылетела из ствола и ранила в рот Гершку, который сидел напротив. Он упал, изо рта потекла кровь. Давид спустился и сообщил родителям Гершки о случившемся, Рувка остался около раненого. Отец Гершки побежал к доктору Трасейскому, члену "юденрата". Они явились немедленно. Рувка, тем временем, сумел спустить Гершку с чердака. Доктор определил, что пуля разбила два передних зуба и застряла в горле. Как потом выяснилось, рана не была опасной, и врач мог пулю извлечь из горла. Но опасались, что литовский полицай у ворот гетто, находящихся недалеко от дома слышал выстрел, потому решили сообщить в полицию. Ицхак Форос добавил, что Рувка М. в абсолютной растерянности: не знает, что делать: спрятаться или пойти в литовскую полицию. Я был до того потрясен случившимся, и некоторое время не знал, как поступить. Тем временем, стало известно, что полицай услышал выстрел и доложил начальству. Весть о ранении мгновенно облетела гетто, и все поняли, что это не случайно. Гершка послал отца за мной. Я пришел к ним. Он лежал в постели, кровь у него больше не текла. Он попросил меня к нему нагнуться, и объяснил, где упрятан

карабин, который следует вынести из дома, ибо, вероятнее всего, в доме будет обыск. Я спросил, знает ли его семья о карабине. Отец его, ответил он, согласился меня позвать при условии, что сын ему расскажет правду. Было опасно вынести карабин днем и укрыть у меня в доме так, чтобы члены моей семьи этого не увидели. Но нельзя было колебаться, и следовало безотлагательно действовать, ибо в любой миг могла нагрянуть немецкая полиция. Последние слова Гершки, обращенные ко мне, были: "Продолжайте и мстите!"

Я замотал его карабин в мешок. Было еще несколько прикладов от легкого оружия, которое мы хотели приладить к "обрезам". Не было времени их обернуть. Мешок с карабином и один из прикладов я в течение считанных секунд пронес через все гетто до моего дома. Спрятал карабин рядом с карабином моего двоюродного брата. Зашел в дом. Три мои тети сидели за столом в углу и беседовали. Когда я вошел, они смолкли. Я видел, как зубы тети Хани стучат от страха. Она хотела что-то сказать, но я попросил оставить меня сейчас в покое.

У меня возник план, который я решил изложить товарищам. Рувку мы упрячем до ночи, и под покровом темноты вся группа уйдет в леса. Я был уверен, что все товарищи примут этот план. Я увидел через окно, что Рувка Миядзяльский направляется ко мне. Он был бледен, вошел в дом, не мог произнести ни слова. Он чувствовал себя виноватым, и был готов пойти в полицию, если мы так решим. Я был против этого, и изложил свой план. Он подождет в моем доме, а я пойду посоветоваться с другими товарищами, где его укрыть. Мать Йохая сказала, что Борис еще не вернулся, а брат его, вероятно, пошел сообщить ему о происшествии. Моше Шотан, только вернувшийся с работы, услышал о том, что случилось. Он так же считал, что Рувку надо спрятать, и ночью мы все должны покинуть гетто. Моше предложил спрятать Рувку у себя в доме. Решили вернуться за Рувкой в мой дом, но опоздали. Издалека я увидел его в сопровождении литовских полицаев и людей из "юденрата", которые и передали его в руки литовской полиции. Полицаи довели его до ворот, присоединили к Гершке, который лежал на телеге, и увезли из гетто. Доктор Трейский гарантировал отцу Гершки, что сын его будет освобожден за взятку. Рувка был единственным, который остался живым из всей его семьи, расстрелянной в Полигоне. Полиции было сообщено, что парни поднялись на чердак заброшенного дома и нашли там пистолет, пытались его проверить, произошел самострел, и Гершка Бак был ранен. Пистолет передали в полицию.

Тем временем, все члены группы вернулись с работы, и в

гетто им стало известно о катастрофе. Все согласились с тем, что нам больше нечего делать в гетто. Мы подозревали, что в полиции безопасности не поверят в наивный рассказ о случайной находке пистолета, и товарищи наши не выдержат пыток "гестапо". Даже еще один день нашего нахождения в гетто может завершиться арестом всей группы и смертью.

Спустя несколько часов уже всему гетто стало известно о группе вооруженной молодежи, и по взглядам, обращенным на нас, мы поняли, что им известны имена всех членов группы. Большинство смотрело на нас с открытой враждебностью. Они считали, что из-за нас всех в гетто расстреляют. Двое из взрослых поддержали нас: Иаков, отец Саула Михельсона, и Хаим, отец Давида и Бориса Йохая. Они еще раньше знали о существовании нашей группы, и даже иногда помогали нам добрым советом, в котором мы, молодые, несомненно, нуждались.

Мы решили собраться в 11 часов ночи у дома Моше Шотана, каждый со своим оружием. Мы покинем гетто и уйдем в леса. Мы надеялись, что никто нас не увидит выходящими из гетто. И все же не все прошло гладко, как мы предполагали. Люди чувствовали, что мы собираемся покинуть гетто, и почти половина населения гетто, семьи наши и члены "юденрата", пришли к месту нашей встречи. Люди убеждали нас, что нам нельзя покидать гетто. Главным доводом было то, что если завтра мы не выйдем на работу, ответственность падет на наши семьи. Если немцы узнают, что из гетто ушли евреи в лес, чтобы воевать против них, они расстреляют всех жителей гетто.

Реакция немцев всегда была жестокой. У членов "юденрата" были еще доводы против нашего ухода, но они не сказали об этом вслух. Они знали, что "гестапо" не поверит в рассказ о "находке пистолета", ибо, по их мнению, пистолет не мог там так долго лежать, да и был он вычищен, смазан и готов к употреблению. В "гестапо" явно могли подозревать, что кроме этих двух парней, попавших к ним руки, существует в гетто еще большая группа вооруженной молодежи. Судьба Гершки и Рувки была предрешена, в "гестапо" их будут пытать до смерти, чтобы добыть у них имена остальных товарищей. Мы знали также, что "гестапо" потребует от "юденрата" наши имена, и жители гетто, и "юденрат" понесут ответственность, и будут расстреляны, если нас не найдут. Сотни собравшихся вокруг нас людей требовали от нас не покидать гетто, что приведет к уничтожению всех его жителей, мужчин, женщин, детей. Вокруг нас стояли остатки еврейской общины Свинцяна, которые были рядом с нами столько лет, среди них люди, учившие и воспитывавшие нас, члены семей, родители, братья и сестры.

Что нам было делать? Мы знали, что, оставшись в гетто, мы обречены на смерть, но, может, остальные евреи гетто спасутся. Мы полагали, что Гершка и Рувка не отступятся от версии о случайной находке пистолета. Но мы были наслышаны о способах пыток и допросов в "гестапо", и сомневались в том, сумеют ли выстоять и не сломаться, выдать товарищей, и тогда нас тоже ожидает арест, пытки и расстрел. Все наши мечты о партизанской войне и отмщении врагу, испарились. В противовес этому, была у нас возможность в течение считанных минут покинуть гетто и уйти в леса. Пришла весна и вместе с ней возможность закрепиться в лесах. Уход в леса означал войну против немецкого зверя и его сообщников — литовцев. Мы ненавидели их так же, как немцев, которые жестоко наказывали за помощь партизанам, за присоединение местных жителей к ним — путем коллективных наказаний, расстрелов заложников. Наказание евреев было стократ более жестоким. Выбор был труден. Мы шепотом советовались между собой. Были крики с обеих сторон. После долгих колебаний мы решили остаться. Мы не хотели брать на свою совесть жизнь 500 евреев гетто.

Мы не могли теперь вернуть оружие в наши дома из-за сопротивления членов семей, а другого укрытия в гетто у нас не было. Решили его спрятать в заброшенное здание еврейской религиозной школы — йешивы, по внешнюю сторону забора из колючей проволоки. Попросили жителей гетто и часть наших товарищей вернуться по домам. Остались пятеро из нас, чтобы перенести и упрятать оружие. Вошли в здание школы без окон и дверей. На полу разбросаны были священные книги. Мы выкопали ямы под остатками пола и упрятали туда оружие, завернутое в мешки. С тяжелым сердцем вернулись в гетто. С каким трудом, рискуя жизнью, мы добыли это оружие, и вот, оставили его за пределами гетто. В моей памяти встала картина двухлетней давности: сдающиеся в плен офицеры и солдаты польской армии в Варшаве, со слезами на глазах, бросают оружие. И в наших глазах стояли слезы. Мы молча расстались, и каждый пошел к себе домой, ждать гестаповцев. Мы ведь готовились к бою в гетто, когда придут нас убивать, прорвать цепь полицейских, которые окружат гетто в день нашего уничтожения, сражаться в лесах и мстить немцам. К этому мы готовились, а не к тому, чтобы сидеть по домам и ждать ареста. Тяжело было смириться с мыслью, что нам придется идти как скот на убой. Я впал в тяжкую депрессию, которой не было у меня на протяжении последних двух с половиной лет.

Рувка и Гершка были в руках литовской полиции. Несмотря на ранение, Гершка содержался в отдельной камере без никакой

врачебной помощи. Оба говорили, что нашли пистолет случайно. Литовцы им не верили и обещали освободить, если те откроют им имена членов группы и место, где спрятано оружие. На вторые сути после ареста их начали пытать. Вначале избивали их резиновыми палками, затем зажимали пальцы между дверьми. Но пытки не помогли: они не открыли рта. В полиции работала уборщицей еврейская девушка. На второй день после ареста она видела Рувку после допроса: он был бледен, на лице были видны следы ударов, изо рта сочилась кровь. Проходя мимо девушки, сказал ей на идише: "Передай ребятам, чтобы они не боялись, я не предам никого, и пусть отомстят". Это был последний привет от них.

На третий день ареста, 16 апреля 1942, на рассвете, послышались выстрелы с еврейского кладбища. Спустя некоторое время в гетто стало известно, что Рувка и Гершка были расстреляны. Вместе с ними расстреляли девушку из нашего городка Сару Левину, которую поймали в одном из окрестных сел с фальшивыми "арийскими" документами. Смерть Гершки и Рувки нанесла мне двойной удар не только потому, что ни были членами группы, а потому, что были моими личными друзьями. С 1939 мы втроем учились в одном классе, а с Рувкой я два года сидел за одной партой. Оба мы были членами организации "Молодой халуц", оба мечтали о репатриации в страну Израиля. Рувка был отличным спортсменом, часами я следил за его игрой в футбольной команде. Преподаватель физкультуры предсказывал ему великое будущее. Все было стерто его гибелью.

Гершка и Рувка были первыми жертвами в нашей группе. Очень редко, кто не сломался под пытками нацистов. Гершка и Рувка в свои 17 лет выдержали всё с великим мужеством. И на краю могилы, перед расстрельной командой, не сломились. Ненависть к немцам, верность группе и вера в то, что мы отомстим за них, держали их до последней секунды их жизней.

7. В столкновении с «юденратом»

Спустя несколько дней мы решили собраться и обсудить наши дальнейшие действия. Мы все еще не были уверены, что о нас не сообщили в полицию, что Гершка и Рувка не передали им какую-либо информацию о нас. Тот факт, что мы были известны всем жителям гетто, «юденрату» и еврейской полиции, был слишком опасен для нас. Кто-то может обронить слово, и это дойдет до властей. Но дни проходили, и с ними крепла наша уверенность в себе, ибо никакие сведения о нас не дошли до германской власти.

Мы собрались в доме Давида и Бориса Йохай. Их дом был всегда для нас открыт. Отец их Хаим Йохай был ветераном русской армии царя Николая, и в течение четырех лет Первой мировой войны воевал в артиллерии на фронте против немцев. Долгими вечерами мы слушали его рассказы о царской армии и Первой мировой войне. Он знал о нашей группе и ее действиях еще до трагических событий с Гершкой и Рувкой, он всегда поддерживал нас, помогал советом и предоставлял свой дом для наших встреч. Хаим был кожевником, и вместе с группой татар, жителей Свинцяна, организовал кожевенную фабрику. Благодаря этому он остался с семьей в период депортации на Полигон.

Сначала мы почтили память Гершки и Рувки, первых жертв из нашей группы. На встречу пришли все десять ребят, никто не уклонился. Гибель наших друзей еще больше сплотила нас. Мы собирались обсудить три вопроса: возврат оружия внутрь гетто, взаимоотношения с "юденратом" и жителями гетто, которые знали о существовании нашей группы, и посылка людей из гетто в трудовые лагеря германской рабочей организации "Тодт".

Мы решили немедленно вернуть оружие в гетто, чтобы быть готовыми к сопротивлению, когда немцы начнут "акцию". Мы также знали, что оружие в наших руках не позволит кому-либо из жителей гетто донести на нас в полицию. Оружие в наших руках означает, что попытка нас арестовать может привести к войне в гетто, и потери среди немцев и литовцев приведут к тотальному уничтожению гетто. Оружие придало каждому из нас уверенность, и в новой реальности, в которой мы оказались, эта уверенность была нам очень важна. Мы решили умеренно относиться к деятельности "юденрата", не мешать ему при условии, что он не будет пытаться нанести ущерб каждому из нас, и вообще, существованию нашей вооруженной группы. Это решение было связано с третьим вопросом, посылкой людей в трудовые лагеря организации "Тодт". "Юденрат" занимался

отбором и посылкой людей в эти лагеря около железнодорожной линии Вильно-Двинск-Ленинград, расположенные в городках Ново-Свинцян, Игналина и Дукашт. Лагерники следили за исправностью железной дороги, являющейся главной артерией передвижения германской армии в направлении Ленинградского фронта. Условия в этих лагерях были тяжелейшими: каторжный труд, уменьшенный паек и полный разрыв с семьей. Один раз в несколько месяцев людям был обещан отпуск в гетто. Нам стало известно, что "юденрат" хочет использовать такую подвернувшуюся возможность рассеять нас между этими лагерями, и, таким образом, избавиться от нашей группы, подвергающей опасности, по их мнению, всех жителей гетто. "Юденрат" передавал списки людей, отказывающихся от лагерей, литовской полиции, и те отыскивали их, наказывали и отсылали силой. Если люди прятались, арестовывали членов их семей, пока скрывающиеся сами не приходили в полицию.

Мы решили сообщить "юденрату", что ни один человек из нашей группы не предстанет перед полицией, чтобы быть посланным в трудовые лагеря. Если придут нас арестовывать, мы окажем сопротивление. Члены группы предложили присоединить к группе еще ребят, которые изъявили такое желание. Мы решили эти просьбы обсудить на следующей встрече, через несколько дней. На четырех членов группы была возложена задача — перенести этой ночью оружие в гетто и спрятать в двух местах до нового распределения между всеми членами группы. На меня и Бориса Йохая возложено было встретиться с членами "юденрата" по вопросу посылки в трудовые лагеря организации "Тодт". Вечером мы посетили дом члена "юденрата" Мотла Гилинского, активиста польского "Бунда", который до войны работал воспитателем в "Медам Санаториуме" около Варшавы. В период советской власти он преподавал в идишской школе на языке в нашем городке, и обрел большое уважение, как воспитатель и человек. Гилинский дружески принял нас, выразил соболезнование в связи с гибелью двух наших товарищей. Мы попросили его жену оставить нас с ним наедине, и сказали ему, что мы категорически против посылки ребят из нашей подпольной группы в трудовые лагеря. Мы отметили, что наша цель в гетто — быть в постоянной готовности на случай "акции" — внезапного уничтожения гетто. Наше вооруженное сопротивление немцам и литовцам во время такой "акции" даст возможность многим евреям бежать. Гилинский объяснял, что на "юденрат" возложена задача — послать сорок человек из гетто в трудовые лагеря. И так как невозможно посылать людей семейных или ремесленников, нет иного выхода, как посылать

молодых людей, и тут вовсе нет намеренного желания — нанести нам ущерб. Мы объяснили ему, что мы вовсе не уклоняемся от работы, и большинство из нас работает в местах, куда мы были посланы "юденратом". Но наша цель одна: воевать с врагом в гетто, а затем — партизанами в лесах. Потому мы должны остаться на месте, как организованный отряд. Мы представили свою позицию в тоне приказа, и подчеркнули: если придут забрать нас силой, мы окажем сопротивление немцам и литовцам, и ответственность за это ляжет на "юденрат". Сказали ему, что оружие снова в наших руках и потребовали предъявить наши требования "юденрату". Мы молча расстались с Гилинским.

"Юденрат" собрался в поздние часы того же вечера, и темой дискуссии было наше заявление в отношении трудовых лагерей. Члены "юденрата" явно преувеличили наши силы и, главным образом, количество оружия в наших руках. Когда я перенес карабин и приклады к "обрезам" из дома Гершки, по гетто распространился слух, что у нас есть тяжелый пулемет. Спустя несколько дней уже рассказывали о пяти пулеметах. И число людей в нашем отряде также было весьма преувеличено, несмотря на то, что в день ареста Гершки и Рувки нас было десять человек, собиравшихся уйти в леса. Наши требования и их представления о наших силах сработали в нашу пользу. Заседание "юденрата" затянулось за полночь, и после криков и угроз в нашу сторону, члены "юденрата" решили принять наши требования и никого из нашей группы не посылать в трудовые лагеря.

Это было первое столкновение с "юденратом" и мы вышли из него победителями. В эту же ночь оружие было возвращено в гетто. Мораль наша, которая сильно упала после гибели наших друзей, снова повысилась. Спустя несколько дней оружие было распределено между ребятами. Я получил немецкий пистолет "вальтер", один из тех, которые были принесены в гетто из дома Михельсонов, находящегося вне гетто.

На встрече в начале мая мы обсудили вопрос приема в группу новых членов, которые просились в наши ряды, и среди них, моего друга Ицку Тайца, и других, более взрослых. Среди них были Файвке Хайят, Иосиф Флаксер, Рувка Левин и мой двоюродный брат Моше-Юдка Рудницкий. Некоторые из них были в возрасте двадцати лет, и даже старше. Часть из них уже служила в польской армии. Их присоединение к нам не осталось втайне, и это весьма усилило наш статус в гетто. Нас в группе стало двадцать человек, и жители гетто уже не видели в нас возбужденных подростков, а подпольную группу, обладающую весом и силой. Жители гетто называли нас на идиш — "Ди

группэ". Теперь встал вопрос, где достать оружие, чтобы вооружить всех, вступивших в группу. Борис Йохай связался с татарином, работавшим на кожевенной фабрике, готовым продать нам несколько пистолетов, купленных им у литовского полицая и купить у того еще пистолеты и гранаты. На наш вопрос, можно ли доверить этому татарину нашу судьбу и судьбу всего гетто, Борис ответил, что знает татарина несколько лет, тот является другом отца Бориса, и ему можно доверять. Другой вопрос был в том, где добыть деньги. На собранную нами сумму можно было приобрести два пистолета. Татарин требовал огромную сумму денег — тридцать тысяч рублей за каждый пистолет. Мы возложили на Бориса миссию — узнать, какое количество оружия татарин может нам продать, и тогда мы потребуем от "юденрата" финансовую помощь. В руках "юденрата" скопились большие богатства — деньги, золото, драгоценности, которые были собраны с населения гетто и предназначены на подкуп властей, немцев и литовцев. Евреи верили в то, что это один из путей, который может обеспечить продолжение существования гетто. Мы выбрали пятерых наших товарищей, которые должны были заняться добычей денег и оружия. Я также был включен в эту пятерку.

На следующий день, вечером, мы собрались впятером у Бориса, который тем времена переговорил с татарином. Тот сказал, что нет никакой трудности — купить у литовских полицаев и у крестьян пистолеты, карабины и гранаты. Мы решили тут же пойти к Гилинскому и предъявить наши требования, ибо чувствовали, что из всех членов "юденрата" он поддерживает нас, тем более, что некоторые из нас были его учениками. Сказали ему, что мы можем купить значительное количество оружия, чтобы вооружить молодежь гетто. Мы сможем вывести большой отряд вооруженных ребят в леса Ходоцишки или Кузиян, создать там базу, которая сможет принять часть жителей гетто в момент, когда возникнет опасность уничтожения. Когда придет этот день, а он, вне сомнения, настанет, у нас будут силы сражаться внутри гетто и дать возможность людям бежать в леса на ту базу. Если нам станет известна дата "акции", мы сможем вывести из гетто в леса всех евреев, способных самостоятельно двигаться, и дать им там пищу и защиту. В те дни мы уже видели такое место в лесу, идеальное для спасения. Мы тогда еще не знали, какие трудности, и какое большое число врагов поджидало евреев в лесах, и, главным образом, еврейские семьи. Мы сказали Гилинскому, что в случае, если "юденрат" примет наше предложение и даст нам деньги на покупку оружия, мы отменим наш уход в леса, и останемся в гетто до дня "акции".

Только тогда мы прорвемся из гетто в леса, и с нами евреи, способные передвигаться. Гилинский обещал нам поднять этот вопрос на ближайшем заседании "юденрата" и дать нам ответ.

Через два дня мы пришли к нему, и он передал нам отрицательный ответ. "Юденрат" не готов заниматься подозрительными делами. Мы были весьма разочарованы. По сути, мы изначально сомневались, примет ли "юденрат" наши предложения, но все же какие-то надежды оставались: быть может, члены "юденрата" увидят в наших предложениях путь спасения евреев и самих себя. Мы были уверены, что настанет день, и единственным путем спасения будет сопротивление и массовое бегство в леса. К этому дню мы и хотели подготовиться. Члены "юденрата" в этот путь спасения не верили, и Гилинский объяснил нам их точку зрения. Они боялись, что покупка оружия в большом количестве у литовцев станет известной властям, и это приведет к скорейшему уничтожению гетто. По мнению "юденрата" несколько десятков пистолетов и карабинов не спасут жителей гетто в случае уничтожения. Оружие позволит уничтожить отдельных немцев и литовцев, но не спасет жителей гетто, которые хотят жить, а не умирать смертью героев. Каждый день существования гетто увеличивает шанс остаться в живых, рассуждал Гилинский, быть может, Германия будет побеждена неожиданным образом, может, убьют Гитлера, может, будет военный переворот в Германии в связи с ее поражениями в войне. Евреи гетто надеялись, что какое-то из этих событий произойдет, и эта надежда давала им силы существовать. Уходя, мы сказали Гилинскому, что не согласимся с решением "юденрата", и если нет выхода, будем действовать другими путями.

Спустя несколько дней, во время обычного заседания "юденрата", часов в десять ночи мы, пятеро ребят из группы, вошли в зал их заседания. С нашим появлением все замолкли. Там было двенадцать членов "юденрата" и людей, занимавшихся устройством на работу. Мы были вооружены пистолетами. Члены "юденрата" это сразу заметили. Мы извинились за неожиданное вторжение, но у нас к ним "небольшое, но неотложное дело": несмотря на то, что они отвергли наше предложение, мы от него не отказались, и нам необходимы деньги на покупку оружия. Мы требуем, чтобы нам была выделена часть денег, собранная для подкупа немцев.

Буря гнева поднялась против нас. Члены «юденрата» кричали, что ни в каком случае не дадут денег этим «сорванцам и мальчишкам». Мы дали им возможность выкричаться, и заявили: если они не дадут нам денег по доброму, мы пойдем к богачам

гетто, и сами возьмем у них. «Богачи» эти знали отлично, к кому обращены наши слова: часть их сидела в «юденрате». Мы сказали, что на первый взнос нам требуется сто тысяч рублей, и до завтрашнего вечера мы надеемся эту сумму получить. Если мы ее не получим, будем действовать по нашему усмотрению. На следующий вечер мы получили от «юденрата» означенную сумму, и закупили дополнительное оружие, включая также гранаты. Через некоторое время мы получили еще деньги от «юденрата», который вынужден был смириться с нашим присутствием в гетто, не посылать нас в трудовые лагеря, и за отсутствием иного выхода, давать нам деньги на закупку оружия. Наше сосуществование с «юденратом» длилось все время, пока мы находились в гетто, и он не пытался нам ставить палки в колеса.

В поисках источников оружия мы наладили связь с жителем Ново-Свинцяна литовцем Козловским. Во время депортации евреев Свинцяна в Полигон он спрятал в своем доме двух сестер-евреек, и затем привел их в гетто. Эти девушки дружили с ребятами из нашей группы, и от них мы узнали, что Козловский — коммунист и связан с другими коммунистами, человек верный, поддерживающий евреев, и можно положиться на его помощь. Козловский посещал время от времени Свинцян и встречался со спасенными им сестрами.

В одно из таких посещений мы встретились с ним вне гетто, затем встречи наши участились. Когда произошло достаточное сближение, мы попросили его помочь нам в добыче оружия, он согласился и помог нам купить пистолеты и пронести их в гетто. Он познакомил нас с человеком, который служил в советской милиции и жил в подполье в Ново-Свинцяне, но с его помощью нам не удалось купить оружие.

За деньги, полученные нами от "юденрата", и благодаря связям с людьми вне гетто, все члены нашей группы к концу 1942 имели личное оружие.

8. Первая партизанская акция в нашей округе

Тема ухода из гетто в леса не сходила с нашей повестки дня и возникала при каждом нашем сборе. Мы искали связи с советскими партизанами: слухи о их боевых действиях в Белоруссии доходили до нас время от времени. В двадцати пяти километрах восточнее нашего городка начинались леса Ходоцишки. Их продолжением на северо-восток простирались на сотни квадратных километров лесные массивы Кузиян. В семидесяти километрах юго-восточнее нашего городка начинался огромный лесной массив озера Нарочь.

На одном из наших собраний Рувка Левин рассказал, что, по словам одного знакомого крестьянина, в лесу, который окружает его село, в 18 километрах юго-восточнее нашего городка, в районе городка Линтоп, действует группа офицеров и солдат Красной армии, оставшихся в селах округи со времени отступления летом 1941. Также, в районе озера Нарочь действуют советские партизанские отряды. Мы решили послать Рувку Левина и Моше Шотана в село, где поблизости находится группа советских солдат, чтобы связаться с ними с помощью знакомого Рувке крестьянина, а также попытаться достать карты округи с помощью татар. Но случились события, которые задержали Рувку и Моше.

19 мая 1942 года, в утренние часы советские партизаны уничтожили двух немецких офицеров на пути из Свинцяна в Линтоп, расстояние между которыми было 14 километров. Офицерами были — уполномоченный по экономическому использованию округа зондерфюрер Йозеф Бек и его заместитель. Они ехали в машине вместе с переводчицей — полячкой из Свинцяна. Между Свинцяном и Линтопом выскочили из леса пятеро советских партизан, швырнули гранату под передние колеса автомобиля и открыли по нему огонь. Автомобиль остановился и загорелся. Два офицера выскочили из него, стали бежать, но были сражены огнем партизан в нескольких шагах от автомобиля. Один из партизан прыгнул в пылающий. автомобиль и вытащил оттуда упавшую в обморок переводчицу. Когда она очнулась, ее привели к командиру партизанского отряда, и она чуть снова не упала в обморок. Перед ней сидел знакомый ей житель нашего городка, Федька Марков.

Марков, по национальности русский, в период польской власти преподавал общую историю в идишской школе

"Фолксшул" в нашем городке Свинцяне. Он был членом подпольной коммунистической партии. За несколько лет до начала войны польские власти его арестовали и послали в концентрационный лагерь Картун-Барзе, где содержали коммунистов. В сентябре 1939, когда Советы овладели западной Белоруссией, он вышел из тюрьмы, вернулся в Свинцян, был назначен мэром городка и избран членом Верховного совета Белорусской республики. С вторжением немцев, сбежал в СССР, но уже в конце августа 1941 вернулся с еще двумя, чтобы организовать партизанскую деятельность в округе.

Партизаны Маркова сняли с убитых германских офицеров мундиры, взяли их оружие и документы, освободили переводчицу и скрылись в лесу. Переводчица пешком вернулась в Свинцян и рассказала все, что знала, и то, что именно Марков командовал засадой. К вечеру в Свинцян и Линтоп прибыли подразделения полиции безопасности и СД, и большие силы литовской полиции. Ночью в Свинцяне было арестовано около 100 человек, а в Линтопе и окружающих его деревнях — более 300. Большинство арестованных составляла польская интеллигенция, русские, белорусы, а также офицеры и сержанты бывшей польской армии. На следующее утро, по дороге на работу, я встретил этих 100 арестованных, идущих по трое в ряд из городка, в сопровождении около десяти литовских полицаев и двух немцев. Многие лица были мне знакомы. Это была местная польская элита, и среди них несколько ксендзов. Люди шли, молча, и через несколько минут скрылись за поворотом дороги.

Их вывели за город и тут же всех расстреляли около ям, которые были вырыты ночью. Среди расстрелянных ста человек были и два еврея из гетто, которые по непонятным причинам оказались среди всей этой компании. Немцы и литовские власти использовали операцию советских партизан Маркова как повод для истребления польской интеллигенции округи, несмотря на то, что она была настроена крайне антисоветски.

Всего было расстреляно 400 мужчин, многие в прошлом военные, и они шли на смерть без всякого сопротивления и попыток спастись бегством. Наши соседи христиане нередко насмехались над евреями, идущими на расстрел без сопротивления. После этого случая мы больше не слышали насмешек.

После расстрела, в местных газетах и уличных объявлениях было напечатано следующее:

"Мужчины и женщины округа Вильно!
19 мая, в 7 часов утра, были убиты из засады два

офицера из штаба округа по дороге из Свинцяна в Линтоп, севернее Вильно… В наказание были расстреляны 400 вредителей и террористов… Я призываю население округа Вильно встать против большевиков и террористов. Немедленно сообщайте о любом незнакомом человеке, появившемся в округе…Те, кто помогает большевикам и бандам террористов, или не сообщает о них, будут жестоко наказаны и подлежат расстрелу. Человек, не выполняющий этот приказ, подлежит смертной казни. Если все население округа будет замешано в эту террористическую деятельность, будет предпринято коллективное наказание. Те же, чьи сообщения будут верными, получат большую денежную премию или продуктовый подарок…

Подпись:
Гебитскомиссар округа Вильно
Вольф".

Появление Маркова, которого мы отлично знали и многие были его учениками в «Фолксшул», было для нас большой поддержкой. Следовало установить с ним связь, уйти в лес и присоединиться к нему. Но после засады на шоссе Свинцян-Линтоп его группа исчезла на многие месяцы, до весны 1943 мы ничего не слышали о нем и деятельности его отряда. Немцы ввели в Свинцян постоянное литовское подразделение, действовавшее против партизан. До конца 1942 не было никаких партизанских действий в нашей округе. Акция возмездия немцев показала, что ждет жителей гетто, если ими будет обнаружена наша подрывная деятельность. Было ясно, что любое действие с нашей стороны или даже подозрение во враждебной деятельности в гетто приведет к уничтожению всех жителей гетто. «Юденрат» использовал акцию возмездия немцев, чтобы объяснить жителям гетто, насколько опасна для них наша деятельность. Мы решили вести себя более осторожно с покупкой оружия, и повременить с посылкой нескольких наших ребят на поиски связи с партизанами.

Спустя несколько месяцев мы все же послали нескольких наших товарищей, которые должны были попытаться найти связь с группой солдат Красной армии в районе Линтопа. Рувка Левин и еще двое из наших ребят вышли на это задание в конце августа 1942. Все трое были вооружены пистолетами. План был такой: добраться до знакомого Рувке крестьянина и с его помощью связаться с солдатами. Мы с напряжением ждали результатов. Мы

знали какова опасность, если ребята наткнутся на немцев или литовских полицаев. Через четыре дня ребята благополучно вернулись в гетто. Новости их были разочаровывающими. Выяснилось, что всю группу солдат и офицеров, о которых рассказал им крестьянин, составляли четыре советских солдата, сбежавших из плена и работавших у местных крестьян. Один из солдат даже женился на местной девушке. Они не были партизанами, не было у них оружия и, очевидно, они не очень стремились воевать. При появлении немцев или литовских полицаев они прятались, пока те не убирались. Местные крестьяне рассказали ребятам, что партизаны действуют в районе озера Нарочь, но с ними нет никакой связи.

Даже если не было реальных результатов этой вылазки, но сам поход из гетто, движение через округу и благополучное возвращение были для нас достижением. Это была первая акция нашего вооруженного звена, которое, по сути, вело разведку вне гетто в сельской местности и в лесах. Мы преодолели психологический барьер страха выхода за пределы гетто и движения по сельской местности. И литовская полиция, и подразделения германской службы безопасности не нанесли нам никакого ущерба. Этот опыт был нам важен перед окончательным выходом из гетто, когда придет время.

9. В угасающем гетто

Каждодневная жизнь была тяжелой. Гетто жило на грани голода. Паек, выдаваемый властями, недостаточен для самого жалкого существования, и с голода не умирали лишь благодаря продуктам, которые жители добывали на местах работы и тайком проносили в гетто. Каторжная работа с утра до ночи, оскорбления и издевательства со стороны соседей христиан еще более усугубляли жизнь. Местное население в большинстве своем было настроено враждебно, у враждебности этой были глубокие антисемитские корни, и она вырвалась наружу со всей силой под властью нацистов. Мы встречались с местными по пути на работу, когда шагали по шоссе, а они стояли по сторонам, на тротуарах, по которым нам запрещалось идти, и надсмехались над нами. Это же самое они делали на местах работы, где мы трудились бок о бок с ними. Особенно трудно было переносить издевательские насмешки тех, с которыми в прошлом учились в одних классах, сидели за одними партами. И потому, возвращаясь в гетто, мы чувствовали облегчение. Гетто, со всеми его отрицательными явлениями, было для нас убежищем. Более того, оранжереей, в сравнении с враждебным окружающим миром.

В мае "юденрат" послал меня работать на большую лесопильню в нашем лесу. Я проработал там четыре месяца. Лесопильня производила работы для германской армии. Огромные бревна привозили из леса, и мы распиливали их вручную на отрезки длиной в 4–5 метров. Механические пилы разрезали их на доски. Работали по десять часов в день, и первое время работы было очень тяжелым. Мало-помалу привыкали. Моим напарником по распилке был мой одногодок Мотке Зайдель, с которым я сдружился в те дни. Мотке обладал низким голосом, и в долгие часы работы мы напевали. Старший сержант немец, в достаточно преклонном возрасте, который был одним из тех, ко принимал нашу работу, приказывал нам петь русские песни. Если в песне встречалось слово "Сталин", мы заменяли его на "Зелиг", чтобы нас не обвинили в восхвалении Сталина.

В один из июльских дней 1942 Мотке сказал мне, что получил приказ от "юденрата" отправиться на работу в трудовой лагерь "Тодт" на железнодорожной станции Ингалина. На следующее утро мы расстались. Не знали, встретимся ли мы еще. Судьба распорядилась так, что это произошло. В летнюю жару было намного труднее работать без Мотке, и я не нашел себе такого напарника, как он.

По вечерам мы, юноши и девушки, встречались, пытаясь хоть

немного забыть реальность нашей жизни. Нас было мало, оставшихся в живых после расстрела в Полигоне, быть может, считанные десятки, все, по сути, выходцы из больших семей, уничтоженных нацистами. И все же жизнь продолжалась. Юношеская романтическая любовь расцветала в узких переулках гетто. Чувство неуверенности в завтрашнем дне приводило к тому, что люди, особенно молодые, жаждали использовать каждый день жизни. Теснота в домах гетто и его переулках не оставляла места для любви, но она сама себе находила место в любом уголке. В эти летние вечера, в обществе девушек, я много думал о Бебе, красавице с длинными светлыми косами, которая была моей первой любовью. Ее расстреляли в Полигоне.

Тот факт, что мои двоюродные братья Йоська и Моше-Юдка тоже вошли в нашу подпольную организацию, сняло напряжение, которое возникло между мной и членами семьи, связанное с наличием у меня оружия. Члены семьи смирились с тем, что в нашем доме спрятано оружие. Сестра моя Рахель во многом помогала мне и была самым близким мне человеком. Мы часто говорили о наших родителях, оставшихся в варшавском гетто, от которых не было никакой весточки с момента прихода немцев в Свинцян. Мы не знали, что именно в эти дни, с конца июля до начала сентября 1942, из варшавского гетто отправлено было 300 тысяч евреев в лагерь смерти Треблинку, в 80 километрах от Варшавы. Мы не знали, что среди них были отправлены вместе со всей еврейской общиной Варшавы наши родители.

А мы столько мечтали с сестрой, что настанет день, и мы встретимся с родителями, или просто пытались в этом убедить друг друга.

Съестного в доме было очень мало, но мы не совсем голодали. Сто грамм получаемого нами хлеба в день, немного перловки, картошка и другие продукты явно нам не хватали, но, выходя на работу, мы брали с собой вещи, еще оставшиеся у нас, и обменивали их на продукты у крестьян и жителей городка. Все это мы без труда проносили в гетто, ибо литовский полицай на воротах получал взятки от "юденрата", и сквозь пальцы смотрел на входящих, а немцы вообще редко приходили делать проверки на воротах. Продукты, приносимые нами, предназначались для всей семьи, и тетя Ханя ухитрялась из них готовить еду, которая сильно нас поддерживала.

В начале октября пронесся слух по всему гетто, что к нам привезут евреев из гетто Видз в Белоруссии. В марте 1942 немцы присоединили к их администрации в Литве, части западной Белоруссии, включающие местечки Свир, Видз, Ошмяны и Ишишок, в которых были небольшие гетто. В один из дней в

"юденрат" прибыли представители гебитскомиссариата из Вильно, которым подчинялись все гетто округа, и сообщили, что в гетто Свинцяна на днях прибудут более 1000 евреев из гетто Видз, которое ликвидируется. Чтобы расселить этих людей, к гетто присоединили два больших здания синагог и переулок с домами, которые до сих пор находились вне территории гетто. "Юденрат" планировал поселить половину людей в зданиях синагог. Для этого там соорудили в три этажа нары. Также было решено удвоить число квартирантов в каждом доме в гетто. Положение ухудшалось с каждой минутой.

Через несколько дней, ночью, пришла первая колонна евреев из гетто Видз. Люди преодолели пешком в течение двух дней 50 километров между местечком Видз и городком Свинцяном. Всего несколько подвод было дано им, чтобы перевезти немного вещей и продуктов. Старики и дети тоже шли пешком. По дороге скончались десятки. Сопровождал их усиленный конвой литовских полицаев. Пока они не пришли к нам гетто, большинство из них было уверено, что немцы их обманывают и ведут на расстрел. Мужчин и молодых парней среди них почти не было. Когда я спросил об этом одну из пришедших женщин, она ударилась в плач: всех мужчин немцы расстреляли в самом начале своего появления в местечке, да и нас они хотят собрать в одном месте, чтобы всех расстрелять. Слух о том, что немцы намереваются собрать всех евреев в одном месте, чтобы всех уничтожить, разнесся по всему гетто с момента, когда стало известно, что приводят еще и еще евреев. И когда мы увидели, что речь идет не о работоспособных людях, а о детях, стариках и женщинах, — мы еще более уверились, что близится конец гетто.

Каждую ночь я стоял у ворот гетто и разглядывал приходящих людей. На одной телеге сидели четыре старухи, все в слезах, а, миновав литовских полицаев у ворот и очутившись внутри гетто, зарыдали навзрыд. Через минуту подняли громкий плач женщины и дети, сидящие на своем скарбе у синагог и оставшиеся без мест: синагоги были забиты до отказа. Еще миг, и плач разнесся по всему гетто. Я больше не мог этого выдержать, и пошел домой. По дороге увидел молодую девушку. Она сидела на связанных узлом вещах и плакала. Я сказал ей, что негоже девушке так рыдать. Она перестала плакать и ответила: "Можно подумать, что нет причин для плача? Что с нами здесь будет? Что мы будем есть, и где мы будем жить? Если бы привели сюда для того, чтобы жить, немцы присоединили бы еще дома к гетто и разрешили бы нам взять с собой продукты. Они привели нас сюда на убой".

Все члены нашей семьи вышли из дома и смотрели на массу

бредущих людей. Я прилег, но не мог заснуть. Перед моими глазами вставали трагические картины, свидетелем которых я был, и снова до меня донесся плач. Теперь рыдала наша соседка: "Ой, что с нами будет?" В ту ночь нельзя была сбежать от плача, охватившего все гетто. Все чувствовали приближение конца.

На следующий день я пошел в синагогу, увидеть, как там устроились люди. Шум голосов доносился издалека. Почти невозможно было протиснуться внутрь из-за невероятной тесноты. Я с трудом пробрался в коридор, полный лежащих вповалку на полу и на вещах людей. Со всех сторон доносились крики и детский плач. Даже в этом бедламе некоторые спали, сраженные усталостью. Я сумел несколько продвинуться, переступая через тела и вещи, и добрался до внутренних дверей синагоги. Отсюда можно было видеть, что творится внутри. Снаружи было по-осеннему холодно, внутри же не хватало воздуха для дыхания. На каждой из полок в три этажа вплотную один к другому сидели и лежали люди. Все они выглядели отчаявшимися.

Шум стоял ужасный. Потрясенный, я выбрался оттуда и по дороге зашел к нескольким моим товарищам. И везде была одна и та же картина: комнаты, забитые людьми. В каждый дом были вселены еще семьи: в комнате — три на четыре метра — жили десять душ. И в наш дом вселились две семьи. И все же, по сравнению с положением в синагогах, в домах все выглядело раем. Там же, в синагогах, теснота, отсутствие воздуха, шум и санитарные условия были ниже любой возможности существования.

В гетто сейчас находилось более двух тысяч человек. Вдобавок к острой нехватке продовольствия, вода выдавалась по порциям. Воду доставали из нескольких колодцев на территории гетто с помощью ведер, прикрепленных к веревкам, наматываемым на колесо. К колодцам выстраивались длинные очереди. Проточной воды для душевых и туалетов не было вообще. Мыться можно было только из таза с водой. Уборными служили вырытые ямы. И к этим уборным выстраивались очереди. За отсутствием мыла и средств для уничтожения насекомых, одолевали вши и клопы. Они принесли эпидемию тифа.

Сотни людей валились с ног от болезни. Почти в каждом доме были больные, и центрами эпидемии были синагоги, в которых скопились сотни людей. Важно был скрыть это от немцев и жителей городка, ибо немцы могли истребить всех в гетто из опасения, что эпидемия распространится. Вместо больных, работавших вне гетто, посылали других, чтобы не возникла проблема уклонения от работы. Надо было скрывать число

погребений жертв эпидемии. Хоронили на еврейском кладбище, вне гетто, сразу нескольких покойников вместе. "Юденрат" организовал небольшую больницу и две изолированные комнаты. В гетто было два врача и несколько медсестер, и они делали нечеловеческие усилия, чтобы остановить эпидемию. Но в существующих условиях и с теми средствами, которые были у них, трудно было ликвидировать эпидемию.

Ухудшение ситуации в гетто создавала ощущение, что эпидемия в короткое время истребит всех его жителей, или же их истребят власти, дознавшись о существовании эпидемии. Во всех местах мы видели больных и слышали об умерших. Люди шатались, как тени, и каждый жил в страхе, что в нем уже угнездился смертельный вирус. Гетто виделось всем и каждому угасающим. Тут еще поползли слухи об уничтожении небольших гетто в районах западной Белоруссии, недавно присоединенных к Литве. Как стало позже известно, во вторую половину октября были уничтожены небольшие гетто в Быстрице, Кимлишоках. В гетто местечка Ошмяны расстреляно было 400 евреев. Все эти гетто были близки к Свинцяну, за исключением гетто в Вильно. "Юденрат" и врачи, боровшиеся с эпидемией, пришли к выводу, что не в силах ее остановить, и обратились к "юденрату" гетто Вильно, единственному, который мог понять положение и оказать помощь. По сообщениям, пришедшим в гетто Свинцяна, ситуация в гетто Вильно, во главе "юденрата" которого стоял человек по имени Иаков Ганс, была достаточно хорошей. У Ганса были неплохие связи с немцами. Решено было послать в Вильно двух представителей. Одним из них был доктор Тарасейский. Жители гетто возлагали большие надежды на эту делегацию.

Эти представители прибыли в Вильно во второй половине октября и встретились с Гансом. Они описали положение в гетто Свинцяна, и попросили помощи, главным образом, медицинской, лекарств, и протекции у властей в просьбе увеличить территорию гетто и улучшить экономическое положение в нем. Представители гетто Свинцяна предложили укрепить официальную связь между двумя гетто, чтобы вырваться из абсолютной изоляции. Ганс обещал заняться их просьбами. Через несколько дней он сообщил, что власти назначили его ответственным за гетто Свинцяна, и на днях он прибудет туда.

В первые дни ноября Ганс с еще десятью представителями гетто Вильно, среди которых были еврейские полицаи, прибыл в гетто Свинцяна. Ганс несколько раз встретился с членами местного "юденрата" и лично ознакомился с положением в гетто. Он обещал врачебную помощь, лекарства, и оставил группу еврейских полицаев во главе с офицером Фриде в помощь

"юденрату" в ведении дел. Ганс вернулся в Вильно, и спустя некоторое время оттуда прибыли два врача с лекарствами. Построили душевую и дезинфекционное помещение. Были приняты еще меры против эпидемии, и положение медленно стало улучшаться. Число больных уменьшилось, и, в начале 1943, после сотен жертв, эпидемия была побеждена. Мы с облегчением вздохнули, и после длительной тишины смерти, в гетто снова послышался смех и песни.

Только эпидемия пошла на убыль, как нам стало известно о расстреле 100 евреев трудового лагеря в городке Линтоп. Они остались там после того, как большинство евреев тех мест перевели в гетто Свинцяна. В конце декабря к нам прибыла горстка евреев, избежавших гибели. Они рассказали нам, что произошло. Ночью 19 декабря советские партизаны подожгли лесопильню, на которой работали евреи из лагеря. На следующий день сто евреев были уведены из лагеря в соседний лес и расстреляны. Некоторые сумели сбежать и добраться до гетто Свинцяна. Операция партизан в Линтопе была доказательством их существования в нашем округе и вселила в нас надежду найти с ними связь. Я и Ишика встретились с двумя спасшимися из Линтопа, чтобы более детально расспросить их о партизанах: откуда пришли, куда отступили, какова их сила, но они ничего такого не знали, только слышали стрельбу и видели языки пламени в ночь атаки.

На исходе 1942 наступило определенное облегчение в гетто. Завершение эпидемии, связь с гетто Вильно и ободряющие новости с разных фронтов улучшили настроение. Когда мы встретились в ночь Нового года в доме Йохаев и старик Хаим поставил на стол бутылку водки, мы знали, что за нашей спиной остался тяжелый год, и в душе теплилась надежда, что новый год будет более удачным. Мы знали, что перед нами стоят большие трудности и тяжелейшие испытания, но ощущение было, что новый год приведет к немалым изменениям, а в нашем положении любое малейшее изменение могло быть лишь к добру. Так, в приподнятом настроении, мы встретили 1943 год.

10. Изменение положения и исход из гетто

Зимой 1942-43 годов произошел общий поворот в течении войны, который повлиял также на ситуацию в нашем округе и нашу личную судьбу. В эту зиму германская армия потерпела крупные поражения на востоке и в западной Африке. Информация о победе британцев при Эль-Аламейне в ноябре 1942 вызвала большую радость в гетто после того, как мы со страхом следили несколько месяцев за приближением немецких бронетанковых дивизий Ромеля к Египту. Мы боялись за судьбу еврейского ишува в стране Израиля, если ее захватят германские войска. Высадка войск союзников в северной Африке, разгром немцев и итальянцев, вселила в нас большие надежды. Но, главным образом, повлияло на нас развитие судьбоносных событий на восточном фронте. Даже германские газеты вынуждены были признать, что положение Германии ухудшается со дня на день.

В январе 1943 была прорвана блокада Ленинграда, которая длилась с сентября 1941, показав героическую стойкость миллионного города. На центральном фронте Красная армия продвинулась и освободила город Великие Луки, место, наиболее близкое к нам. Жители гетто посчитали, что в течение нескольких дней быстрого продвижения, советские бронетанковые силы могут дойти до нашего округа и освободить нас. Когда в феврале 1943 стало известно о катастрофическом поражении немцев под Сталинградом и уничтожении шестой германской армии, насчитывавшей 22 дивизии, мораль в гетто достигло высшей точки.

Новости мы получали, главным образом, из германских газет, доходящих разными путями до гетто, или прочитываемых на местах работы, а также при контакте с местным населением, слушавшим радио, и знавшим ситуацию. Новости иногда доходили до нас в сильно преувеличенном виде, вселяющем неисполнимые надежды, а затем приводили к разочарованиям.

Из-за положения на фронтах и недостатка рабочей силы власти увеличили мобилизацию местного населения в промышленность и сельское хозяйство Германии. Это вызвало сопротивление, люди не откликались на повестки. 1 марта 1943 немцы объявили о создании литовского легиона СС и призыве в этот легион пяти возрастов. Литовцы не откликнулись на этот приказ и потребовали взамен независимости Литве, но немцы не пошли на это и закрыли университеты в Вильно и Ковно, и

средние школы по всей Литве, в том числе, и в Свинцяне, чтобы оказать на литовцев давление. Литовцы ответили демонстрациями в городах, и немцы арестовали многих из них.

Все эти события не сильно изменили отношение литовцев к тем немногим евреям, оставшимся в гетто. Из-за участия в уничтожении евреев и грабежа их имущества, литовцы были заинтересованы в уничтожении и этих оставшихся в живых евреев, чтоб не осталось свидетелей обвинения, требующих возврата награбленного после победы над нацистской Германией.

В зимние месяцы 1942–1943 усилились действия партизан в западных районах Белоруссии, отдаленных на десятки километров от Свинцяна. В местной прессе время от времени появлялись сообщения о "бандах грабителей", действующих в окрестностях городков и местечек Свир, Подброды и около озера Нарочь. Крестьяне, приезжающие в Свинцян, рассказывали о партизанских отрядах, насчитывающих сотни бойцов, под командованием Маркова и других командиров, атакующих немецкие гарнизоны и устраивающих немцам засады на дорогах. Немцы усилили гарнизоны по всему округу и начали огораживать заборами колючей проволоки полицейские участки и дома, в которых они проживали в городах и селах.

События на фронте и ситуация в округе подняла мораль среди евреев гетто. Несмотря на каждодневные трудности, они чувствовали, что близится конец нацистской Германии, и главное — выстоять еще считанные месяцы, пока Германия не рухнет под давлением советской армии с востока и войск союзников с запада и в Африке. Близящаяся победа была главной темой в разговорах жителей гетто. Люди надеялись, что продвижение советских войск будет быстрым, и немцы не успеют уничтожить жителей гетто.

Характерный случай указывает на настроение в гетто в те дни: в средине февраля вернулся один из людей, работающих вне гетто и рассказал, что узнал от одного из поляков, который прошлой ночью слушал радио из Москвы. Из передачи было ясно, что советская армия уже находится в районе Витебска, расположенного в 250 километрах от Свинцяна. Новость эта мгновенно облетела все гетто. Другие тоже утверждали, что слышали это сообщение из других источников. В тот же день по гетто распространился слух из "весьма достоверного источника", что советская армия уже приближается к Минску и Полоцку, в 120 километрах от нашего городка. Настроение в гетто взлетелаодо небес. "Знатоки" вычислили скорость продвижения бронетанковых войск, и пришли к выводу, что советская армия появится в нашей округе через два-три дня. Были даже такие,

которые видели семьи литовских представителей власти, пакующие вещи и собирающиеся бежать. Другие жители гетто пытались охладить пыл, но им тут же затыкали рты, объявляя их неверующими и "паникерами". Когда освобождение не пришло в течение двух-трех дней, и люди поняли тщетность своих ожиданий, мораль резко упала. Дни эти были действительно днями продвижения и побед советской армии на всех фронтах, но только в отдаленных районах, и наиболее близко советские войска подошли к нашей округе в районе Великих Лук, в 350 километрах от нашего городка. Слухи о скорейшем освобождении возникали время от времени. И уравновешенные и понимающие люди верили им. Жизнь в гетто и вечный страх уничтожения порождал питательную почву таким слухам, поддерживающим дух жителей гетто.

Еврейским полицейским, привезенным Гансом из Вильно в период эпидемии и помогающим "юденрату" поддерживать порядок в гетто, стало известно о существовании нашей подпольной вооруженной группы, включая имена некоторых наших товарищей. В один из февральских дней ко мне на улице обратился один из этих полицаев и попросил поговорить со мной. Я видел его в гетто, но не был с ним знаком. Звали его Хаим (фамилии не помню). Мнение людей о нем было, что человек он тихий, и по должности своей не сделал ничего плохого жителям гетто. Меня удивило его обращение ко мне, но я согласился поговорить, ибо он слышал о существовании подпольной группы в гетто и том, что я — член этой группы. Он рассказал мне, что в гетто Вильно тоже существует еврейская вооруженная подпольная группа, насчитывающая сотни товарищей, и у него есть связь с ними. По его мнению, следует наладить связь между нашими группами, и это может принести пользу обеим сторонам. Я обещал связаться с ним через день-два. Посоветовался с С.Михельсоном, Д.Йохаем и Р.Гертманом. Они поговорили с другими. На меня и Гертмана возложили миссию встретиться с полицаем и узнать дополнительные сведения о подполье в Вильно.

На следующий день мы встретились с полицаем Хаимом, и он рассказал нам, что подполье в гетто Вильно — О.П.О. (Объединенная партизанская организация) — объединяет все еврейские организации: "Бейтар", "Сионистскую молодежь", "Молодогвардейцев" (Ашомер ацаир), "Бунд", "Еврейских коммунистов". Цель организации — поднять восстание в тот момент, когда немцы решат уничтожить гетто. На наш вопрос — каково их мнение в отношении того, чтобы уйти в леса и начать партизанскую войну, он ответил, что они считают это вторым

этапом после восстания в гетто. Цель их — восстать в гетто и прорваться оттуда в леса, вместе с другими жителями гетто. На вопрос о нашей группе, мы ответили, что нас несколько десятков членов, точное число не назвали. Цель наша, как можно раньше уйти в леса и присоединиться к советским партизанам. И еще мы сказали, что в принципе готовы присоединиться к О.П.О, и будем рады, если он передаст им наши пожелания. Он обещал это сделать, и мы расстались.

Мы рассказали всем членам нашей группы о существовании большого еврейского подполья в гетто Вильно, обо всем, что узнали об этом подполье. Сообщение взволновало всех ребят. Мы были рады существованию О.П.О. и надеялись, что это выведет нас из одиночества и изоляции. Некоторые выразили надежду, что в будущем к нам присоединятся в лесу молодые евреи Вильно, и вместе мы создадим большое партизанское соединение, насчитывающее сотни и сотни бойцов. Спустя неделю полицейский уехал в Вильно, и долгое время мы ничего не слышали о подполье в гетто Вильно. Мы уже потеряли надежду на связь с ними. С приближением весны мы должны были решить о наших дальнейших планах.

Когда уходить в лес? Когда назначить день исхода?

Именно это мы обсуждали на встрече группы в конце февраля. Большинство ребят, и я в том числе, считало, что чем раньше, тем лучше, но часть была против такого решения. Мы доказывали, что есть весьма слабый шанс связаться с советскими партизанами, пока мы находимся в гетто. Когда же мы будем в лесу, то раньше или позже наткнемся на них. Те, кто нам возражал, считали, что нет смысла уходить в лес, пока мы не связались с партизанами, тем более, что мы не сможем там существовать еврейским отрядом во враждебном местном окружении. А без поддержки сельского населения невозможно продержаться в лесах. Главным образом, без продовольствия и информации о движениях немцев. Более того, мы не сможем скрыть от населения наше месторасположение, а оно тотчас донесет властям. Некоторые из товарищей добавили, что они единственные кормильцы в семье, приносящие с работы вне гетто немного продуктов, чтобы члены семьи не умерли от голода. Уйдя в лес, они обрекают семьи на голодную смерть.

Дискуссия была длительной, сомнения и колебания были большими. Я говорил, что в дни мировой войны против нацистской Германии, которая является войной еврейского народа, мы не имеем права сидеть, сложа руки, когда в этих руках есть оружие, и нам следует принять посильное участие в этой войне.

Решили, что в начале весны, с таянием снегов, мы уходим в леса. Сначала подадимся в лес Царклишки, в 20 километрах восточнее нашего городка. Наши товарищи Рувен и Шимон Левины отлично ориентировались в этом лесу еще с довоенных времен, когда семья их занималась торговлей с местными крестьянами. Вначале выйдет группа из 5–6 товарищей, чтобы определить место базы и изучить окружение, а затем уйдут все остальные. Определили также личную экипировку каждого: кожаные сапоги и продовольствие на первые дни, чтобы не зависеть сразу от крестьян. Также решили постепенно прекратить работу вне гетто, чтобы "юденрат" послал вместо нас других на наши рабочие места, и не почувствовалось наше отсутствие в гетто.

Пока мы готовились к исходу и ждали таяния снегов, по гетто поползли слухи, что оно будет ликвидировано, и жители его переведут в гетто Вильно и Ковно. "Юденрат" не подтверждал и не отрицал эти слухи. В начале марта в Свинцян прибыл руководитель гетто Вильно Иаков Ганс в сопровождении группы еврейских полицаев. Длительное время он совещался с членами "юденрата" за закрытыми дверьми. Затем созвали жителей гетто в синагогу, в прошлом принадлежащую портным, услышать выступление Ганса.

Сотни людей стояли в ужасной тесноте. Я пришел увидеть и послушать человека, о котором говорили, что он властвует над гетто Вильно, гордый еврей, пользующийся влиянием у германских властей. Ганса сопровождали некоторые из членов нашего "юденрата" и его личная полицейская охрана, прибывшая с ним из Вильно. Ганс был сорокалетним, высоким, широкоплечим мужчиной с круглым и приятным лицом. Он стремительно прошел вместе с сопровождающими его людьми сквозь массу людей, освободивших им проход на сцену. В его походке и повадках чувствовалась военная выправка… Сказал, что служил капитаном в литовской армии и сражался за независимость Литвы. Все, прибывшие из Вильно, и Ганс в их числе, носили особые фуражки с козырьками еврейской полиции Вильно со знаком "магендавида", и на темно синих формах видны были знаки различия в чинах.

Безмолвие царило в синагоге, все напряженно ждали выступления Ганса. Он начал свою речь обращением: "Братья евреи!" Затем сообщил, что в связи с усилением активности советских партизан в западной Белоруссии и на западе Литвы, германские власти решили ликвидировать существующие в округе гетто Свинцяна, Ошмян, Михсолишук и Сола. Перевести оттуда шесть тысяч евреев в гетто больших городов — Вильно и

Ковно, и в некоторые трудовые лагеря вблизи этих городов. Чтобы евреи не страшились за свою судьбу, немцы решили возложить эту миссию переселения евреев на еврейскую полицию гетто Вильно. Ганс подчеркнул, что он лично будет сопровождать жителей гетто в Вильно и Ковно, для того, чтобы их успокоить. Он просил людей не осложнять этот переход, и помочь ему в этой миссии. В гетто Вильно есть много рабочих мест и необходимы рабочие руки. Он описал разнообразную культурную жизнь в гетто Вильно, рассказал о театрах, хорах, оркестрах, школах и местах развлечений. Ганс призвал людей не сдаваться тяжестям судьбы, быть терпеливыми, переносить гонения с достоинством, не падать духом и надеяться на лучшее будущее: следует жить и верить, что мы переживем эти трудные времена и придем к лучшим дням жизни.

Люди напряженно вслушивались в его слова поддержки, столь самоуверенно произносимые им, что это на них повлияло. Я должен был признаться себе, что речь его произвела на меня впечатление, и, главным образом, его призыв сохранять достоинство, и не сдаваться судьбе, надеясь на лучшее будущее. Люди медленно покидали зал синагоги, а Ганс и его люди вернулись в "юденрат". Ганс не назвал точную дату переселения. В гетто полагали, что это произойдет в ближайшие недели.

Вечером мы все собрались в доме Йохая. Решили покинуть гетто до ликвидации и перевода, и каждый из нас уже готовился, собрал подходящую одежду и вещи в дорогу. Новая ситуация требовала ускорить исход из гетто. Мы отменили план выхода группы в разведку, поиск места для базы, решили выйти все вместе. Боялись неожиданного развития событий и внезапных шагов со стороны немцев. Решили, что завтра, в ночь на 5 марта мы покидаем гетто. Собираемся завтра, в 10 вечера, около больницы гетто, находящейся вблизи ограждения из колючей проволоки. Оттуда двинемся, а семьям сообщим о решении в момент выхода из дома.

Последний день в гетто был невероятно долгим. Я ходил по улочкам гетто, посещал знакомых и близких, беседовал с членами семьи, и особенно долго с моей сестрой Рахиль. Чувствовал, что расстаюсь с миром, который в течение более года представлял для меня теплицу во враждебном окружении, и многих я больше не увижу.

Днем двое из группы сообщили нам, что по личным причинам решили сопровождать свои семьи в Вильно или Ковно, и не уходить с нами. Они вернули нам оружие. Их сообщение разочаровало нас, но мы приняли его с пониманием. По правде говоря, эта проблема мучила всех наших товарищей, у которых

были семьи и близкие, но их решение было иным.

Два моих двоюродных брата, Иоська и Моше-Юдка, решили, вместе со мной, сообщить членам семьи о нашем решении за полчаса до ухода. Сообщение было молчаливо принято, и они, несомненно, понимали, что такова наша реакция на ликвидацию гетто.

Расставание с Рахилью было особенно тяжелым. Я с трудом сдерживал слезы. Члены семьи с повышенным интересом смотрели на оружие в наших руках — два пистолета и карабин. Впервые мы открыли им, где это оружие прятали. Рукопожатия, поцелуи. Мы вышли к месту встречи. Ночь была темной, небо покрыто облаками. В 10 часов на месте были все товарищи, 21 человек.

Вышли из гетто звеньями по 5 человек, с разрывом в 5 минут. Место собрания назначили в полутора километрах от городка. Оттуда мы двинемся все вместе. Только мы собрались перейти ограждение, как из темноты возник Перец Гражол, парень 25 лет, который не входил в нашу группу, но мы его хорошо знали. Перец сказал, что выходит с нами в лес. Мы пытались его отговорить от этого, но он стоял на своем, и мы решили включить его в нашу группу.

Я вышел со вторым звеном. Осторожно пересекли заграждение из колючей проволоки в сторону открытого поля, западнее гетто. Оттуда нам следовало обогнуть городок с северной и восточной стороны. Странное чувство охватило меня, когда я пересек ограждение: что-то воистину судьбоносное свершается в моей жизни. С этого момента нет нас, меня и моих товарищей, евреев под властью нацистской власти, униженных и обреченных уничтожению, а мы превратились в свободных бойцов, которые присоединились к большому лагерю всех фронтов против нацистского зверя. Я коснулся пистолета, прикрепленного к моему поясу, и гранаты в моем кармане. Я почувствовал великую уверенность в своих силах. За нашей спиной было гетто. Перед нами — леса и неизвестное будущее.

11. В лесу Царклишки

Мы шли шеренгой, Рувка Левин вел нас. Ночь была темной, дождь лил, не переставая. Одежда не спасала от влаги и стужи. Несмотря на быструю ходьбу, я чувствовал холод всем телом. Грязь проселочной дороги липла к сапогам, движение было медленным и трудным. Спустя два часа мы остановились. Выяснилось, что ошиблись дорогой. Вместо того, чтобы повернуть налево с перекрестка проселочной дороги, мы продолжали идти прямо и снова приблизились к Свинцяну. Вернулись по своим же следам, потеряв драгоценное время. По пути мы должны были обогнуть небольшое село, но из-за приближения рассвета решили пройти через это село. Село расположилось по обе стороны дороги десятком деревянных домиков с соломенными крышами. Типичное село в этих местах. Лай собак сопровождал нас вдоль всего села. Я смотрел на темные эти домики, на маленькие окна, и думал: крестьяне, проснувшиеся от собачьего лая, поглядывают в окна на незваных гостей, проходящих через село.

Остановились на короткий отдых около небольшой рощи. Дрожали от холода, дождь продолжал лить. Некоторые из ребят немного отстали, пришлось их ждать. Мы не были привычны к столь долгой ходьбе, да еще при такой погоде. Я вспомнил тепло в тесных комнатках гетто, но тут же отбросил эти мысли. Мы общались шепотом. Из-за ошибки в дороге, дождя, грязи, медленного передвижения, мы не успеем добраться до леса Царклишки до рассвета. Шимка Левин предложил остановиться в дневные часы на ближайшей ферме, хозяев которой он отлично знает. Если фермер не согласится дать нам приют для отдыха, не будет иного выхода, как двигаться при свете дня до леса.

Предложение было принято, и Шимка с еще двумя товарищами пошел на ферму. Время, тянувшееся до их возвращения, показалось мне очень долгим. Я беспокоился. После минут напряженного ожидания, наши товарищи вернулись и сообщили, что фермер согласен, чтобы мы отдохнули у него на сеновале в течение дня. Гора сена доходила до половины высоты сеновала. Мы свалились на сухое сено. Я сбросил мокрую куртку и зарылся в сено, только голова торчала наружу. Борис Йохай, который с момента выхода из гетто взял руководство в свои руки, заявил, что запрещено спать и зажигать спички. Было назначено двое часовых, остальные провалились в сон. Я мгновенно заснул. Когда меня разбудили сменить часового, уже был полдень. Большинство ребят еще спало. Я стоял у ворот сеновала с

карабином, полученным из рук предыдущего часового, и поглядывал через щель за происходящим снаружи. Дождь прекратился, и солнце выглянуло из-за облаков. Ферма была небольшой и отдаленной от населенных пунктов, жилой домик из трех комнат, конюшня и сеновал. На горизонте, примерно, в двух километрах, виднелось село. Роща огибала ферму с двух сторон. Единственная дорога соединяла ферму с тем селом. Близость к роще вселяла в нас чувство защиты. Если появятся нежеланные гости, мы успеем скрыться в роще. Спустя два часа меня сменили на дежурстве. Тем временем проснулось большинство ребят. Мы негромко беседовали. Хозяин фермы, белорусский крестьянин лет пятидесяти, принес нам большой ковш молока и картошку, сваренную в кожуре. Мы набросились на еду. К пайкам, захваченным из дома, решили не прикасаться. К вечеру из села появился крестьянин. Мы видели его, приближающегося издалека на телеге. Он вошел дом. Оказался родственником хозяина. Мы хранили абсолютное молчание, пока он не уехал.

Затем хозяин рассказал нам, что после полудня прибыли в село литовские полицаи и допросили жителей, не видели ли они группу евреев, сбежавших из Свинцяна. Очевидно, крестьяне из села, которое мы пересекли ночью, сообщили о людях, прошедших через село. С наступлением темноты мы поблагодарили хозяина фермы за угощение, и вышли в путь. Ферма эта находится в 10 километрах от Свинцяна, и чтобы дойти до нее, мы немного уклонились от прямой дороги в лес Царклишки. Нам предстояло еще пройти 8 километров. При ночном передвижении не трудно преодолеть такое расстояние. Мы шли медленно и обогнули село, в котором, по словам хозяина фермы, жили белорусские полицаи, служившие в Линтопе. За час до наступления рассвета мы пришли в лес Царклишки. Лес этот невелик, 14 квадратных километров. Мы подождали рассвета на опушке и с первыми лучами углубились на полтора километра в лес, где остановились, чтобы найти подходящее место для создания базы.

Выбрали сухое возвышение над окружающей местностью, очистили его от кустов, растительности и снега, который еще не растаял. Топорами и ручными пилками, принесенными с собой, срубили и спилили молодые сосны и березы, и соорудили шалаши для защиты от холода и ветра. Зажгли костер, чтобы согреться и вскипятили воду из снега. До полудня послышался звук проезжающей телеги и ржание лошадей недалеко от нас. Крестьянин приехал рубить деревья, примерно, в двухстах метрах от нашего места. Нас он не заметил. Мы решили это место покинуть и найти более отдаленное от дороги, по которой

проехал крестьянин.

Первую ночь в лесу мы высыпались, несли охрану и пытались согреться. Одежды еще не высохли от дождя прошлой ночью, а шалаши давали слабое укрытие от резкой стужи. Мы спали, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло тела, по двое-трое в шалаше. Мы боялись зажигать костер, чтобы нас не засекли издалека.

Утром вышли разведать окрестность, ознакомиться с тропами, определить расстояние от нашей стоянки до опушки леса во всех направлениях, до ближайших сел и фермы. Нас было шестеро, и командовал нами Рувка Левин, который был немного знаком с этим лесом. Шимка Левин и еще двое ребят пошли на ближайшую ферму к знакомому Шимке крестьянину Федулу. Мы хотели услышать, что творится в округе, спросить, патрулирует ли здесь полиция. Также собирались купить продовольствие, узнать, есть ли здесь советские партизаны. Ребята, оставшиеся на стоянке, покрыли шалаши дополнительным слоем веток, чтобы защититься от ветра и стужи. К вечеру вернулись те, кто посетил Федула. Они принесли несколько буханок хлеба и картошку. Насколько им стало известно, в последние недели полиция не появлялась в окрестности, а партизаны здесь не проходили с конца осени 1942.

Каждый день мы еще и еще раз досконально изучали топографию леса, чтобы все члены группы ознакомились с ней. Выяснилось, что десятки крестьян приходят в лес рубить деревья. Это нас весьма беспокоило: в один из дней нас обнаружат. Жители округи были в большинстве своем белорусы, частью поляки. Литовцы были в меньшинстве. Следовало остерегаться всех крестьян. Среди белорусов и поляков были доносчики, сотрудничавшие с немцами. Ближайшее к нам село было в 2 километрах от нашей стоянки, и по ночам до нас доносился лай собак.

Прошла неделя нашего пребывания в лесу. Мы стали привыкать к новой реальности. Установили связь со знакомыми Шимке и Рувке крестьянами, у них покупали съестное и узнавали новости о том, что происходит в округе. Все еще страдали от стужи, особенно по ночам, если не разжигали костер. Дни стали теплее, и нас поддерживала мысль о приближении весны. Изучение окрестности днем было очень важным для ощущения нашей безопасности. Мы начали патрулировать и по ночам.

Хотя мы не избрали командира группы, а все решали "демократическим" путем, но как-то само собой Борис Йохай взял командование в свои руки, а те товарищи, которые обладали опытом воинской службы, как бы составляли его штаб. В нашей

реальности воинская иерархия необходима. И она возникла естественным путем. Несмотря на то, что я был самым молодым в группе, у меня было особое положение по праву первых создателей группы, и еще потому, что я достаточно быстро приспособился к условиям леса, изучил все тропы. Мы использовали первые дни для изучения оружия, помогали нам товарищи, служившие в польской армии, среди них Иоська Флексер и Перец Гражол. В гетто мы лишь научились, как ставить оружие наизготовку. Но как стрелять, представляли лишь теоретически, ибо не было условий для основательных тренировок и, тем более, стрельбы. Мы также не были уверены в том, что оружие, вынесенное нами из германских складов и купленное за деньги, способно стрелять. Из-за малых боеприпасов решено было, что каждый использует для стрельбы из личного оружия лишь одну пулю. Решено было, что каждое звено будет упражняться в стрельбе в дальнем краю леса.

У меня был русский пистолет системы "наган". Он считается простым и верным оружием. Мой боезапас составляли 15 патронов. Я в сильном напряжении направлял пистолет в толстый ствол дерева, в 12 метрах от меня. Боялся, что пистолет вообще не выстрелит, еще более напрягся после выстрела. Нажал на курок и не попал в цель. Но пистолет выстрелил, и это было главное. Это был второй выстрел в моей жизни. Первый произошел самопроизвольно из "обреза" еще в гетто.

В один из дней часовые задержали человека, приблизившегося к нашей базе, привели его в лагерь. Это был лесник Гвига. Он признался, что обнаружил нас на следующий день после нашего появления, ибо крестьяне, приезжавшие рубить лес, видели нас, и в окружающих селах говорят о банде евреев в лесу. Крестьяне также слышали выстрелы. По мнению лесника, власти в короткий срок обнаружат нас, и он пришел нас предупредить. Лесники считались людьми, сотрудничающими с властями, и немцы меняли тех, кому не доверяли. Гвига сказал, что он литовец, чем еще больше усилил наше недоверие к нему. Но, по его словам, он ненавидит немцев, и потому решил нас предостеречь. Дом его находится на опушке леса, недалеко от нашей базы.

Мы все думали, что с ним сделать: поверить и освободить или расстрелять, как немецкого шпиона, который пришел разведать наше местонахождение. Часовые, задержавшие, рассказали, что он окликнул их прежде, чем они его заметили. Это говорило в пользу его искренности. Он отлично знал лес, и если бы захотел, мог бы сразу привести немцев и литовцев на нашу базу. Еще доводом против его расстрела было то, что если

мы его убьем, это станет известно в течение одного-двух дней, и силы безопасности начнут прочесывать лес, подозревая, что он уничтожен, людьми, скрывающимися в лесу. Решили его освободить. Борис и еще двое ребят проводили его к его дому, договорившись, что будут с ним на связи. Он обещал тотчас нам сообщить, если в округе появятся немцы и литовцы.

Несмотря на то, что мы ему поверили, решили перенести базу на новое место в километре от старого, а также прекратить тренироваться в стрельбе и не забирать у крестьян продовольствие, угрожая оружием, а покупать у них, пока у нас еще есть деньги. Желательно не настраивать крестьян против нас весь период нашего привыкания к лесу.

Нам не давала покоя судьба гетто Свинцяна. Саул Михельсон предложил послать нескольких ребят в гетто. Предложение было принято. Саул и еще двое вышли в Свинцян и вернулись через два дня. Саул рассказал, что там все готовятся к переселению, и в течение недели гетто будет ликвидировано. Из Вильно прибыла группа еврейских полицаев, которые займутся переселением. Они вместе с членами "юденрата" составляют списки людей, которых переведут в гетто Вильно и в гетто Ковно. Саул встретил еврейского полицая из Вильно Хаима, который когда-то говорил со мной о связи с еврейским вооруженным подпольем. На этот раз он даже встречался с членами моей семьи, спрашивая, где я нахожусь, ибо у него есть для меня важное сообщение.

Посоветовавшись, мы решили, что я и Ишика Гертман, которые в свое время беседовали с Хаимом, встретимся с ним в Свинцяне. Вооруженные пистолетами и гранатами, мы вышли в путь с наступлением темноты. Шимка Левин проводил нас несколько километров до проселочной дороги, ведущей в наш городок. В течение 4 часов мы преодолели 15 километров от леса Царклишки до Свинцяна, и в утренние часы вошли в гетто вблизи места, через которое вышли оттуда несколько недель назад. Этот наш приход произошел 1 апреля 1943.

12. В Вильно — по заданию подполья

Мы застали жителей гетто, пакующих вещи. Члены «юденрата» и еврейские полицаи из гетто Вильно занимались составлением списка в 250 человек, которых немцы согласились перевести в гетто Вильно. В список входили члены «юденрата» со всеми своими близкими, и немного мастеровых, необходимых для мастерских. Все остальные, по словам немцев, подлежали переселению в гетто Ковно, где для них было подготовлено жилье и там были необходимы рабочие руки. Часть кандидатов в гетто Вильно уже была туда переведена. Остальные должны были ехать поездом в Ковно, проездом через Вильно. Моя сестра Рахиль сумела попасть в гетто Вильно и уехала туда за несколько дней до моего прихода в гетто.

С Хаимом из еврейской полиции гетто Вильно, членом ОПО, мы встретились на следующий день в гетто. Он рассказал нам, что сообщил штабу ОПО о существовании нашей вооруженной группы в гетто Свинцяна, и на него возложили миссию — предложить нам перейти в гетто Вильно и присоединиться к ОПО. Спросил нас о жизни в лесу. Рассказали о стуже, к которой мы все же приспособились, и после обретения небольшого опыта, считаем, что в лесу можно существовать. Начать боевые действия против врага мы сможем после более длительного приспособления к жизни в лесу, более тщательного изучения окрестности и налаживания связи с местным населением. К этому этапу мы еще не пришли. Сказали, что предложение о переходе в Вильно мы не уполномочены обсуждать. Следует лишь укрепить связь между нашей группой и подпольем Вильно в вопросе исхода ОПО в леса. Хаим ответил, что ему надо прояснить некоторые вопросы. Договорились встретиться с ним вечером.

На вечернюю встречу Хаим привел еще одного еврейского полицая, который представился как офицер полиции гетто Вильно Авербух и тоже член Особой подпольной организации (ОПО). Он предложил нам поехать в Вильно и встретиться с членами штаба ОПО, чтобы обсудить возможность связи между двумя подпольями. Он может присоединить нас к группе жителей гетто, уезжающих в Вильно. Он сказал нам, что перевод людей на железнодорожную станцию Ново-Свинцян начнется завтра вечером, 3 апреля. Мы попросили их дать нам время на размышление и договорились встретиться завтра утром. Мы сильно колебались. Вернуться в лес, чтобы посоветоваться с товарищами, просто нет времени. Поездка в Вильно без того, чтобы получить разрешение от группы, будет считаться

дезертирством. Мучила нас еще одна проблема: как вернуться из Вильно? Ишика считал, что надо принять предложение и ехать в Вильно, ибо весьма важна связь с национальной точки зрения между нами — еврейскими партизанами в лесу — и еврейским подпольем — ОПО, находящимся в гетто Вильно. Связь эта может привести к потоку еврейской молодежи из гетто в леса. Что касается возвращения, попытаемся проехать поездом, а если нет — пойдем пешком. Ничего не произойдет, если мы поедем в Вильно без согласия товарищей, хотя это и не согласуется с дисциплиной членов военной вооруженной группы. Я предложил посоветоваться со стариком Йохаем, как мы это делали в прошлом.

Встретились с ним в его доме поздним вечером. Он решил не уезжать в Вильно, а спрятаться в доме своего друга татарина. Мы выложили ему наши колебания относительно поездки в Вильно. И тут открывается дверь, и входят Борис Йохай и Мотка Бошканиц. Они и еще несколько ребят пришли из леса проститься с семьями. Посоветовались с ними. Решено было, что я с Ишикой едем в Вильно на встречу с членами ОПО, а они вернутся в лес и сообщат об этом остальным ребятам.

Утром встретились с полицейским Хаимом и договорились, что придем на вокзал в Ново-Свинцяне завтра утром, 4 апреля, и там встретимся. Сказали, что каждый из нас вооружен пистолетом и гранатами. Он гарантировал нам вход в гетто Вильно без проверки на воротах.

Назавтра, в 10 утра, мы были на вокзале. Евреи гетто уже садились в грузовой состав, состоящий из 40 вагонов с зарешеченными колючей проволокой окошками. Немцев и литовцев не было видно, обслуживали состав местные с голубыми повязками на рукавах с надписью по-немецки "Дойче райхсбанн" — Германское имперское железнодорожное управление. Посадкой занимались еврейские полицаи из Вильно под командованием майора бывшей польской армии Фрухта. Все происходило спокойно, что было абсолютно непривычно в таких ситуациях. 33 вагона должны были быть направленными в Ковно, 2 вагона — в Вильно. В последние дни гетто Свинцяна было решено, что несколько сотен человек поедут в трудовой лагерь Баздан, около Вильно. Для них выделили 5 вагонов. Хаим указал нам на два вагона, направляющиеся в Вильно, в одном из них мы должны были ехать. По приезду в Вильно, придут за нами и проведут нас в гетто.

После полудня появился начальник станции и объявил Фрухту, что по приказу немцев он должен закрыть снаружи вагоны. Полицаи велели людям подняться в вагоны и начали их

запирать. Я не собирался ехать в запертом вагоне, о чем сказал Хаиму. Он привел нас к Авербуху, который после короткого разговора с Хаимом сообщил нам, что мы можем ехать в первом вагоне, в котором едут полицейские, и его, естественно, не запирают. Позже нам стало ясно, что и Фрухт связан с еврейским подпольем Вильно и является одним из пяти создателей ОПО.

Поезд стоял на станции до вечера. Мы прогуливались по перрону. Время от времени проносились составы с сотнями немецких солдат и воинским снаряжением, направляясь к Ленинградскому фронту. Во время прогулки я заглянул в открытое окно одного из вокзальных зданий. Это был вещевой склад работников железной дороги. Около окна лежал тюк с нарукавными повязками. Я протянул руку, извлек две повязки и спрятал в карман: "Могут понадобиться", — сказал я Ишике.

С наступлением темноты поезд отошел от вокзала, и к утру прибыл в Вильно после нескольких задержек на промежуточных станциях. Вместе с Хаимом мы сошли с поезда, направились в гетто, прошли без всяких проверок. Хаим привел нас к месту проживания моей сестры Рахили. Час был ранний, и мы нашли ее дома. Хаим обещал связаться с нами к вечеру. Мы легли спать, ибо в последние дни почти не отдыхали.

Шум на улице разбудил меня через несколько часов. В доме никого не было. Я выглянул в окно и увидел группы людей, о чем-то взволнованно разговаривающих. Я вышел и спросил, в чем дело. Люди рассказали, что все, направлявшиеся в Ковно, были увезены в Понары на расстрел. Понары — место гибели евреев Вильно. В этом месте, в 12 километрах от Вильно, было расстреляно в июле-декабре 1941 года около 40 тысяч евреев Вильно. Вначале я не мог поверить тому, что люди, с которыми ехал в поезде несколько часов назад, среди которых многие близкие и друзья, находятся в Понарах, и именно в эти минуты их там убивают. Но это была правда. Потом выяснились страшные детали.

После того, как мы оставили станцию, немцы и литовцы окружили поезд, арестовали еврейских полицейских и увели их в гестапо. Ганс, которого арестовали в ночное время, когда поезд с двумя тысячами евреев из гетто Ошмяны обманом был направлен в Понары, и повели в гестапо, сумел в последний момент убедить уполномоченного от гестапо, находящегося на месте, оставить в Вильно семь вагонов с людьми, которые предназначались для Вильно и Баздана. Остальные люди, которые полагали, что их везут в гетто Ковно, увезены были в Понары. Только там, когда литовцы распахивали двери вагонов и уводили их к расстрельным рвам, люди поняли, где они, куда их ведут, вырвались из вагонов

и бросились врассыпную. Многие набросились на немцев и литовцев, которые их окружали, те стреляли по убегающей массе, поезд двинулся, и под его колесами была раздавлена часть людей. Около 600 человек из сопротивляющихся и убегающих было убито. Трупы их валялись на станции и в окружающем ее поле. Среди немцев и литовцев также были убитые и раненые. Такая же судьба постигла людей гетто Ошмяны, также привезенных вместо Ковно в Понары. Из двух составов, привезших евреев из Ошмян и Свинцяна в тот день было расстреляно 4000 человек. Десяткам удалось спастись, и они добрались до гетто Вильно. На следующий день 25 еврейских полицаев были привезены немцами из Вильно в Понары — собрать трупы убитых евреев и похоронить. Затем показали им огромные рвы, в которых были погребены десятки тысяч евреев Вильно. Впервые немцы привезли евреев в Понары и вернули их живыми в Вильно.

Германские власти использовали Ганса и еврейскую полицию Вильно, чтобы обмануть евреев гетто восточной Литвы. Немцы боялись, что если переселение будет сделано с помощью литовцев, большинство евреев попытается сбежать, потому использовали обман, зная, что евреи поверят Гансу и еврейской полиции, которые, в свою очередь были введены в заблуждение.

Несколько дней я ждал встречи с людьми ОПО. Знакомился с гетто Вильно, которое абсолютно не было похоже на гетто Свинцяна. Дома здесь были каменными — в один-три этажа. Гетто охватывало несколько улиц и переулков. Название центральной улицы совпадало с фамилией моей семьи — Рудницкая. Здесь были единственные ворота, ведущие в гетто, здесь находился "юденрат" и здание еврейской полиции. В гетто царили образцовая чистота и порядок. В рабочие часы на улицах было малолюдно, ибо большинство взрослых работало, а дети учились в школах. В вечерние часы улицы наполнялись людьми, возвращающимися с работы. В связи с теснотой в домах, люди больше проводили время снаружи. Культурная жизнь в гетто была довольно оживленной. На доске объявлений во дворе "юденрата" висел список недельных спектаклей в театре гетто, концертов оркестра и хора на идиш и на иврите. Работала библиотека. Перечислялись лекции на разные темы. В гетто работали также общественные кухни, и нуждающиеся могли там получать горячий суп бесплатно или за символическую оплату.

Прогуливаясь, я вдруг увидел знакомого мне подростка, который толкал нагруженную ручную тележку. Это был мой товарищ Мотка Зайдель, с которым мы вместе работали на лесопильне в Свинцяне. Оттуда он был послан в 1942 в трудовые

лагеря "Тодта". Мотка рассказал мне, что до зимы 1942 он работал в трудовом лагере около Ковно, не выдержал тяжести работы и сбежал в гетто Вильно. Одинокий, без родителей, он был включен в "подразделение по перевозкам" в гетто, в которое были собраны сироты и подростки, подозреваемые в преступности. Все они жили в интернате, получали пищу и одежду, и занимались полезной работой. Я рассказал Мотке обо всем, что произошло в Свинцяне в его отсутствие. Мы расстались в надежде, что еще встретимся.

После шести дней пребывания в гетто, мы встретились с штабом ОПО. Нас привели в дом по улице Ошмянской, где находился этот штаб, и познакомили с юношей, имя которого стало мне известно позднее: Абба Ковнер. Он был одним из создателей ОПО и высших командиров этой организации. Он расспросил нас о жизни в лесу и разъяснил нам цели ОПО: поднять восстание в гетто в тот момент, когда немцы решат его уничтожить. По его мнению, такое восстание должно стать национально-историческим событием и дать возможность спастись многим людям. Он предложил нам перебраться в гетто Вильно и присоединиться группой к ОПО. Мы же высказали нашу позицию: место наших действий — лес. В гетто нет условий длительного противостояния. Немцы используют обман, вводят в заблуждение, как случилось с евреями из поездов из Ошмян и Свинцяна, и нет никакой уверенности, что возникнут условия для восстания, как это представляет себе ОПО. Контакты с ОПО оказались безрезультатными, и мы решили вернуться в лес.

На следующий день полицаи арестовали нас на улице и привели к офицеру полиции Левасу, о котором наслышаны были, что это самый ненавистный в гетто офицер. Он сказал нам, что знает: мы — партизаны, приехали их леса, вооружены. Он не хочет нас арестовывать, но мы должны сдать оружие. Мы-то оружие оставили у Хаима. Я ответил Левасу, что мы какое-то время находились в лесу, но из-за трудностей вернулись в гетто, и оружия у нас нет. Левас ответил, что если мы не откроем, где спрятали оружие, он распорядится нами по своему усмотрению. Несколько полицаев вошло в комнату, чтобы вести нас в тюрьму гетто.

Тюрьма находилась в Лидском переулке, на границе гетто. Из тюрьмы ворота вели за пределы гетто, и были случаи, когда через них передавали в руки немцев людей, совершивших какие-либо нарушения. Многие узники после заключения возвращались в гетто.

Меня с Ишикой поместили в одиночную камеру. Мы решили, что если нас выведут через ворота вне гетто, что означало

передачу нас немцам, попытаемся бежать. В одну из ночей мы проснулись от шума и разговоров у нашей камеры, дверь распахнулась, вошел полицай и сказал, что мы освобождены. Вначале мы ему не поверили, но когда он привел нас в гетто, мы вздохнули с облегчением. Полицай привел нас к моей сестре. Мы были освобождены благодаря вмешательству ОПО.

На следующий день мы покинули гетто. Получили наше оружие и спрятали его под одеждой. Полицай Хаим присоединил нас к группе рабочих за пределами гетто. Мы шли в их рядах посреди шоссе. На грудь и спины наши прикрепили желтые магендавиды. Группу вел еврей. На одной из боковых улиц мы вышли из группы, вошли в ворота ближайшего дома, сняли желтые значки и двинулись к вокзалу. По пути надели голубые повязки железнодорожников, которые были у нас, чтобы войти на станцию Вильно и сесть в поезд, направляющийся в Ново-Свинцян.

Улицы города были забиты народом. Это был воскресный выходной день. Люди в свое удовольствие прогуливались по улицам, шли в церкви. Я оглядывался по сторонам, словно находился в каком-то воображаемом мире. Картина напоминала мне довоенную Варшаву. Дети играли во дворах и парках, люди были наряжены в праздничные одежды. Смех, пение, музыка неслись из окон. Война и все ее ужасы здесь вообще не ощущались. Я пытался на миг сравнить эту жизнь с нашей еврейской реальностью. Это были два разных мира, в невероятном отдалении друг от друга, и не было между ними никакой связи, несмотря на то, что эти улицы от улиц гетто отстояли на какие-то сотни метров, а до Понар были считанные километры.

Станция кишела германскими военными. Эта железнодорожная линия была главной в направлении Ленинградского фронта. Движение поездов в этот день было особенно интенсивным. Тщательно наблюдая за станцией, мы поняли, что опасно входить туда днем. Решили дождаться темноты, прошли по мосту над станцией и пролежали в открытом поле. Через несколько часов, когда стемнело, мы пересекли забор и вошли на территорию станции. До этого надели на рукава повязки с надписью "Дойтше райхсбанн". Увидели длинный грузовой состав, присоединенный к двум локомотивам, на пути в направлении Ново-Свинцяна. Вдоль состава прохаживалось несколько немецких часовых. Мы уверенно прошли мимо них, зная, что если они почувствуют в нас хоть малейшую неуверенность, мы вызовем у них подозрение и будем арестованы. Когда часовой повернулся к нам спиной, мы

прыгнули в поезд и вошли в купе, предназначенное для работников железной дороги, рядом с товарными вагонами. Закрыли дверь купе. Спустя четверть часа состав тронулся. Мы облегченно вздохнули. По пути поезд несколько раз останавливался, и на каждой остановке часовые проходили с проверкой. Один раз луч фонарика часового, шарившего вдоль дверей, коснулся моего лица сквозь щель. Мы выхватили пистолеты и решили: если откроется дверь, выстрелим и сбежим. Но часовые нас не заметили. За полночь мы прибыли в Ново-Свинцян. В ту же ночь прошли 12 километров до Свинцяна, зашли в дом татарина на окраине городка, где прятался старик Йохай. Татарин нас доброжелательно встретил и провел на чердак, где жил старик. Там мы проспали весь следующий день. Йохай сказал нам, что вот уже две недели он ничего не слышал о нашей группе в лесу, ибо сыновья его Борис и Давид все это время его не посещали. С наступлением темноты мы покинули дом татарина и двинулись в лес Царклишки. Внезапно увидели две приближающиеся человеческие фигуры. Мы спрятались за дерево. Фигуры, прошедшие мимо, нас не заметили.

Добравшись до места в лесу, где мы оставили наших товарищей, нашли лишь следы стоянки, вероятно, оставленные в спешке. Вещи были разбросаны вокруг, шалаши сожжены. Что случилось с нашей группой? Все убиты? Схвачены? Рассказ старика Йохая о том, что сыновья не были у него в течение двух недель, обрел трагический смысл.

Весь день мы скрывались около оставленного лагеря. Прятались между деревьями, в надежде, что появится кто-нибудь из наших товарищей. В полдень услышали приближающиеся шаги. Из-за деревьев появился человек с пистолетом в руке. Это был наш товарищ Шимка Левин. Мы выскочили ему навстречу, обнялись. К великому нашему разочарованию он тоже ничего не знал о судьбе нашей группы, ибо не был в тот момент, когда немцы внезапно атаковали лагерь. Ему известно лишь то, что товарищи наши успели скрыться за считанные минуты перед атакой, но он не знает, где они сейчас и сам их разыскивает.

Вдруг я вспомнил о фигурах, на которых мы наткнулись ночью по пути в лес, подумал, что это мог быть Борис и еще кто-то. Они шли проведать родных, прятавшихся в Свинцяне. Если мое предположение верно, старик Йохай скажет им, что мы вернулись из Вильно и разыскиваем их в старом лагере. Я предложил Шимке остаться здесь и ожидать Бориса, который придет сюда нас искать в старом лагере. Мы же вернемся в Свинцян к старику Йохаю, может, встретим там Бориса.

Мы вернулись в городок в начале ночи, и действительно

нашли Бориса у его отца. Вторым с Борисом был Саул Михельсон, отец которого тоже прятался у своего друга-христианина. Саул должен был вернуться в убежище Йохая в полночь, чтобы затем они, оба с Борисом, вернулись в лес. Борис рассказал нам о том, что случилось. Один из крестьян донес немцам и литовцам о месте лагеря. Когда силы немцев и литовцев уже были в лесу, Гвига сообщил об этом ребятам, и те успели в спешке уйти за считанные минуты до появления немцев и литовцев. Новое место лагеря было удалено от старого на два километра. Ночью мы вернулись в лес Царклишки, миновали старый лагерь, где нас ожидал Шимка, и ранним утром пришли в новый лагерь.

13. В партизанском отряде имени Чапаева

Новый лагерь выглядел намного лучше старого. Шалаши для жилья были более просторными и хорошо укрывали от холода и ветра. Внутри были оборудованы деревянные нары, покрытые соломой. Два больших котла, которые были доставлены из одного села, символизировали «кухню» посреди лагеря. Ребята приспособились к условиям жизни в лесу, наладили связь с некоторыми крестьянами, которые обеспечивали нас продуктами и новостями. Ребята также достали ружье у одного из крестьян. Крестьяне принесли новости о судьбе евреев, отправленных поездом вместо Ковно в Понары, спустя считанные дни после их расстрела в Понарах, и о том, что евреи, переведенные в Вильно, спаслись. Я рассказал о наших контактах с ОПО и приключениях в пути.

Я был введен в обычный распорядок партизанской жизни: охрана, патрулирование в лесу и работа на "кухне". Советские партизаны в нашем лесу так и не появились. Решили, что если в ближайшие недели мы не сумеем наладить связь с партизанами, перейдем в лес Ходоцишки, на 20 километров восточнее. Крестьяне, поддерживающие с нами связь, рассказали, что в районе Ходоцишки и Кузиан действуют партизаны. Тем временем, обострилась проблема с продуктами, которые мы до сих пор покупали за деньги. Но деньги закончились, и необходимо было отнимать продукты силой оружия, то есть совершать действия, на языке партизан именуемые "экономическими акциями". Крестьяне относились к этим акциям, как к обыкновенному грабежу и сообщали об этом властям. В таких случаях они были готовы доносить немцам о местоположении партизан. Мы знали об этом, но не было иного выхода. Решили проводить эти акции в районах, наиболее отдаленных от леса Царклишки, чтобы не наносить ущерба крестьянам из близлежащих сел, в сотрудничестве с которыми мы нуждались.

Первым пунктом для "экономической акции" мы выбрали ферму литовца, в семи километрах от леса Царклишки в сторону Свинцяна. Мы вышли туда группой в восемь человек, надо ведь было нести продукты. Псы встретили нас громким лаем. Мы окружили дом и постучали в дверь. Сначала не было никакого ответа. Мы знали, что хозяева проснулись, но делают вид, что не слышат стука. Борис, который командовал акцией и обладал отличным русским акцентом, сообщил громким голосом, что мы

советские партизаны, и если дверь не будет немедленно открыта, мы ее вышибем. В доме зажегся фонарь, послышались шаги, и дверь открылась. Борис, Исраэль Вольфсон и я вошли внутрь, все трое не были похожи на евреев и старались скрыть этот факт. Мы знали: если хозяева нас вычислят, немедленно сообщат властям. Если же определят нас как советских партизан, есть шанс, что не сообщат, боясь возмездия, а также из расчета, что советская власть вернется, и они получат по заслугам за доносительство.

Мы сообщили хозяину, что пришли за продуктами для нашего подразделения. Собрали всех членов семьи в одной комнате. Израиль остался их охранять. При обыске дома и остальных построек мы нашли огромное количество продовольствия, гораздо больше, чем могли унести с собой. Уходя, предупредили хозяина: не дай Бог ему донести о нас властям. С первыми лучами рассвета мы уже были в лесу. Первая наша "экономическая акция" под угрозой оружия и в достаточном отдалении от лагеря удалась сверх меры. И этот успех повысил наше настроение.

Приближался праздник Песах 1943 года. Решили его отпраздновать, привели двух наших девушек из гетто Свинцяна, которые принесли нечто, подобное маце. Вечером зажгли небольшой костер, сидели вокруг него. Я начал петь, и все меня поддержали. Пели пасхальные песнопения и еврейские народные песни, которые вернули мои мысли к дому, к родителям, к сестре, к пасхальному седеру в прошлом, когда я, самый маленький в семье, задаю вопросы — "Ма ништана?" — "Что изменилось?.." Очень многое изменилось в эту ночь Песаха 1943 года в сравнении с такими ночами в довоенное время: еврейский мир разрушен, культура его в развалинах, вокруг свирепствует вражда, оставшиеся в живых существуют в рабстве гетто и концентрационных лагерях, совсем небольшое число скрывается в лесах, борясь за свое существование. Я отбросил эти мысли, как и все остальные мои товарищи. Мы пели и затем рассказывали всякие истории и анекдоты.

В один из дней Шимка вернулся от своего знакомого поляка-фермера и принес ошеломляющую новость, которую поймал по радио друг фермера по подпольному польскому радио "Комета": в Варшавском гетто вспыхнуло восстание евреев. Вот уже несколько дней восставшие бойцы отбивают атаки немцев, нанося им тяжкие потери. Бойцы подняли на стенах гетто национальные еврейские и польские флаги. Мы рады были слышать, что изможденные голодом и заключенные в гетто евреи восстали и уничтожают немцев. Я видел перед глазами знакомые улицы Варшавы и представлял многих из моих одноклассников в

ивритской школе и товарищей по молодежному движению, несомненно, находящихся среди бойцов гетто. На миг испытал огорчение, почему я не в Варшаве среди них. Что произошло с моими родителями в гетто Варшавы?..

В середине мая к нам в лагерь пришел Федула, русский крестьянин, с которым мы держали постоянную связь. Он сказал, что его посетила группа советских партизан. Они вернутся к нему через неделю, и тогда он устроит встречу между ними и нами. И действительно через неделю Федула пришел в сопровождении двух советских партизан. Один из них был вооружен автоматом ППШ, второй — карабином. Автоматчик был невысокого роста, широкоплеч и черноволос. Он представился, как Васька "Черный", и сказал, что они бойцы партизанского отряда имени Чапаева командира Красной армии, погибшего в Гражданской войне 1918–1920.

Советская пропаганда превратила его в легендарного героя.

Партизанский отряд находится в лесах Козиан, в 30 километрах восточнее нашего лагеря. Васька рассказал нам, что был старшим сержантом Красной армии. При отступлении летом 1941 его подразделение разбежалось, и он остался в этой округе. С начала 1942 он — партизан. После проверки нашего оружия, он заявил, что готов привести нас в его отряд в лесах Козиана.

Мы быстро разобрали наш лагерь, запаковали то немногое, что у нас было, и приготовились в путь. Должны были в первую ночь пройти 20 километров до леса Худоцишки, но следовало обогнуть город Худоцишки, что удлинит наш путь еще на пять километров. В пути надо было пересечь глубокую речку.

Во время проверки оружия, произошел выстрел из пистолета Бориса Йохая, и пуля ранила в ногу Ноаха Свирского, парня из городка Видз, который присоединился к нашей группе еще в гетто. Васька "Черный" перевязал рану Ноаха бинтом из своего индивидуального пакета. Пока мы выражали сомнение, как доберемся до лесов Козиан с раненым Ноахом, Васька "Черный" заявил, что возьмет телегу у крестьянина, и на ней мы повезем раненого. Васька и еще двое из наших товарищей вышли из лагеря, и через два часа вернулись на телеге, которой управлял ее хозяин. Мы уложили Ноаха в телегу, и с темнотой двинулись в путь.

Васька выбрал меня и еще двух моих товарищей — впередсмотрящими.

За нами, на расстоянии 50 метров от нас, шла вся группа и катилась телега с раненым. По дороге мы пересекали села. Из-за телеги с раненым Васька решил перейти речку по мосту, а не искать лодки. Мост был недалеко от небольшого села на

западном берегу речки. Когда мы приблизились к селу, Васька приказал увеличить расстояние между нами и всей группой до ста метров. Село выглядело спокойным. В 50 метрах от моста по нам открыли огонь из винтовок и автомата. "Ложись!" — крикнул Васька и открыл ответный огонь из автомата по засаде около моста. Я извлек мой пистолет, но знал, что нет смысла впустую тратить патроны. "Прыжками назад!" — приказал Васька. Из засады продолжали вести огонь, но под покровом темноты мы не понесли никаких потерь. Лишь спустя час мы обнаружили наших товарищей. Вернулись по их следам, пока добрались до рощицы, где и встретились с ними.

Васька приказал освободить крестьянина с телегой. Соорудили носилки из двух палок и одеяла, и четверо ребят понесли раненого. Васька отлично ориентировался на местности и повел нас полями, на север. Около одной из ферм на берегу речки мы нашли две лодки, привязанные к небольшому деревянному причалу. Форсирование речки длилось около часа, ибо в каждой лодке могло уместиться лишь 4 человека, и один из них должен был вернуть лодку для следующих пассажиров. Утром вошли в лес Ходоцишки, далеко раскинувшийся за речкой, сделали привал до полудня, после чего двинулись на восток. На вторую ночь мы добрались до лесов Кузиан и лагеря отряда имени Чапаева.

Подразделение имени Чапаева входило в партизанский полк имени советского маршала Ворошилова. Командиром полка был Федька Марков, бывший преподаватель в Свинцяне. Летом 1942 Марков командовал группой из нескольких десятков бойцов. В течение года он организовал партизанский полк в составе 300 бойцов. В полку имени Ворошилова было четыре подразделения, называемые "отрядами". Штаб полка и три отряда действовали в лесах около озера Нарочь. База четвертого "отряда имени Чапаева" находилась в лесах Кузиан, в 100 километрах севернее озера Нарочь.

Отряд насчитывал 60 партизан. Командиром отряда был Сидякин, офицер Красной армии, чья кличка была "Ясное море". Партизанами были бывшие бойцы Красной армии, которые остались в тылу врага, когда их подразделения были рассеяны под внезапными ударами германской армии летом и осенью 1941. Часть из них попала в германский плен и сумела оттуда бежать. Часть была из местного населения, присоединившаяся к партизанам по разным причинам. Некоторые из них были активистами советской власти, и с момента прихода немцев скрывались, боясь за свою жизнь. Некоторые присоединились к партизанам по своему авантюристическому характеру или из

страха быть посланными в Германию на работу. Были и такие, что были объявлены германской властью преступниками, и нашли убежище в партизанских отрядах. В отряде имени Чапаева было также пятеро евреев, которые сбежали в леса летом 1942, когда ликвидировали гетто в округе.

Отряд имени Чапаева, как и все остальные партизанские подразделения в районе, испытывал недостаток в оружии и, главным образом, в оружии автоматическом. В отряде были автоматы и два легких ручных пулемета "Дегтярёв". Остальные были вооружены винтовками различных систем: советскими, германскими, польскими и литовскими, а часть была без оружия. Противотанкового оружия не было вообще. Лагерь составляли восемь деревянных строений, часть из которых была покрыта землей. В каждом строении было десять спальных мест. Строение, в котором размещался штаб, было более обширным и отстояло на некотором расстоянии от остальных. За штабным строением стояли привязанными к деревьям кони.

На следующий день вся наша группа выстроилась в две шеренги на утреннюю поверку. Сидякин произнес речь. Он похвалил подразделение, как один из успешных боевых "отрядов", отметил мужество бойцов и сказал, что мы должны быть горды тем, что присоединились к такому отряду. Мы должны доказать, что достойны носить имя "чапаевцев". Главной проблемой на пути расширения отряда является недостаток в оружии, которое мы должны добыть у врага силой и немедленно. От местного населения надо отобрать оружие хитростью. Завершил речь словами, что наша главная цель добыть дополнительное вооружение, и в ближайшие дни мы выйдем на боевое задание.

В этот же день наши ребята были назначены в охрану лагеря, сооружение жилья для нас и работу на кухне. Всё это мы приняли с пониманием. Как молодые бойцы в отряде мы должны всё это выполнять, пока не будем включены в боевые акции отряда.

Спустя два дня нас опять построили. Перед нами предстали Сидякин и его адъютант. Сидякин сказал, что пришло время нам выступить, как настоящим партизанам, на выполнение боевой задачи. Семеро наших товарищей пойдут в район Свинцяна. Как ему доложили, у нас есть связи с крестьянами. Группа должна добыть оружие у местного населения. Командиром группы был назначен Борис, а в группу вошли — Бошканиц, Гражол, Флексер, Хайат и две девушки из нашего "отряда". Оружием группы, постановил Сидякин, будет один карабин, и один "обрез". Три пистолета будут взяты у группы для безоружных ветеранов отряда имени Чапаева, "чтобы им было чем сражаться", по определению Сидякина. На этом он завершил свою речь.

Мы были потрясены до глубины души. Не так представляли себе акцию по добыче оружия, каким ее описал Сидякин на первом нашем построении. Мы полагали, что добывать оружие мы будем вместе с другими партизанами, и вооружение у нас будет самое лучшее, какое есть в отряде. Но задание, возложенное на группу наших товарищей, лишенных опыта партизанской войны и достаточного знания местности, у которых, к тому же, отобрана часть оружия, было просто сверх нашего понимания. Но мы обязаны были подчиняться приказу. Неподчинение командиру отряда в организованном советском партизанском движении каралось смертью. Мы беспомощно переглядывались, когда адъютант Сидякина прошел между рядами и отобрал у ребят из группы пистолеты, которые были добыты нами с таким риском и усилиями в гетто.

Я мучительно переживал такую вопиющую несправедливость, как и все остальные наши ребята. Командир отнесся к нам так, потому что мы евреи. Солдат, бежавших из плена и местных жителей, пришедших к партизанам, не посылали добывать оружие, О них позаботился отряд. Это была наша первая встреча с советскими партизанами. Мы тогда еще не знали об антисемитизме во многих советских партизанских соединениях, об их оскорбительном отношении, а порой и откровенных гонениях евреев. К вечеру мы простились с нашими товарищами, выходящими в путь, полный опасностей, на нелегкую акцию: семеро с одним карабином и одним "обрезом". Уход наших наиболее взрослых товарищей, по сути, командовавших группой, отношение к нам командира основательно ударили по нашей морали. Наш восторг от присоединения к советским партизанам сильно охладел. Двое из наших — Ишика Гертман и Израиль Вольфсон — попросили у Сидякина разрешение перейти к Маркову, в леса у озера Нарочь. Ишика объяснил, что знаком с Марковым по Свинцяну, и хочет служить у него. Сидякин согласился. Моше Шотан и Ицхак Форос рассказали Сидякину о том, что в гетто Вильно существует вооруженное подполье, и они бы хотели добраться до Вильно и предложить подполью в гетто уйти в лес с оружием, к партизанам. Сидякин вначале сомневался в возможностях двух ребят пройти путь, более 200 километров до Вильно, но, в конце концов, согласился, написал письмо в ОПО с предложением уйти в леса. Ребята ушли в дальний путь. План их был — добраться до станции в Ново-Свинцяне и попытаться доехать на поезде до Вильно тем же способом, благодаря которому я вернулся из Вильно.

Когда половина наших товарищей ушла, мы решили связаться с евреями в отряде и узнать вообще о судьбах евреев в

лесах Козиан. В одну из ночей я стоял в охране с одним из евреев — ветераном отряда имени Чапаева. От него я узнал о судьбе евреев в лесах Кузиан.

Массовое уничтожение евреев местечек и городков западной Белоруссии — Йоди, Луцкое, Майори, Дисна, Шарковчизна, Бреслав, Дрой, Кузиан, Глубокое произошло в июне-августе 1942. Многие сотни евреев — мужчин, женщин и детей — бежали в леса Кузиан, ища спасения. Они создали "семейные лагеря". Тогда в этих лесах еще не были организованные партизанские соединения, и беженцы питались тем малым, что покупали у крестьян, двигались с места на место в лесу, преследуемые полицией. Некоторые сумели добыть оружие, чтобы защищать свои "семейные лагеря" и добывать пропитание. Условия были невероятно тяжелыми. Иногда эти евреи натыкались на группы бывших советских солдат, принимая их за партизан. Но те забирали у них оружие и одежду, после чего изгоняли с мест. Это были группы солдат, оставшиеся в округе после отступления Красной армии летом 1941 или бежавшие из германского плена и шатающиеся по лесам без всякой связи с советскими партизанами. Это были откровенные антисемиты. Они нападали на евреев, укрывавшихся в лесах. Невыносимые условия и нападения этих банд солдат заставили немало евреев оставить лес и вернуться в гетто, которые еще существовали в округе.

Первая организованная группа партизан пришла с востока в лес Кузиан в конце лета 1942. Они создали партизанское соединение "Спартак", включающее 300 бойцов. Десятки "лесных евреев" были приняты в это соединение. В течение короткого времени обрел широкую известность в округе партизан-еврей Лев Волях, бесстрашный и мужественный боец, назначенный командиром одного из отрядов соединения "Спартак". Положение евреев из "семейных лагерей" улучшилось, они не оставались беззащитными перед бандами "диких" партизан, которые вынуждены были подчиниться штабу "Спартака" и были включены в его подразделения. Успешные атаки и засады на германские части и местную белорусскую полицию сдерживали их от проникновения в лес и действий против партизан. Евреи "семейных лагерей" обрели несколько большее чувство безопасности, но ненадолго.

В конце осени 1942 немцы сконцентрировали военную силу и провели облаву в лесах Козиан. Штаб "Спартака" решил не втягиваться в прямое и решительное столкновение, а воспользовался классическими партизанскими приемами: разделением отрядов на малые звенья и проникновением из округи в леса восточной Белоруссии. Главной жертвой

германской облавы стали евреи "семейных лагерей", которые, в отсутствие разведки, поздно узнали о концентрации германских войск и уже начавшейся облаве. Передвижение "семейных лагерей" было ограничено из-за женщин и детей. Сотни евреев было уничтожено в этой блокаде. Только небольшая часть сумела уйти в район болот, куда немцам трудно было проникнуть. Лишь десятки семей сумели выстоять в лесах Кузиан до весны 1943, пока туда вернулись подразделения "Спартака". Эти "семейные лагеря" находились недалеко от лагеря отряда имени Чапаева.

Я с нетерпением ждал настоящей боевой акции. Даже обратился с просьбой выйти на боевое задание к заместителю Сидякина. В начале июня я был послан вместе с 20 партизанами — уничтожить телефонные линии вдоль шоссе Постав — Глубокое. Шоссе проходило в 8 километрах южнее кузианских лесов. Наша группа выступила на задание после полудня. К вечеру мы добрались до опушки леса и вошли в небольшое село, рядом с лесом. Распределили бойцов между домами и приказали крестьянам приготовить для нас ужин. Белорусские крестьяне относились к нам сердечно. Командир отряда и другие партизаны издавна были с ними знакомы. С наступлением темноты мы вышли на шоссе, и после двух часов усиленной ходьбы добрались до цели. Отрезок шоссе, который был выбран, отстоял на 10 километров от восточной окраины Постава, вблизи городка Данилович. Когда я сбежал из Свинцяна, в дни депортации евреев в Полигон, в сентябре 1941, мне пришлось пройти через этот городок. Наш отряд разделился на три группы. Две из них устроили засады в сторону Постава и Даниловича.

Третья группа спиливала телефонные столбы и обрывала провода. Я был в этой группе, при мне мой "наган" и пила. Нас было четыре пары.

В течение трех часов мы повалили 30 столбов телефонной линии на отрезке в два километра. В это время на шоссе появлялись крестьяне на телегах. Засады их останавливали. К утру мы вернулись в лагерь. Это была первая акция, в которой я участвовал.

Спустя неделю я вышел с группой из десяти партизан на "экономическую акцию". Целью было выбрано польское село, близкое к городку Ходоцишки. Мы расставили охрану и приказали четырем крестьянам приготовить телеги. Переходили от дома к дому, брали мешки с картошкой, муку и мясо, и даже взяли двух коров. Все это погрузили на телеги, коров привязали сзади, к телегам, и вместе с хозяевами телег вышли в сторону лагеря. Возниц оставили на опушке леса. После разгрузки трофеев в лагере вернули телеги хозяевам и отпустили их домой.

В одну из ночей весь наш отряд вышел в открытое поле на окраине леса, собрать оружие, которое должны были нам сбросить на парашютах самолеты, посланные из Советского Союза.

Это была первая партия оружия, посланная в леса Кузиан. Была лунная ночь.

Была лунная ночь. Наша охрана вместе с охраной соединения "Спартак", которому также предназначалась часть оружия, рассредоточилась широким полукругом вокруг поля.

Группы конного патруля несли отдаленную охрану. Я был в группе тех, кто зажигал костры — знаки для самолетов. Костры должны были быть расставлены в виде равностороннего треугольника, каждая сторона которого 100 метров. Их следовало зажечь при звуках приближающихся самолетов. Другая группа должна была собрать парашюты. Связь белорусских партизан с Москвой поддерживалась аппаратами связи в штабе соединения "Спартак", которое было самым большим в лесах Кузиан, и насчитывало 500 партизан, разбитых на четыре отряда. Всю ночь мы ждали прибытия самолетов, но они не появились. Разочарованные, мы вернулись в лагерь. Затем пришло сообщение из Москвы, что самолеты наткнулись на сильный зенитный огонь при перелете через линию фронта, и вернулись на базы. Было обещано, что оружие будет сброшено через несколько дней.

Вместе с партизаном Васей, бывшим пленным, меня послали в штаб "Спартака" — взять пропагандистские листовки для распространения по селам. Штаб находился в 8 километрах от нашего лагеря. Рядом с тропой, по которой мы шли, соседствовал еврейский "семейный лагерь". Я проходил здесь не раз по пути на акцию по ликвидации телефонной линии и "экономическую акцию" в польском селе, но ни разу не сумел посетить лагерь. По возвращению из штаба, я сказал Васе, что у меня есть знакомые в этом лагере и я бы хотел их посетить. Я хотел увидеть лагерь и понять, как в нем живут евреи. У входа в лагерь не было никакой охраны. Дети стояли около жилых строений. В течение считанных минут собрались все двадцать пять жителей лагеря. Одежды людей были порваны и залатаны, дети ходили в лохмотьях, ноги их были обмотаны тряпками вместо обуви. Все их оружие было у двух людей — винтовка и пистолет.

Сказал, что я еврей из Свинцяна. Мы начали говорить по-русски, но затем перешли на идиш. В лагере шесть семей, все из городка Йоди. В лесу они уже более года. Их было 15 семей, но во время германской облавы осенью 1942 погибла половина людей. Отдельные семьи бежали из леса, искали убежища у крестьян, но

те донесли на них, они были схвачены и расстреляны. Да и судьба тех, кто остался в живых после облавы, не улучшилась. Зимой 1942–1943 умерло несколько детей от болезней из-за отсутствия лекарств и врачебной помощи. Люди семейных лагерей страдали от нападений партизан, оставшихся в лесах после облавы, забиравших у них ту малость одежды и обуви, которая у них осталась. В последнее время положение их несколько улучшилось, открытые нападения почти прекратились. Самой большой трудностью был недостаток продовольствия. Единственной пищей была картошка. Штаб "Спартака" запретил им отбирать продовольствие у крестьян, и обещал обеспечить их продуктами. Обещание не выполнялось, но евреи-партизаны приносили им продукты по собственной инициативе. Я обещал им, что еврейские партизаны отряда Чапаева постараются им помочь с продовольствием. Я расстался с ними, испытывая горечь. Непонятно, как они могли существовать в труднейших условиях.

Вася, который в лагере помалкивал, вдруг сказал: "Эти жиды зря едят хлеб. В лесу есть место лишь для людей, которые воюют, а не для тех, кто сидит с женами и детьми и беспокоятся лишь о себе". Я спросил: что им делать и куда идти? "Пусть идут, куда хотят", — ответил Вася, — но из леса их надо выгнать". Я объяснил ему, что эти люди бежали от уничтожения, что мужчины борются за жизнь жен и детей. Вне леса их ожидает смерть. Всё это Васю не убедило. Он считал, что они мешают партизанам сражаться, что во время войны погибает множество людей, и нечего беспокоиться о нескольких еврейских семьях. Не было никакого смысла с ним спорить. Мог ли русский колхозник понять, что это такое — еврейская судьба — быть одинокими в бездне Катастрофы, какова важность в спасении каждого еврейского ребенка, когда идет массовое уничтожение нашего народа? Мы оба — партизаны, воюющие против общего врага, но существует пропасть между тем, что я хочу достичь в этой войне, и между его целью. Победа над нацистами без евреев, оставшихся в живых, не воспринималась мной, как победа. Его это вообще не интересовало, и вовсе не огорчало уничтожение евреев.

В отряде Чапаева ожидали прихода группы литовцев, которые были сброшены десантом в восточной Белоруссии с целью создать в лесах Кузиан базу, откуда начать боевые действия в Литве. В конце июня я был послан с еще двумя партизанами нести охрану проселочной дороги, ведущей в наш лагерь. Позиция наша был отдалена от лагеря на несколько километров. Задание было — встретить литовских десантников и привести их в лагерь.

Позиция наша была у опушки леса, рядом с дорогой, С

позиции открывался кругозор на большую лесную поляну длиной с километр. На краю поляны был редкий лес. Проселочная дорога пересекала поляну. Мы несли охрану в течение дня. Ночью нас должна была сменить другая группа. После полудня из леса по ту сторону поляны вышли вооруженные люди, одетые вперемежку в военную форму и гражданскую одежду. Мы насчитали 12 человек. Они приблизились к нам, и мы увидели, что все они вооружены автоматами, пистолетами и гранатами. На расстоянии 100 метров от нас мы крикнули им остановиться и представиться. Это была группа литовских десантников, которую мы ждали.

Я привел их в лагерь, по дороге беседуя с командиром группы. Он спросил, откуда я. Когда я сказал, что из Свинцяна в Литве, он спросил, каково там положение, как относится местное литовское население к германской власти, есть ли признаки сопротивления этой власти. Я рассказал ему в нескольких словах о нашем подполье в гетто, и еврейском подполье в гетто Вильно, о литовском коммунисте, действующем в подпольной литовской коммунистической группе. Эта группа вызвала у него интерес, и он обменялся несколькими словами по-литовски с людьми своей группы. Он продолжал расспрашивать, что мне еще известно об этом человеке. Я рассказал ему, что во время поисков оружия мы вступили в контакт жителем Ново-Свинцяна Козловским, и от него узнали о деятельности коммунистического подполья. С приходом в лагерь я представил командира группы Сидякину и расстался с ними. Вечером меня вызвали к Сидякину. Рядом с ним сидел командир группы литовских десантников. Сидякин спросил меня, нет ли у меня желания перейти в литовскую группу, учитывая, что я житель Литвы, и командир группы просит присоединить меня к ним. Я все же немного колебался. Литовское подразделение произвело на меня впечатление по нескольким причинам. Это была десантная группа, отлично вооруженная, их военная выправка выгодно отличалась от вида отряда имени Чапаева. Отношение штаба отряда к нашим ребятам, которых послали добывать оружие, проявление антисемитизма в среде партизанского отряда, — все это толкало на то, чтобы принять предложение.

С другой стороны не было желания расставаться с товарищами, с которыми я прошел такой долгий путь в гетто и в лесу. Все же я чувствовал связь с отрядом имени Чапаева. Но, в конце концов, решил принять предложение. Ответил Сидякину, что если он и командир литовской десантной группы считают, что я могу принести пользу в войне против врага, как партизан в литовском подразделении, я готов туда перейти. В тот же вечер я распрощался с товарищами из отряда Чапаева и перешел в лагерь

литовцев, который временно был сооружен рядом с лагерем чапаевцев.

14. На оперативном боевом задании литовского партизанского соединения «Жальгирис»

Литовское боевое соединение «Жальгирис» — «Грюнвальд» по-немецки, «Зеленое поле» по-русски, было так названо в честь места, где объединенная литовско-польская армия нанесла поражение «германским рыцарям» в 1410 году. Имя это поднимало боевой дух литовцев в противостоянии германцам, придавая их действиям историческое значение.

"Жальгирис", по сути, был первоначальным соединением советско-литовского партизанского движения. "Жальгирис" был организован в СССР, чтобы вести партизанскую борьбу в Литве. Первую группу литовско-советских партизан десантировали в тыл врага, в Литву, еще в марте 1942, но немцы ее уничтожили в достаточно короткий срок. Штаб движения был создан в СССР в ноябре 1942, во главе с секретарем коммунистической партии Литвы Снечкусом. В штабе было решено послать литовское спецподразделение в оккупированную Литву с целью развернуть там партизанское движение. В литовской дивизии № 16 Красной армии было создано это спецподразделение, в которой прошли обучение те, кто должен был быть послан в Литву. После первой неудачной попытки решили на этот раз послать в тыл врага белорусских партизан — основать лагеря в западной Белоруссии, и оттуда начать действовать на территории Литвы. Леса Нарочь и Кузиан были выбраны штабом литовских партизан для баз, откуда будут вестись боевые действия.

В апреле-мае 1943 переведено было через фронт в германский тыл несколько десятков литовских партизан. Они перебрасывались планерами, прикрепленными к транспортным самолетам, на партизанский аэродром в восточной Белоруссии, в районе Бигомел. Командиром группы был Шумаускас, подпольная кличка которого — "Казимир", заместителем его — Зиман по кличке "Юргис". Зиман был евреем. Бойцы отряда в прошлом были активными коммунистами и работали в учреждениях советской власти Литвы. Из Бигомела десатники просочились небольшими группами в леса Кузиан, пройдя более двухсот километров.

"Жальгирис", куда я был переведен, соорудил временный лагерь рядом с лагерем отряда имени Чапаева. Я был первым местным, присоединившимся к советско-литовским партизанам, и

члены группы, все прибывшие из Советского Союза, отнеслись ко мне дружески. Через некоторое время из Бигомела пришла еще одна группа, включавшая Шумаускаса и Зимана. С их приходом начались боевые и "экономические" акции.

В начале июля я и еще двое партизан были посланы в район Ново-Свинцяна. Один из моих спутников был в прошлом секретарем коммунистической партии в Ново-Свинцяне, второй — там же, начальником милиции. Мы должны были установить связь с бывшими коммунистическими активистами в селах округи, добыть новости о том, что там происходит и заняться созданием подпольной ячейки, действующей против немцев. Мне было дано задание войти в Ново-Свинцян, и связаться с Козловским, а с его помощью выйти на подпольную коммунистическую группу, о которой я рассказал командиру "Жальгириса" Зейцасу. Командованию "Жальгириса" необходимо было связаться с подпольными коммунистическими ячейками в Литве, чтобы их задействовать и доказать властям Советского Союза, что не все литовцы сотрудничают с немцами. Я также должен был пойти в дом бывшего милицейского активиста, который скрывался в Ново-Свинцяне, и предложить ему, от имени бывшего его начальника, присоединиться к партизанам.

С нами из лагеря вышло еще четверо партизан. Трое из них посланы были в район Ойтяна. Четвертый, с аппаратом связи, должен был идти в Ковно, бывшую столицу Литвы, и заниматься там разведкой. В районе Ново-Свинцяна мы расстались с четверкой и вошли в лес, в нескольких километрах от Ново-Свинцяна. Днем скрывались в лесу, ночью наносили визиты в дома тех, кто поддерживал советскую власть и которых мои спутники знали в прошлом, чтобы побудить их вести активную борьбу против немцев и сотрудничать с партизанами. Благодаря этим встречам мы узнали, что происходит в округе, каково настроение местных жителей. Выяснилось, что часть бывших активистов советской власти сменила шкуры, и сотрудничала с немцами. В противовес им, другие радовались нашему приходу и выразили желание участвовать в действиях против немцев и помогать партизанам. Были и смешные случаи. Сонный крестьянин открыл двери ночью и перед ним предстали партийный секретарь и начальник милиции, которые бежали в Советский Союз два года назад. Люди протирали глаза от неожиданности, им казалось, что они еще не проснулись. Им понадобилось некоторое время, чтобы понять, что это не сон, а реальность.

После недели ночной деятельности мы завершили задание, наладив связь с группой людей, согласившихся сотрудничать с

нашим соединением, определив порядок этой связи с людьми, которые будут к ним посланы из "Жальгириса". Было решено, что в ближайшее воскресенье я пойду в Ново-Свинцян, к Козловскому. После этого мы вернемся на базу в лес Кузиан. В белой рубашке и коротких штанах, которые были приготовлены мной заранее, я вышел в путь, как деревенский юноша, идущий утром в церковь в летний воскресный день. Под рубашкой спрятал пистолет и гранату. Двое моих товарищей остались в роще. Четыре километра я прошел проселочной дорогой через поля. Недалеко от городка нагнала меня телега, на которой сидела женщина и юноша. Очевидно, они тоже направлялись в церковь. Я спросил по-польски, могут ли они подвезти меня до городка, на что получил положительный ответ. Я взобрался на телегу и сел на соломенный тюк, спиной к женщине и юноше, слушая, как они беседуют по-польски. Юноша рассказывал женщине о том, что слышал от соседей в селе: в округе находятся три советских десантника, русский, литовец и еврей. Юноша даже назвал фермы, которые мы посетили, и это совпадало с реальностью. Трудно было скрыть от крестьян нашу деятельность в округе, новости молниеносно передавались от одного к другому. На въезде в городок мы миновали двух полицаев, которые не обратили на нас никакого внимания. Для них обычным делом было воскресное посещение крестьянами церкви. Вблизи площади перед церковью я поблагодарил женщину за услугу и пошел по своим делам.

Прошел мимо еврейского квартала, жители которого были расстреляны в Полигоне в начале октября 1941, в нескольких километрах от городка. Часть домов выглядела, как развалины, без окон и дверей. В некоторых домах проживали местные жители. Ничего не изменилось в Ново-Свинцяне с того дня, 4 апреля, когда я уезжал отсюда в поезде с евреями гетто Свинцяна, которых везли на расстрел в Понары. К дому Козловского, который находился в центре городка, я пришел через задний двор. Постучал в дверь. Никакого ответа. Жалюзи были опущены в этот жаркий летний день. Мне это показалось странным. Я еще раз постучал более сильно, и снова никакого ответа. Из соседнего дома вышла женщина. Спросил ее о господине Козловском. Женщина окинула меня подозрительным взглядом и, не ответив, ушла в дом и захлопнула дверь. Запертый дом и молчаливая реакция женщины возбудили и во мне подозрение, что здесь что-то не в порядке, и я поспешил убраться.

Спустя несколько месяцев, я встретил в лесах Нарочь людей из гетто Вильно, и выяснилось, что в то время, когда я стучал в дверь Козловского, его уже не было в живых. Гестапо напало на

след коммунистической ячейки в Вильно и арестовало в конце июня 1943 городской комитет партии, в который входили глава комитета И.Витас и член комитета Козловский, который незадолго до этого переехал из Ново-Свинцяна в Вильно. Все арестованные были умерщвлены в подвалах гестапо. В то же время был арестован также командир ОПО в гетто Вильно Ицхак Витенберг, который был связан с городским комитетом коммунистической партии. Он покончил с собой в тюремной камере.

От дома Козловского я пошел к бывшему сержанту милиции, для чего следовало пересечь весь городок, расположенный на улицах, параллельных железной дороге. Дом человека, которого я искал, находился рядом с православной церковью. Я видел издали ее колокольню. Я шел по улице Вильно и должен был ее пересечь около окружной германской комендатуры, рядом с которой стоял часовой. Приблизившись к зданию комендатуры, я внезапно увидел в пятидесяти метрах от меня идущего мне навстречу немецкого старшего сержанта, который был ответственным за получение продукции на лесопильне, где я работал несколько месяцев летом 1942. Он меня знал. Немец приближался в обнимку с девицей. Надо было перейти на противоположную сторону улицы, но там была комендатура, и часовой перед ней. Такой неожиданный переход через улицу может вызвать у него подозрение. Я решил продолжать путь и, проходя мимо немца, нагнул голову, как бы посматривая на часы. Он меня не узнал. Я облегченно вздохнул.

Постучал в двери дома. Открыла старая женщина, очевидно, мать разыскиваемого мной человека. Я вошел в дом и сказал: "Я знаю, что ваш сын скрывается в погребе, скажите ему, что я пришел от имени его бывшего начальника советской милиции". Сначала она ответила, что сына ее нет дома вот уже два года, и она не знает, где он. Когда я все же настоял на том, что он здесь и напомнил о моем знакомстве с ним в прошлом, она ушла внутрь дома и через минуту вернулась, намекнув мне жестом идти за ней. Мы спустились в погреб. Выяснилось, что после двух лет сидения в погребе, бывший сержант милиции не мог ходить. Он сказал, что в принципе готов к нам присоединиться, но не может это сделать физически. Он обещал с нами связаться по адресу одного крестьянина, который я дал ему. Через несколько месяцев я встретил его среди партизан.

Я вернулся в лес, где меня ожидали мои два товарища, и через два дня мы уже были в лесах Кузиан. Две недели нас не было в лагере.

Спустя некоторое время после нашего возвращения на базу,

нам было сброшено оружие на парашютах. Самолет появился в назначенное время над условленным местом, где мы его ждали. Я был в охране этого места, большой лесной поляны. Ближе к полночи послышалось стрекотание приближающегося самолета. Костры были зажжены заранее по порядку, известному лишь штабу и руководству в Москве, как знак пилоту, что он находится над местом, куда должен быть сброшен груз. Тень транспортного самолета "Дуглас" (Дакота) проплыла по небу на фоне мерцающих звезд. На парашютах были сброшены десятки автоматов ППШ, сотни килограмм взрывчатых веществ "Т.Н.Т" и батареи для аппаратов связи. На следующий день я получил автомат, как личное оружие — мечту партизана.

В это время пришли еще партизаны с востока, на базе собралось более ста партизан, среди которых были и евреи. Соединение "Жальгирис" было реорганизовано в партизанский полк. Группа бойцов полка под командованием Зимана, вышла в леса Нарочь, чтобы и там создать базу. Рядом с полком в лесах Кузиан был создан первый отряд полка "Вильнюс", так в советской Литве называлась столица Вильно.

15. Поезда летят под откос

Подразделение «Вильнюс», к которому я был прикреплен, насчитывало 24 бойца, и командовал нами С.Афибала. Местом боевых действий подразделения был выбран округ Свинцяна, и главной целью была железнодорожная линия Вильно — Двинск — Ленинград, проходящая через Ново-Свинцян. Линия эта была главной артерией переброски подкреплений снаряжения и вооружения германской армии на Ленинградский и Северный фронты. Чтобы быть поближе к цели, подразделение перешло из лесов Козиан в лес Худоцишки, в 25 километрах от Свинцяна. Я был рад тому, что меня прикрепили к подразделению «Вильнюс», ибо моим желанием было воевать с немцами именно в районе городка, в котором я родился, и который мне так хорошо знаком.

С вступлением в "Вильнюс" мне поменяли имя и фамилию. Я был вызван к командиру Афибала и начальнику штаба Федьке, капитану Красной армии. Федька сообщил мне, что согласно приказу по литовским партизанским отрядам, необходимо поменять настоящие имена бойцов. Это связано с фактом, что у многих бойцов литовского полка семьи в Литве, и если будут узнаны истинные имена литовских партизан, немцы могут наказать их семьи. Потому надо менять имена. Не помогло мое утверждение, что вся моя семья расстреляна немцами в Полигоне и Понарах. Сказано было, приказ есть приказ. После короткого размышления Федька решил дать мне имя "Анатолий", ибо такого имени еще нет в "Вильнюсе". Фамилию "Рудницкий" поменяли на "Куницкий". Анатолий обернулся "Толькой", так меня окликали товарищи по оружию. Имя это прилепилось ко мне по сегодняшний день. Приказ о смене имен был через некоторое время отменен. Особенно это касалось евреев.

После нескольких дней пребывания в лесу Ходоцишки и подготовки к операции, мы были посланы впятером под командованием Богданаса — заминировать железнодорожную линию на отрезке между Ново-Свинцяном и Подбраде. Перед выходом меня научили умению минировать. Мина была начинена 12 килограммами взрывчатки "Т.Н.Т." и вводилась в действие с помощью советской стандартной пехотной мины в виде деревянной прямоугольной коробки, внутри которое металлическое приспособление с 200 граммами взрывчатки, и к ней присоединен механизм, вызывающий действие мины. Следует заложить взрывчатку, а сверху мину-детонатор между шпалами, поезд движется по рельсам, давит на них и на крышку пехотной мины и вводит в действие детонатор. Теоретически это не было

сложно, но требовалась определенная сноровка, обретаемая опытом.

По пути к цели мы посетили в лесу Царклишки лесника Гвигу, с которым знакомы были в дни пребывания нашей группы в тех местах. Литовец Гвига был рад встретить литовских партизан и согласился быть связным и заниматься разведкой для "Вильнюса". Мы договорились на обратном пути снова его посетить и получить сведения о том, что происходит в Свинцяне, и о расположении германских сил безопасности в округе. Гвига рассказл мне, что несколько дней назад у него были Борис Йохай и Мотка Бошкениц, которые были посланы командиром отряда имени Чапаева — добыть оружие.

Я попросил Гвигу сказать им, если они у него появятся, что я на днях посещу его. Пусть они меня дождутся.

На второй день после выхода из базы мы заняли позицию в роще, в пяти километрах от железнодорожной линии. План был такой: с темнотой дойти до железной дороги, быстро ее заминировать, а остальную часть ночи использовать на то, чтобы как можно дальше отойти от заминированного участка. Мы знали, что завтра германские солдаты и полиция прочешут район вокруг заминированного участка. Немцы охраняли железную дорогу в небольших укреплениях, сооруженных через каждые несколько километров, и бункерах около мостов, совершая патрулирование вдоль железнодорожной линии от укрепления к укреплению. Патрули состояли из пожилых солдат.

Заминированный отрезок дороги отстоял от Ново-Свинцяна на 3 километра, напротив Полигона, где немцы расстреляли евреев округи, среди которых были десятки моих родных и близких. Об этом я думал, когда мы приближались к железной дороге, и радовался тому, что мое боевое крещение против немцев, акция мести совершится именно в этом месте.

Перед моим взором стояли два облика из тех семи тысяч, лежащих в этих рвах. Первый — облик моей бабушки Песи, 75 лет, невысокой, молчаливой, с морщинистым, всегда полным тревоги, лицом. Второй — моего маленького двоюродного братика 4 лет, Ицеле, веселого и шумливого мальчика.

Мы приблизились к месту, где лес доходил до самой железнодорожной линии, для того, чтобы подход к рельсам был более скрытым, а отступление более легким. Место для закладки мины мы выбрали там, где колея пролегала по высокой насыпи. Главный принцип минирования заключался в том, чтобы уничтожить локомотив и часть железнодорожного полотна. И тогда ускорение поезда приведет к тому, что вагоны сойдут с рельс. От взрыва поезда на высокой насыпи, вагоны полетят с

высоты по склону, и это приведет к массовой гибели немецких солдат, разрушению военной техники.

Звено наше рассредоточилось вдоль полотна так, что посреди был Бондарас, мина у меня в руках. По обе стороны двое на охране, в 15 метрах от нас. Пятый остался охранять с тыла. Я нес взрывчатку Т.Н.Т. на спине, мой автомат ППШ был на боевом взводе. Ночь была темной. Взобрались по склону на насыпь. Я снял со спины взрывчатку, Бондарас начал рыть яму между шпалами. Я приложил ухо к рельсу. Слышен был шум приближающегося поезда. Шепнул об этом Бондарасу. Мы быстро закопали взрывчатку. Вложение пехотной мины требовало особой осторожности, чтобы она не взорвалась в руках. Надо было ее с большой точностью положить под рельс. Иначе поезд не надавит на нее. Послышались шаги приближающегося патруля. Стук подбитых гвоздями ботинок немецких солдат, ударяющих по рельсам, слышался издалека. Вопрос был в том, кто первым дойдет до мины, поезд или патруль. Мы покрыли мину землей, но бдительный глаз с помощью карманного фонарика мог заметить пехотную мину под рельсами. Мы быстро убрались с места. Шум приближающегося поезда заглушал шум нашего отхода. В лесу мы замедлили ритм наших шагов. Поезд уже был совсем близко. Мы остановились на небольшом холме в ожидании. На миг мне показалось, что поезд миновал мину и не ввел ее в действие. Может, не сработал детонатор? Неужели все наши усилия, весь наш риск пропал даром? Может… Но тут вспыхнул свет, озаривший весь Полигон, затем раздался оглушительный взрыв, потрясший всю округу, грохот сталкивающихся вагонов, отдельные выстрелы. Германский патруль, очевидно, открыл огонь в сторону леса. Радость наша была велика: это был первый поезд, спущенный нами с рельс.

Месть Полигона немцам.

Мы ускорили наше движение, и с первым лучом рассвета были в лесу, в 12 километрах от железной дороги. После перехода в течение еще одной ночи мы вернулись в лес Царклишки.

К вечеру посетили Гвигу, который вернулся из Свинцяна. Он рассказал, что в составе, взорванном нами, ехало много солдат, десятки их убиты, десятки ранены. Немцы прочесали окрестности. Минирование железной дороги и результаты взрыва мгновенно разнеслись по всей округе, и акции партизан сильно поднялись.

Гвига рассказал мне, что мои товарищи из отряда имени Чапаева находятся у Федулы. Я рассказал Бондарасу о моих товарищах из Свинцяна, и высказал мнение, что они, как жители

Литвы, должны влиться в литовский полк. Бондарас согласился включить их в соединение "Вильнюс".

Я пошел с Гвигой к Федуле, и около его дома в лесу нашел ребят нашей группы: Йохая, Бошкеница, Хайята, Гражола. Вкратце рассказал им о беседе с моим командиром, и они с радостью согласились присоединиться к соединению "Вильнюс" вместо возвращения в отряд имени Чапаева, где у них отобрали оружие. Ребята пытались любыми путями добыть себе оружие, но кроме единственного добытого ими "обреза" все их попытки оказались тщетными. Не было смысла возвращаться в отряд Чапаева без оружия. Мы все вернулись в дом Гвиги, где нас ожидал Бондарас и остальные бойцы звена. Через день пришли в наш лагерь в лесу Ходоцишки.

Наш отчет об уничтожении поезда взволновал всех. Сообщение было немедленно передано в штаб литовских партизан в СССР. Это было первое боевое действие советско-литовских партизан, и штаб был заинтересован в широкой огласке операции в советских средствах массовой информации. Пятеро моих товарищей из Свинцяна были приняты в соединение "Вильнюс" Повлиял на это решение отчет Бондараса о нашей операции, отозвавшегося с похвалой о моем умелом минировании. В партизанских отрядах литовцев, в отличие от отрядов белорусских партизан, был избыток оружия, благодаря десантированию вооружения в лесах Кузиан. С принятием в соединение "Вильнюс", мои товарищи получили карабины и автоматы.

Спустя неделю я снова был послан на минирование железной дороги. Звеном командовал Урбановичус, позднее получивший звание Героя Советского Союза. Нас было пятеро в звене, включая моего друга Бориса Йохая. На этот раз мы взяли с собой две мины, чтобы в одной операции спустить с рельс два поезда, а не возвращаться на базу после каждой акции. Следовало добраться до леса Царклишки и там упрятать одну из мин. По завершению операции с одним поездом, мы должны будем вернуться в район Царклишки и выйти на следующую операцию по минированию железной дороги. Предполагалось, что на обе операции придется до двух-трех недель.

В лесу Царклишки, около дома Гвиги, мы спрятали в земле одну из мин, и вышли на операцию. Выбрали отрезок железнодорожной линии в 15 километрах юго-западнее места первого минирования, между Свинцяном и Подбраде. Операция прошла успешно. Мы вернулись в лес Царклишки, и решили отложить вторую операцию по минированию на неделю, чтобы немцы в течение этого времени завершили прочесывание

местности после того, как поезд сошел с рельс. Гвига сообщил, что сошедший с рельс состав был товарным и вез на фронт продовольствие и боеприпасы. Локомотив и шесть вагонов скатились в кювет.

Питались мы у Гвиги и Федулы. Вечером приходили к ним ужинать, где нам давали даже самогон, который крестьяне гнали из зерновых. Мои товарищи партизаны любили этот крепкий напиток, и порой пили сверх меры.

Операция по закладке второй мины не прошла без накладки.

По дороге к месту минирования мы сбились с пути и потеряли целый час в поисках дороги. Был август, когда темнота длится с 10 часов вечера до 4 часов утра.

Согласно плану, мы должны были заложить мину не позже полуночи, чтобы нам осталось 3–4 часа темноты для удаления от места. Из-за поисков дороги мы добрались до места в половине второго ночи. В ста метрах до железнодорожной линии мы услышали шаги немецкого патруля, идущего вдоль железнодорожного полотна, и необходимо было ждать, пока он удалится. Драгоценные минуты были потеряны. Посоветовались шепотом, что делать. Если даже все пройдет гладко, нам останется меньше двух часов на отход, а этого явно недостаточно, чтобы преодолеть 13 километров до нашего убежища в лесу. Урбановичус решил отложить операцию на следующую ночь. День мы провели в лесу южнее Свинцяна.

На следующую ночь нам улыбнулась удача. Я был напарником Урбановичуса по закладке мины, остальные бойцы несли охрану. Еще до того, как мы начали рыть яму, послышался шум приближающегося поезда. Мы боялись, что он придет быстрее, чем мы успеем заложить взрывчатку, или сразу же после закладки, и мы не успеем отдалиться на безопасное расстояние до взрыва. Мы сползли с насыпи вниз по склону, и залегли у его подножья. Не дальше десяти метров от нас прошел поезд с немецкими солдатами. Я видел их лица в освещенных окнах вагонов. Мы подождали несколько минут после ухода поезда, убедились, что немецкий патруль не приближается. Снова взобрались на насыпь и заложили взрывчатку. Взрыв мы услышали, уже отдалившись на два километров от железной дороги.

Это был третий взорванный мною поезд в течение одного месяца.

В следующую ночь, приблизившись к шоссе Вильно-Свинцян, которое нам надо было пересечь, мы услышали издалека шум автомобильных моторов. По шоссе двигались колонны военных грузовиков в сторону Свинцяна. Это было явно необычное

явление. После длительного времени напряженного ожидания, на какое-то время движение прекратилось, и нам удалось пересечь шоссе. Мы задержались в течение дня в лесу Царклишки, чтобы узнать у Гвиги, что означает такое массивное движение немцев. Нам стало известно, что в Свинцян прибыло много германских солдат, часть из которых затем перешла в городки Ходоцишки и Линтоп. Мы тревожились, полагая, что готовится облава этих войск против партизан, и решили вернуться в лес Ходоцишки, чтобы предупредить нашу базу о концентрации немецких войск.

С наступлением сумерек вышли из дома Гвиги, быстрым ходом обогнули с севера городок Ходоцишки. К утру мы находились в километре от леса Ходоцишки. Мы шли гуськом, один за другим, впереди Урбановичус, я за ним. Близость леса давала ощущение, что опасности пути остались позади, еще немного, и мы будем на базе. Вдруг раздался окрик по-немецки: "Хальт!" Я нажал на спусковой крючок моего ППШ, направив автомат в сторону крикнувшего немца, слыша, как мои товарищи тоже открыли огонь. В ответ стреляли из винтовок. Когда огонь немцев усилился, мы отступили без потерь. Мы наткнулись с тыла на одну из засад германских войск, обложивших лес Ходоцишки. Немцы не ждали партизан с этой стороны и потому, к нашему счастью, замешкались с открытием огня. Благодаря этому мы вышли из этого столкновения без потерь, но опоздали предупредить наших товарищей из "Вильнюса". Лес Ходоцишки уже был окружен прочесывающими его немцами. В течение дня мы укрывались в роще, в нескольких километрах от места столкновения, и в следующую ночь вернулись в лес Царклишки. Решили оставаться в этих местах, пока не завершится германская облава в лесу Ходоцишки.

Облава завершилась через неделю. Немцы перешли южнее, в сторону лесов Нарочь. Мы считали, что соединение "Вильнюс" не осталось на месте, и решили вернуться в леса Козиан, в штаб полка "Жальгирис". Надеялись там встретить наше соединение или хотя бы узнать, где оно находится. К концу сентября мы добрались до лесов Козиан.

16. В тылу большой облавы

Подразделение «Вильнюс» располагалось поблизости от штаба полка. Нам объяснили, где оно находится. После полуторамесячного отсутствия, велика была радость встречи с товарищами. Ни рассказали нам о длительной германской облаве в лесу Ходоцишки. Сообщение о начале облавы пришло с опозданием, и ко времени ее прихода в штаб полка «Вильнюс» лес уже был окружен. Абифала принял решение, что все соединение уклонится от столкновения с немцами и уйдет в леса Козиан. В пути соединение наткнулось на противника, который проник в лес и двигался цепью. В этом столкновении Афибала был тяжело ранен, но бойцы сумели оторваться от немцев. Было ясно, что нет возможности отступать вместе с Афибала. Решено было, что он вместе с медсестрой Валей (будущей его женой) будут оставлены в тайном убежище, а все остальные под командованием Бондараса прорвут вражескую цепь. Убежище тяжело раненому командиру и медсестре устроили в гуще зарослей. Тем временем, соединение снова вступило в контакт с немцами и отступало с боем, оттягивая их от убежища. Шестеро партизан погибло в этом ночном бою, среди них трое из звена пулеметчиков, прикрывавших отход. Той же ночью партизанам удалось прорвать заслон, и спустя несколько дней соединение пришло в леса Козиан. Афибала и Валя все дни облавы скрывались в убежище, и через неделю прибыли в леса Козиан с помощью крестьянина, который был связным "Вильнюса.

Вообще настроение в среде партизан, в частности, в литовском полку, было приподнятым. Это были дни побед советской армии. На центральном фронте, где мы действовали в тылу врага, советские войска освободили ключевой город — Смоленск, и наступали на всех фронтах. Партизанское движение в наших краях расширилось и обрело силу. Наши боевые действия, главным образом, минирование железнодорожной линии, приводящее к тому, что вражеские поезда по пути на фронт летели под откос, впрямую помогало победам советской армии.

В полк "Жальгирис" регулярно десантировалось вооружение, боеприпасы, взрывчатка, а также подкрепления в живой силе, посылаемой из Советского Союза. Увеличилось число людей из местного населения, вступающих в ряды партизан. Среди них были и евреи, которые до тех пор скрывались в пещерах или бежали из гетто Вильно. Соединение "Вильнюс" насчитывало 60 бойцов, включая группу советских солдат, которые бежали из

германского плена Усиление боевых действий партизан вызвало ответное действие немцев. В начале октября начали прибывать в леса Козиан группы партизан из лесов Нарочь. Там начала действовать расширенная облава немцев. Стало ясно, что облава в лесу Ходоцишки была лишь подготовкой к большой облаве в лесах Нарочь, продвигающейся на север, в леса Козиан. Полк "Спартак", главная сила в лесах Козиан, решил не вступать в бой с немцами после того, как выяснилось их несомненное превосходство в силе и технике, а отступить в леса восточной Белоруссии.

Штаб "Жальгирис" приказал соединению "Вильнюс" покинуть леса Козиан до начала облавы и вернуться на прежнюю базу в лесу Ходоцишки. План штаба "Вильнюса" — перейти всем соединением в лес Ходоцишки — не удался. Разведчики "Спартака", следящие за передвижением немцев в сторону лесов Козиан, сообщили, что те уже начали окружать со всех сторон эти леса раньше, чем предполагалось. Штаб "Вильнюса" решил разделить соединение на группы по десять бойцов, которые должны были просочиться или прорваться собственными силами в лес Ходоцишки. Нашей группе под командованием Урбановичуса было приказано уклониться от облавы и заминировать железнодорожную линию у Ново-Свинцяна. Две группы общей численностью в десять бойцов были объединены в одну и должны были скрытно выбраться из лесов Козиан. После выполнения боевого задания мы должны будем вернуться на базу соединения "Вильнюс", которая будет заново заложена в лесу Ходоцишки. Урбановичус командовал двумя группами, пока они не разделились, и каждая несла с собой две мины.

В нескольких километрах от базы мы наткнулись колонну из двухсот человек — мужчин, женщин и детей. Одеты они были в обтрепанные одежды, а то и просто в лохмотья. Некоторые несли детей на руках, некоторые — небольшие свертки за плечами. Выглядели, как цыгане, но, приблизившись к ним, мы поняли, что это евреи. Я спросил их на идиш куда они направляются… Один из них ответил, что они из "семейных лагерей", ищут убежище от надвигающейся немецкой облавы. Они обратились в штаб "Спартака" с просьбой — помочь им выбраться из кольца облавы. Им объяснили, что партизаны разделяются на небольшие группы и отступают из округи на восток. Они не могут взять с собой еврейские семьи, ибо это затруднит их движение и возможность скрытно отступить. Еврейские семьи остались без защиты, на произвол судьбы. Часть из них решила укрыться в замаскированных подземных бункерах, которые они заблаговременно соорудили в лесу, часть решила покинуть лес и

укрыться у знакомых крестьян. Он же, с небольшой группой надеется найти убежище на островке среди больших болот, севернее лесов Козиан, куда сейчас они и направляются. Я смотрел на проходящих мимо меня людей. Многие тянули ноги из последних сил. Это были остатки десятков маленьких еврейских общин, большинство членов которых было уничтожено немцами, и они пытались спастись и спасти своих детей. Я беспомощно смотрел на это несчастное шествие. Кроме напутствия — "Держитесь" — мне не было, что им сказать и чем помочь.

Двигаясь на запад, мы встретили разведывательную группу отряда имени Чапаева, которая сообщила нам, что в некоторых селах вблизи леса находятся германские армейские части, но в лес еще не вошли. Мы решили дождаться темноты на окраине леса, и затем скрыться. Я наблюдал в бинокль за селом, отдаленным от нас, примерно, на два километра. В селе были видны немецкие военные грузовики. Часть из них приближалась к селу по проселочной дороге. Продолжалась концентрация германских войск. Было ясно, что ночью они расставят засады, чтобы пресечь уход партизан из леса. И действительно с приближением сумерек машины с солдатами выехали из села и исчезли за шеренгой деревьев, стоящих вдоль проселочной дороги.

Второй нашей группой командовал русский лейтенант Семенов. Он воевал на фронте до середины 1942 и попал в плен. Оттуда бежал и присоединился к партизанам. У него было намного больше боевого опыта, чем у Урбановичуса, который командовал обеими группами. Семенов объяснил, как вести себя, если мы наткнемся на засаду, определил порядок движения и места встречи, если мы разделимся или рассеемся. С наступлением темноты мы вышли в путь. По небольшой ложбине приблизились к проселочной дороге. В трехстах метрах от нее остановились. Семенов с двумя бойцами ушел вперед на разведку. Вкоре они вернулись. Мы двинулись дальше гуськом, на расстоянии 2–3 метров друг от друга. Я нес груз взрывчатки на спине. Пересекли проселочную дорогу. И тут, на западной стороне от нее в нашу сторону выстрелили ракетой, за ней — второй и третьей. Вся окрестность осветилась, и очередь трассирующих пуль, очевидно, из пулемета "Шпандау", была выпущена в нас с расстояния в несколько сотен метров. Пули пролетели над нашими головами. Немцы в засаде около дороги услышали нас слишком поздно, огонь их оказался неприцельным. Мы перешли на бег, Семенов приказал огнем не отвечать, чтобы себя не обнаружить. Бег с грузом взрывчатки за спиной был

нелегким, но через несколько минут мы снова вошли в ложбину сухого русла, которое прикрывало нас от огня, и продолжили по нему наше движение. Стрельба продолжалась еще некоторое время и прекратилась. Опасность, связанная с выходом из леса и зоны, охваченной облавой, осталась за спиной. Утром мы уже были в лесу Ходоцишки, промежуточной остановке на пути к месту нашего боевого задания. Мы не знали, что произошло с другими группами соединения "Вильнюс", которые тоже должны были покинуть зону облавы в лесах Козиан.

В следующую ночь мы расстались со второй группой и продолжили путь в лес Царклишки, бойцы второй группы ушли на север, в сторону Ингалины. Октябрьские осенние ночи были холодными. Да и днем было не очень приятно, особенно в дождливые дни. В округе Царклишки было у нас несколько верных нам крестьян, в домах которых мы могли скрываться. Потому мы выбрали это место, как базу перед выходом на боевое задание.

Южнее Ново-Свинцяна мы выбрали участок железной дороги для минирования. Удлинившиеся ночи давали нам дополнительный запас времени. Днем мы залегли недалеко от железнодорожной колеи, и до нас доносился ясно шум проходящих поездов. Мокрые от дождя, прошедшего вечером, мы вышли на задание. Подход к полотну и закладывание мины прошли без осложнений. Отдалились на полкилометра от места и стали ждать поезда. Ночного времени для отступления у нас было достаточно, и мы не торопились. С приближающимся поездом все напряглись, ожидая взрыва. Минуты казались невероятно долгими. Показалось, что поезд пересек место закладки мины, не введя ее в действие. Услышали хлопок взрывателя, но мощного взрыва 12 килограмм Т.Н.Т., которого мы привычно ожидали, не произошло. Хлопок больше походил на оружейный выстрел. Поезд продолжал движение и медленно удалился. Было ясно, что мина не сработала. Очевидно, взрыватель не ввел действие пехотную мину, а та, в свою очередь, взрывчатку. Такие технические неполадки случаются.

Урбановичус решил вернуться к месту закладки мины, чтобы вставить новый взрыватель. Дело это особенно опасное прикасаться к мине, которая частично была задействована. Это могло привести к взрыву, но мина была нам невероятно важна, и хотелось все же выполнить задание. В ста метрах от полотна мы остановились. Ясно были слышны громкие голоса переговаривающегося немецкого патруля, доносящиеся с места, где мы заложили взрывчатку. Они тоже услышали хлопок взрывателя и обнаружили мину. Мы отступили. На этот раз это

была явная неудача.

В течение недели перемещались между фермами в округе Царклишки. Каждый день меняли место привала в целях безопасности. Расширили круг сотрудничающих с нами крестьянских семей. Я очень сдружился с одним из бойцов нашего звена Ванюшкой Курским, русским парнем из-под Курска (отсюда и фамилия) двадцати лет, пленным в прошлом, весельчаком, с открытой душой, любящим людей. В долгих беседах он рассказывал о своей жизни, семье, селе, откуда он родом. От советского коммунизма он не был в большом восторге, но принимал его, как неопровержимую реальность, которую изменить нельзя. О евреях много слышал, и с характерной для него откровенностью рассказывал о том, что ему о них известно. Они, говорил он, хитрые и умеют устраиваться в жизни, и даже в армии. Потому он был невероятно удивлен, что здесь, среди партизан, нашел евреев, меня и Бориса, таких же воинов, как и он, и это, в общем, "испортило" ему образ евреев. Когда я спросил его о том, основано ли его мнение о евреях на личном опыте общения с ними, он ответил, что с детства слышал в своем селе рассказы и анекдоты о евреях, и из них составил себе представление о них. Такое же мнение я слышал от многих людей, выросших в Советском Союзе, и Ванюшка был одним из них.

Федула сообщил нам, что у его соседа Страдалова, у которого мы останавливались, время от времени, находятся десять солдат-украинцев, которые сбежали от немецкой службы и хотят присоединиться к партизанам. Попросили Федулу передать Страдалову, чтобы он пришел к нам в лес с двумя из этих солдат. Двое пришедших были в германской форме, вооружены русскими винтовками. Один из них командовал группой. Они рассказали, что после того, как попали в плен, в начале 1942, немцы поставили их перед выбором: присоединиться к ним или продолжать быть пленными. Условия в плену были нечеловеческими, каждый день умирали сотни от болезней и голода. Они выбрали службу у немцев в надежде сбежать, когда представится случай. После службы в течение полутора лет, им стало известно о действиях партизан в западной Белоруссии, и они решили совершить побег. Они несли караульную службу в районе Паневежиса, в Литве. Две недели назад убили немецкого офицера, командовавшего ими, и сбежали в лес, в надежде пристать к партизанам.

Рассказ их показался нам правдивым. Партизанское движение пополнялось в немалом количестве такими людьми, которые сотрудничали с немцами добровольно или по принуждению, а

затем принимали решение влиться в ряды партизан. Но люди эти не признавались в том, что их решение сбежать от немцев к партизанам диктовалось положением на фронте: после поражения немцев под Сталинградом и побед советской армии летом 1943, им стало ясно, что следует присоединиться к победителям. Пока побеждали немцы, увеличивалось число местных и пленных, сотрудничающих с ними. Мы сообщили им, что готовы принять их в наше соединение, но им следует дождаться, пока мы завершим наши боевые задания в округе.

Во второй половине октября мы снова вышли на минирование железнодорожной линии. На этот раз выбрали место севернее Ново-Свинцяна. Уменьшили вес мины на три килограмма и соорудили еще одну мину, чтобы заложить ее на обратном пути между Свинцяном и Ново-Свинцяном. Закладывали мину под проливным дождем. Во время закладки охраняющий нас боец предупредил о приближении патруля. Из-за дождя и сильного ветра мы не слышали шаги солдат патруля, и обнаружили его довольно близко. Спешно успели засыпать землей заряд между шпалами, но пехотную мину-детонатор не успели заложить. Отползли на метров десять и залегли. Урбановичус шепнул мне: если патруль обнаружит заряд, открываем по нему огонь. Я весь напрягся, не снимая палец со спускового крючка моего ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Я видел трех немецких солдат, приближающихся к месту закладки заряда, и на миг показалось, что они останавливаются около него, но они продолжали двигаться вдоль полотна дальше, ничего не обнаружив. Дождь нам помог, патруль торопился прийти к ближайшему бункеру, чтобы укрыться. После того, как патруль миновал, мы вернулись к месту закладки, завершили минирование и отступили. Спустя некоторое время мы увидели издали вспышку, и услышали грохот взрыва. Еще один германский поезд сошел с рельс.

Вблизи железной дороги располагалось много литовских сел, но среди их жителей не было тех, кто с нами сотрудничал, и потому пришлось целый день скрываться в лесу около небольшого костра. С наступлением вечера мы вышли минировать короткий отрезок узкоколейки, по которой поезда шли только днем и везли, главным образом для немецкой промышленности, сырье, лес и торф. Решили вывести из строя эту колею, чтобы на время вывести ее из действия.

Минирование здесь неопасно, ибо до сих пор не ущерб этой боковой колее не наносили, и тут вообще не было патрулей. На следующий день, когда мы находились в районе Царклишки, до нас дошло сообщение о поезде — локомотиве и четырех

загруженных лесом вагонов — сошедшем с рельс от взрыва на этой колее.

Гвига передал нам листовку, распространяемую от имени германского наместника Литвы генерал — комиссара Фон-Рентлена среди местного населения, датированную 15 сентября 1943 года. В листовке было сказано, что за террористическую деятельность на железной дороге, мостах или других объектах, будет нести ответственность население, проживающее вблизи этих мест, фермы будут сожжены, их хозяева депортированы. Для того, чтобы избежать таких коллективных наказаний, местные жители должны тотчас сообщать о любом террористе или незнакомце, находящемся в округе, или же задерживать таких людей. Население, писалось в листовке, должно для собственного благополучия принимать деятельное участие в войне против грабителей и террористов.

Эта листовка была реакцией на нашу усилившуюся деятельность по подрыву поездов и означала ужесточение немцев по отношению к местному населению. Наше свободное передвижение в сельской местности было возможно, главным образом, благодаря молчанию крестьян, которые видели нас, проходящими по ночам через их села, или натыкались на нас в лесу днем. Большинство предпочитало не доносить немцам, чтобы не быть замешанными в партизанской войне. Они знали, что партизаны не простят им, если они донесут на них немцам, расстреляют доносчиков и сожгут их дома. Политика жесткой руки, объявленная немцами, поставила крестьян между германским молотом и партизанской наковальней. И они немало страдали от обеих сторон.

К концу октября закончилась облава в лесах Кузиан. Взрывчатка у нас кончилась, и мы решили вернуться в лес Ходоцишки чтобы найти там наше соединение. Перед выходом в путь, Федула сообщил нам, что к немц пришла группа из "Вильнюса". В группе был Мотка Бошкениц, который и привел их к Федуле. От бойцов группы мы узнали, что соединение сумело вырваться из кольца облавы в лесах Козиан, кроме одного звена из пяти бойцов, которая которое погибло в схватке с немцами. Соединение находилось в лесу Ходоцишки, недалеко от старой базы. Урбановичус договорился с командиром второго звена, взорвать завод по обработке торфа около Свинцяна перед возвращением в лес Ходоцишки. Это было мое предложение, и Урбановичус принял его. В этой операции мы решили задействовать группу украинцев, которые ждали, пока мы вернемся и приведем их на базу.

Атака на торфяной завод удалась. Три литовских охранника в

помещении около ворот были захвачены врасплох и сдались. Мы взорвали все оборудование завода взрывчаткой, которая была у второй группы и отошли. По дороге в лес Ходоцишки мы вошли в села и разрушили молочные фермы, поставляющие молоко германской армии. В те села, где немцы вооружили для самообороны крестьян, мы воздерживались входить, когда шли группой в пять бойцов. На это раз нас было 20 бойцов вместе с украинцами, и шли мы на базу после выполнения акции, потому опасались попасть в переделку с вооруженной самообороной в селах.

Возвращение на базу всегда было особым радостным событием. Отчет об успешных боевых операциях, чувство, что накопленный за это время партизанский стаж дает тебе чувство, что ты настоящий партизан. Встреча с товарищами, рассказы о событиях на твоем пути и делах соединения в твое отсутствие, — все это превращало возвращение с боевых операций в истинный праздник, который ощущался во всем соединении. Бутылки, которые специально хранились по такому случаю, усиливали праздничное настроение, и песни отзывались эхом на базе до поздних часов ночи.

17. Партизанскими тропами в Нарочь

Придя на базу «Вильнюса», мы нашли бойцов соединения готовящимися покинуть лес Ходоцишки и перейти в леса Нарочь. Штаб литовских партизан принял решение создать два партизанских центра. Один — северный под командованием Шумаускаса, организовать в лесах Нарочь. Действовать он будет в северо-западной части Литвы. Второй центр будет действовать по всей южной Литве под командованием Зимана, создав базу в лесах Рудники, южнее Вильно. Соединение «Вильнюс» перешло под командование северного центра в лесах Нарочь. Еще одним доводом ухода из леса Ходоцишки была приближающаяся зима. Лес Ходоцишки невелик по сравнению с лесами Нарочь, и в нем хозяйничали немцы. Их группы свободно перемещались по селам округи, не встречая никакого сопротивления. Зимой они могли найти базу Вильнюса" по следам на снегу, и в любой миг захватить партизан врасплох. В огромных лесах Нарочь хозяйничали партизаны, и немцы могли туда сунуться, лишь сосредоточив значительные силы. Большие пространства и концентрация войск мгновенно давали о себе знать партизанам. Зона боевых действий «Вильнюса» с базы Нарочь охватывала и Свинцян, и Ново-Свинцян, где мы проводили наши акции из леса Ходоцишки.

Штаб "Вильнюса" решил, что большинство бойцов соединения и штаб перейдут в леса Нарочь, и там заложат новую базу, но три звена выйдут на боевые задания, после выполнения которых, вернутся в леса Нарочь. Я был включен звено под командованием "Папки", местного русского из восточной Литвы. Из-за своего коммунистического прошлого он вынужден был скрываться с начала германской оккупации, и с середины 1942 действовал в лесах, как партизан. Кличка "Папка" была ему присвоена из-за его относительно пожилого возраста.

С двумя минами для подрыва железнодорожной линии мы вышли на задание в начале ноября. От одного из наших связных мы узнали, что в районе Линтопа, несколько дней назад немцы начали вырубать лес вдоль полотна железной дороги Вильно-Двинск. Цель их была создать рядом с железной дорогой полосу в 100 метров, очищенную от деревьев и кустов, с целью лишить прикрытие для партизан, подбирающихся к полотну, чтобы заложить взрывчатку. Немцы приказали местным властям вырубить эти деревья силами населения в считанные недели.

Действие это пришло, как реакция на усиление подрыва поездов партизанами. Ночами мы приближались к цели и осенняя погода нам не мешала. В теплый сезон мы весь день скрывались в лесу из соображений безопасности. Но в ноябрьский холод и дождь сделать это было очень трудно. В тех местах, где были знакомые крестьяне, мы находились днем в их домах. Но вблизи железной дороги население, в большинстве своем литовское, было настроено к нам враждебно. С ними у нас не было сотрудничества. За день до проведения операции мы решили обосноваться в течение дня на отдельно стоящей ферме, хозяев которой не знали. Зашли туда утром, собрали всех членов хозяйской семьи в одной комнате, объявили, что весь день будем находиться у них, и им строго воспрещается покидать дом. Крестьянин и члены его семьи выглядели испуганными. По их словам, они впервые увидели советских партизан, о которых много наслышаны. Хозяин рассказал, что, вместе с тысячью крестьян со всей окрестности, он должен выйти утром рубить деревья вдоль железнодорожной колеи, и будет наказан, если не выйдет на работу. Просьбе его мы, конечно, не вняли. Утром разрешили выйти на конюшню и в коровник, накормить животных. Предупредили его, что если он попытается сбежать и сообщить немцам, он рискует жизнью членов семьи, без всякой связи с тем, что с нами случится. После обеда на ферму наведался сосед-крестьянин. Его мы тоже задержали. Знали, что его задержка вызовет беспокойство в семье, но выхода не было. Мы не могли быть уверенным, что отпущенный домой сосед не сообщит немцам в Ново-Свинцяне или Подбраде о местонахождении партизан. К вечеру прискакал верхом сын соседа, проверить, почему отец не вернулся. Его мы тоже задержали. С наступлением ночи мы оставили ферму, предупредив, что в случае их доноса немцам, партизанская рука их достанет и накажет.

Заложили мину в нескольких километрах северо-западнее Подбраде, и отступили в район Линтопа, где спрятали вторую мину. Спустя несколько дней нам стало известно, что от взрыва локомотив и два передних вагона, сошли с рельс. Результат был разочаровывающим. Немцы замедлили движение поездов в местах действий партизан, разрабатывали различные способы защиты, потому и ущерб при взрывах намного уменьшился, хотя активность партизан увеличилась. Железнодорожная линия Вильно-Двинск в эти дни была главной артерией питающей весь северный фронт, особенно после того, как все другие дороги развезло под осенними ливнями. Немцы не жалели усилий по защите колеи, выработали удачную систему по быстрому

восстановлению разрушенных участков полотна. На всех промежуточных станциях были ремонтные группы, в любой миг готовые приступить к работе. В течение считанных часов линия была готова к движению.

Силы немцев начали прочесывать окрестности Линтопа. Мы перешли в район Царклишки, и там решили переждать 3–4 дня до следующей операции по минированию. Сутки мы скрывались в доме нашего друга Федулы, а в следующий вечер перешли на ферму сына его брата, отдаленную на километр от его фермы. Ферма была далека от всех сел. С одной ее стороны была небольшая роща, с другой — лес. К ужину нам поднесли водку, ребята перебрали, и громкие их голоса разносились до поздней ночи. Несмотря на избыток водки, я в рот не взял ни капли, ибо знал, что в таких ситуациях хотя бы кто-то один из группы должен оставаться трезвым.

Я спал несколько часов, и внезапно проснулся от лая собак. Остальные спали, разомлев от водки. За окном стояли утренние сумерки. Я пошел к дверям — посмотреть, на кого лают псы. Осторожно приоткрыл двери, и передо мной возникла картина, бросившая меня в дрожь. По проселочной дороге через рощу, рядом с домом Федулы, двигались телеги с немецкими солдатами. Первая телега была в 50 метрах от дома, в котором мы находились. Я крикнул: "Ребята, немцы!". Все мгновенно вскочили со сна. Я не успел затянуть пояс с обоймами и гранатами, повесил его на шею. Мину схватил одной рукой, автомат — другой, и побежал к задней двери, обращенной к лесу. Выскочил первым, за мной все остальные. Нам надо было пересечь сто метров открытой местности, до опушки леса. Дом скрывал нас от немцев. В нескольких десятках метров от дома они нас обнаружили, и тоже оторопели от неожиданности. Прошло некоторое время, пока они соскочили с телег и открыли по нам неприцельный огонь. Убегая, мы наткнулись на забор из колючей проволоки, отделявший ферму от леса. Я забросил взрывчатку через забор, и прополз под ним. В метрах тридцати от леса увидел двух всадников, который пытались нас обогнуть и закрыть нам дорогу в лес. Я дал по ним длинную очередь из ППШ. "Папка", который был за мной, тоже открыл по ним огонь. Один из коней упал вместе с всадником, второй соскочил с коня и залёг. К стрельбе против нас из винтовок присоединился пулемет. Сзади раздался крик одного из наших ребят, которого ранило, но не было времени оглянуться. Я вздохнул с облегчением, оказавшись среди деревьев, лежал за грудой срубленных стволов. Один за другим, ко мне присоединилось трое из группы, четвертый остался лежать в поле. Огонь по нам

продолжался, но лес и груда стволов давали нам защиту. Мы заняли позицию с целью обогнуть немцев. Только тогда я почувствовал боль в правой ладони, с которой текла кровь. Пуля задела ладонь. Я стер кровь и перевязал бинтом рану. "Папка" приказал нам дождаться на месте, прикрывая его, и пополз к опушке леса — увидеть, что там происходит и что с нашим товарищем. Огонь по нам продолжался, пули свистели над нашими головами. "Папка" вернулся через несколько минут и сообщил, что тело нашего товарища лежит у заборы из колючей проволоки, и вокруг него стоит несколько литовских солдат, которых всего, по его расчету, 20–30 рассредоточилось у дома и вело огонь по лесу. Протяженность этого леса вглубь составляла, примерно, полтора километра, а за ним открытое поле около двух километров тянулось до большого леса Царклишки. Мы колебались, остаться до ночи в этом леске или попытаться преодолеть поле при свете дня. Мы боялись быть обнаруженными в открытом поле, никто из нас не останется в живых. Решили остаться между деревьями, ибо здесь мы сможем продержаться больше времени, и нанести врагу значительные потери до того, как он нас уничтожит. Углубились в лес, и заняли позицию, чтобы встретить врага. Время тянулось медленно. Стоял светлый осенний день, без дождя. Редкий огонь по лесу продолжался, слышался и с других сторон, но противник в лес не заходил. Мы полагали, что они ждут подкрепления, чтоб прочесать лес.

Я лежал за стволом дерева с автоматом наизготовку, сумка с гранатами была открыта…

Быть может, это последний день и последний бой в моей жизни.

Много мыслей проносилось в моей голове в эти часы — мое детство, семья, товарищи, мечты о стране Израиля. Я словно смотрел фильм моей жизни, который, возможно, приближается к финалу. Вдруг дрожь прошла по всему телу. Я вспомнил, что сегодня 11 ноября, день моего семнадцатилетия. Сдержался, чтобы не сказать об этом моим товарищам вчера. Несомненно, и я бы присоединился к питию в честь моего дня рождения. Кто бы тогда проснулся от лая собак?

Солнце, время от времени проглядывающее в прорехи облаков над верхушками деревьев, начало клонится к закату, и мы несколько приободрились. Если удастся дождаться до темноты, увеличится шанс уйти от немцев. После долгих часов напряжения и ожидания, спустились сумерки, а затем и темнота. Литовцы не осмеливались сунуться в лес, но, несомненно, расставили плотную цепь засад вокруг.

Я взвалил на спину взрывчатку. Мы двинулись в путь. Засады

мы засекали по огонькам сигарет, которые курили литовцы. Дисциплина их была не столь велика. Мы прошли между двумя засадами незамеченными. Начавшийся дождь тоже пришел нам на помощь. После ночного перехода, мы пришли утром в район Линтопа.

Спустя несколько дней мы заминировали железнодорожную колею, и проезд сошел с рельс. Но и на этот раз ущерб был небольшим по сравнению с прежними операциями, в которых я участвовал. И все из-за медленного движения поезда. В районе Линтопа мы встретили второе звено соединения "Вильнюс", которое проникло в Свинцян и взорвало городскую электростанцию. В этом звене был мой товарищ из группы гетто Свинцяна М.Бошкениц. Оба звена, по сути, завершили боевые задания, и вместе вышли в округу Нарочь. Это был наш первый поход туда. Мы должны были по пути миновать городки — Камай, Константинов и Кобыльник, в которых стояли немецкие гарнизоны. Нам предстояло перейти реки, шоссе, узкоколейку, у которых иногда стояли немецкие засады. Путь в Нарочь занял три дня. Время дня пережидали на фермах, двигались ночью. Дороги мы не знали, и потому предпочитали пользоваться помощью проводников вместо ориентирования по карте и компасу. Проводниками были местные крестьяне, которых мы заставляли нас вести, а затем отпускали домой. На третий день перехода пришли к северо-западному краю озера. Поверхность этого озеро протянулось на более, чем сто квадратных километров. Оно было окружено лесами и болотами, между которыми располагались села с малочисленным населением. Вся эта округа была целиком под властью партизан. Приблизившись к озеру, мы встретились партизанскими патрулями полка имени Ворошилова. Они объяснили нам, как попасть в литовский полк. Мы двигались по западному берегу озеру на юг. Странно было пересекать села при свете дня. В этих селах мы встречали множество партизан, и от них узнали, где находится база соединения "Вильнюс". Пройдя расстояние в 25 километров по этой партизанской территории, мы добрались до базы "Вильнюса", которая находилась в нескольких километрах юго-западнее озера.

18. Рассказ моше о судьбе евреев в гетто и в лесу

База «Вильнюса» вплотную примыкала к штабу Шумаускаса. Вместо шалашей, в которых партизаны жили в летние месяцы, была сооружена сеть землянок, наполовину врытых в землю, обшитых бревнами и присыпанных землей. Внутри землянок было тепло, и они придавали лагерю вид постоянного места проживания. Мы доложили штабу о выполненных нами заданиях, после чего были вызваны в землянку Шумаускаса, и провели там с ним вечер за угощениями и выпивкой. Шумаускас не жалел похвалы нашим действиям. Он рассказал нам об увеличении полка «Жальгирис», в котором было уже три батальона.

Позднее я встретился товарищами по группе из Свинцяна. Встреча была взволнованной и грустной. Ребята рассказали мне о гибели двух наших товарищей. Давидка Йохай пал во время атаки отряда имени Чапаева. Когда брат его Борис узнал о его гибели, получил разрешение пойти в Свинцян и привести на базу своего отца Хаима, который прятался у своего друга татарина. Хаим, служивший еще в армии царя Николая в Первую мировую войну, стал партизаном. Он следил за лошадьми и пас скот. Ишика Гермтан погиб недавно, когда он и еще шестеро еврейских партизан были окружены немцами около Линтопа. Ишика сражался до последнего патрона, которым и застрелился, не желая попасть в руки немцев. Это были два самых близких моих друга. Давидка был моего возраста, Ишика немного старше. Это были первые погибшие из первых партизан группы Свинцяна.

В штаб Шамаускаса прибыла группа связных из Рудницких лесов, расположенных южнее Вильно. В этих лесах был создан южный штаб литовских партизан под командованием Зимана, перешедший туда из лесов Нарочь. Среди связных был еврейский парень из Вильно. От него я узнал, что моя сестра Рахиль находится в Рудницких лесах, в отряде еврейских партизан, подчиняющемся Зиману. Рахиль покинула Вильно с группой членов ОПО в день ликвидации гетто, и в течение нескольких дней добралась в лес. Я попросил его передать ей привет по его возвращению в Рудники. Спустя несколько дней я получил день отпуска и вышел вместе с П.Гражолем проведать еврейский лагерь, отдаленный от нашей базы на несколько километров. Мы взяли с собой немного продуктов для лагеря. Спрашивали встречных оттуда, есть ли среди них в лагере евреи из Вильно или Свинцяна. Один из людей указал на небольшой домик, в

котором, по его словам, находится парень из Свинцяна. Я был ужасно рад, встретив там моего товарища из группы Свинцяна Моше Шотана.

Он рассказал нам о событиях после того, как мы расстались на базе отряда имени Чапаева в лесах Козиан более полугода назад, когда с ним вышел наш товарищ Ицхак Форос наладить связь с ОПО в Вильно. Они добрались до Вильно поездом из Ново-Свинцяна и вошли в гетто с группой возвращавшихся с работы. Это было в начале июня. С помощью прежних связей встретились с командиром подполья Ицхаком Витенбергом и передали ему письмо командира отряда имени Чапаева Сидякина, и его просьбу послать вооруженных членов ОПО в лес. Несколько дней позже в гетто прибыли из лесов Нарочь наши товарищи Ишика Гертман и Израиль Вольфсон с таким же посланием от Маркова. Штаб ОПО отверг оба предложения, и объяснил, что цель подполья восстать внутри гетто, и только тода прорваться в леса.

Моше решил организовать группу молодых людей, частью прибывших в гетто Вильно из Свинцяна, и вывести их в лес. Во время подготовки к уходу его арестовали еврейские полицаи, и нашли у него список людей, собирающихся уйти в лес. Всех их арестовали. Моше привели к главе гетто Иакову Гансу, который сообщил ему, что его освобождают. Моше сказал Гансу, что его послал Марков с целью — вывести из гетто в лес группу молодежи. Ганс ответил ему, что все гетто, насчитывающее 20 тысяч жителей, существует за счет сотен или тысяч молодых людей, работающих на предприятиях, важных для германской экономики. Если они покинут гетто, немцы ликвидируют его, расстреляют всех оставшихся — мужчин, женщин и детей. Цель же Ганса спасти население гетто. Война приближается к завершению, поражение немцев несомненно, и его, Ганса, главная проблема, чтобы гетто существовало до прихода победы. История будет судить его и его политику. Ганс добавил, что он заинтересован в том, чтобы в гетто была вооруженная молодежь. И если немцы решат его уничтожить, молодежь сможет оказать сопротивление, и тогда он сам встанет во главе восстания. Моше сказал, что сообщит Маркову о решении Ганса не давать разрешение молодежи на уход в лес из гетто. Ганс не хотел выглядеть в глазах партизан как тот, кто запрещает им покинуть гетто и воевать против немцев, потому в конце беседы согласился с уходом в лес жителей Свинцяна и других городков, которые находились в Вильно. Они, по мнению Ганса, считались обузой. Большинство из них не работало, часть была арестована за ношение оружия или в момент его приобретения, и он, очевидно, хотел избавиться от них и той опасности, которую они несут

гетто. Ганс приказал освободить всех арестованных, отмеченных в списке Моше, и в середине июня 25 молодых людей из гетто ушли в леса Нарочь.

Придя в лес, Моше и Ишика доложили Маркову, что кроме подполья в гетто Вильно, существует коммунистическое нееврейское подполье, в нем группа литовцев и поляков, и ОПО связано с ним и поддерживает его. Они принесли Маркову газеты, напечатанные в подпольной типографии, которую ОПО создало за пределами гетто. В этой типографии нееврейское подполье тоже может печатать листовки. Марков снова послал обоих в Вильно с новым обращением к ОПО — слать в лес вооруженных мужчин. Он также дал Моше и Ишике задание передать обращение к коммунистическому подполью с просьбой направить в лес представителей, чтобы наладить связь.

Ребята пришли в гетто Вильно спустя несколько дней после того, как глава ОПО Ицхак Витенберг был арестован гестапо и покончил собой в камере. Гестаповцы напали на след Витенберга после того, как в их руки попали члены литовского городского подпольного коммунистического комитета, среди них и мой знакомый Козловский, которого я искал в Свинцяне, по заданию соединения "Жальгирис". Во время следствия всплыло имя Витенберга, который тоже был членом этого комитета вдобавок к командованию ОПО. Во время ареста Витенберга были столкновения между еврейской полицией и людьми ОПО, которые оказали сопротивление аресту своего командира. После ареста Витенбега и его самоубийства, изменилась позиция ОПО по отношению к уходу в лес. Штаб ОПО решил, что, не отказываясь от идеи восстания в гетто, желательно создать также партизанскую базу в лесах и послать туда группу членов ОПО. Группа из 21 человека под командованием Иосифа Глазмана покинула гетто в конце июля. Глазман был одним из основателей ОПО. Некоторое время он исполнял обязанности заместителя начальника полиции в гетто Вильно. Проводником группы был Ишика Гертман. Группа наткнулась на засаду немцев, и девять членов группы погибли. Глазман и остальные сумели добраться до лесов Нарочь. Немцы опознали убитых, вывели из гетто членов их семей и расстреляли в Понарах. Моше покинул гетто чуть позднее с еще одной группой молодежи из бывшего гетто Свинцяна и гетто Вильно. Они благополучно добрались до лесов Нарочь.

Моше и вся группа присоединились к еврейскому партизанскому соединению "Месть", которое было создано в полку Маркова по инициативе Иосифа Глазмана. Он хотел создать большое еврейское соединение, в которое войдут люди

ОПО из Вильно и евреи из других отрядов. Командовал соединением литовский еврей, который прибыл из Советского Союза вместе с Юргисом. Начальником штаба был назначен Глазман. При создании соединение "Месть" насчитывало семьдесят бойцов, но до конца сентября увеличилось до 250. Все были евреи. Соединение приняло участие в боевой операции полка имени Ворошилова — атаке на хорошо укрепленный городок Мяджол. Семь недель действовало соединение "Месть", пока не было расформировано Марковым и Климовым.

Секретарь уездного комитета коммунистической партии Климов считался высшим партийным начальством в лесах Нарочь. Он принципиально был против отдельного еврейского соединения. Советское партизанское движение было организовано на территориальной основе советских республик, а не на национальной основе. Вражда, которую испытывали еврейские партизаны со стороны нееврейских партизан, антисемитизм, который не миновал и командиров, несомненно, содействовал этому решению. Климов приказал Маркову расформировать еврейское соединение "Месть".

23 сентября 1943 батальон был вызван на построение, и Марков объявил, что еврейское соединение будет расформировано. Он объяснил это тем, что в соединении находятся бойцы, не прошедшие военную подготовку и не умеющие владеть оружием. В то же время в других отрядах, обладающие военным опытом партизаны, лишены оружия. Он же, как командир, должен заботиться о том, чтобы оружие находилось в руках опытных бойцов, и поэтому отдает приказ изъять часть оружия, главным образом, у женщин. Часть партизан соединения перейдет в его полк, остальные будут сформированы в "вспомогательный отряд" полка. Марков не коснулся в своей речи проблемы существования еврейского соединения, и, само собой понятно, не упомянул, как фактор — антисемитизм.

Моше описал шок и ощущение беспомощности бойцов и его самого после этого сообщения, но нельзя было не выполнять приказ командира. После этого часть вооруженных бойцов была придана батальону "Комсомольский", а у остальных бойцов, составлявших большинство, оружие было отобрано. Все они, и в том числе Моше, были организованы во "вспомогательный отряд" по техническому обслуживанию подразделений полка. В руках они осталось немного оружия для самообороны и добывания продуктов.

Соединение "Месть" было расформировано за считанные дни до большой немецкой облавы в лесах Нарочь. Партизаны начали покидать эту территорию до того, как немцы окружили кольцом

леса Нарочь.

Около двухсот бойцов бывшего соединения "Месть", в том числе и Моше, пытались присоединиться к батальону "Комсомольский", частично вооруженному оружием, которое отобрали у евреев. Они просили о присоединении командира батальона Шауловича. Но он не разрешил. Когда же они попытались идти по следам батальона, в их сторону раздались предупреждающие выстрелы. Им было приказаны перевести раненых вместе с партизанским госпиталем в район болот, а затем оставить их. В конце концов, им удалось найти убежище в болотах, что их и спасло от облавы. Более ста человек из "еврейских лагерей" было уничтожено во время облавы, среди них моя двоюродная сестра Хая-Эсфирь Рудницкая, сбежавшая в леса из гетто Вильно.

Глазман с 35 еврейскими бойцами, которые после расформирования "Мести" перешли в литовское соединение под командованием Зимана, недавно пришедшее в Нарочь, погибли в облаве на пути из лесов Нарочь в леса Козиан.

Моше описал нам безотрадную картину положения евреев в лесах Нарочь, их мучение после облавы, злонамеренность части советских партизан по отношению к евреям, спасшимся от облавы. Позднее, с реорганизацией полка имени Ворошилова и усилением дисциплины, положение евреев в лесу улучшилось, но расформирование "Мести", изъятие оружия и отношение партизан к евреям во время облавы и после нее, оставили тяжкое впечатление в душах оставшихся в живых евреев в лесу.

Лес — надежда на спасение тысяч евреев гетто, не обернулся к ним человеческим лицом, и там евреи вынуждены были бороться за свое существование с враждебными силами своих соседей.

19. Партизанская зима

Снег начал падать в начале декабря, и в течение нескольких дней все вокруг покрылось белым, — лес, дороги, поля и села. Наша база обрела новый, белый и блестящий вид, словно была выкрашена заново. К зиме мы готовились заблаговременно. Землянки покрыли новым слоем земли и срубленными деревьями. Внутри было жарко до духоты. Одежда наша подходила к зимней погоде. Ее мы добыли себе в разных «экономических акциях», как дополнение к продуктам. У товарищей, участвовавших во многих акциях по всей территории, в крестьянских домах и фермах, одежды были получше. Партизан обязан сам о себе заботиться. Я носил добротные сапоги, «реквизированные» мной на ферме около Ново-Свинцяна. Легкая длинная шуба добыта была мной в селе, в районе Ходоцишки, и круглую меховую кубанку я достал у партизан полка имени Ворошилова в обмен на десять патронов к автомату ППШ, которых у нас было вдоволь, а в полку не хватало. Был у меня также белый, с как снег, маскхалат, которые мы шили из ткани парашютов, собранных после десантирования грузов.

Штаб "Вильнюса" готовил припасы к зиме. Спустя несколько дней после возвращения на базу, мы вышли, 30 партизан на "экономическую акцию" в большое литовское село на расстоянии 25 километров от партизанского района, недалеко от городка Константинов. В более близких селах уже не было, что брать. Множество партизан в округе Нарочь постепенно опустошило их, забирая запасы продуктов и скот. Трудности с добычей съестного усиливались, и "экономические акции" участились в связи увеличившейся боевой активностью партизан, которая требовала больших сил. Но из-за этих экономических акций уменьшилось число участников в боевых действиях. Немцы, после облавы, укрепили гарнизоны в городках вокруг партизанской территории. В городке Ольшево было расквартировано 250 латвийских бойцов, добровольно пошедших на службу к немцам, присланных на усиление местной полиции и проявивших большую активность в ночных засадах.

Дорогу к "экономической цели" мы проделывали пешком, назад возвращались на санях, взятых в селе. Реки еще не замерзли, и надо было пересечь мост у села Ширмиш. Там мы часто натыкались на засады. Когда передние сани приблизились к мосту, по ним открыли сильный огонь. Двое наших товарищей, хозяин саней и конь были убиты. Если бы засада пропустила первые сани, она уничтожила бы всю партизанскую колонну. Мы

быстро организовали сопротивление. Восемь саней с хозяевами, в сопровождении, двух партизан отошли назад и отдалились от места. Мы открыли сильнейший огонь из автоматов по засаде. Отделение латвийцев убралось восвояси, и дальнейший путь на базу был свободным. На следующий день мы похоронили двух наших погибших товарищей на берегу озера.

Мы решили преподать урок латвийцам в Ольшево и охладить их воинственный пыл. Мы уже видели новое германское войсковое подразделение, с большой самоуверенностью и пылом стремящееся к действию. Но после получения нескольких чувствительных ударов, оно укрылось в укреплении городка, довольное, что его оставили в покое. Латвийцы из Ольшево также мешали нашим оперативным действиям в районе Свинцяна, и необходимо было полностью пресечь их действия как можно скорее. Для нападения на укрепленный городок требовалась большая сила, и существовала опасность немалых потерь. Потому необходимо было завлечь латвийцев в нашу засаду. Сделали мы это в оригинальном партизанском стиле. Три партизана из нашего отряда с ярко выраженной еврейской внешностью, зашли в село, отдаленное на 3 километра от Ольшево. Двигаясь от дома к дому, они с большим шумом отбирали у хозяев продукты и зимнюю одежду. Между собой они громко говорили на идиш. Оставшиеся в лесу 20 бойцов устроили засаду в роще между этим село и Ольшево, примерно, в полутора километрах от городка. Доносчики полиции Ольшево были во всех окружающих селах. По нашим расчетам, при виде евреев они, несомненно, тут же побегут в Ольшево — сообщить о партизанах в селе. Мы рассредоточились на участке в семьдесят метров вдоль дороги, в полутора километрах от городка, на небольшом бугре, выставили три пулемета "Дегтярёв", встретить достойно противника, который появится из Ольшево. Через некоторое время появился из села всадник, направлявшийся в Ольшево, проскакал мимо, никого из нас не заметив. За ним возникли еще двое, которым мы тоже дали пройти. Спустя полчаса из городка появилась колонна латвийцев, частью верхом, частью на санях. Я видел их приближающимися к нам, ибо был в передовом звене. Мы дали им проехать мимо. По плану пулеметы должны были открыть огонь, когда большая часть колоны будет в зоне огня из засады. Операция прошла точно по плану. Первым же залпом было поражено много латвийцев, оставшиеся в живых сбежали. Десять из них остались лежать мертвыми на дороге и в поле, раненые сумели скрыться. Наша группа в засаде была относительно мала по сравнению с латвийским подразделением, но мы все были вооружены автоматическим оружием — пулеметами и

автоматами — сила нашего огня была огромной. Большинство же латвийцев было вооружено обычными винтовками. После такого разгрома латвийцы закрылись в городке, и их действия вне укреплений почти прекратились.

С началом зимнего наступления советской армии на всех фронтах, верховный штаб советского партизанского движения опубликовал приказ 16 декабря 1943, усилить боевые действия по выведению из строя железных дорог, являющихся главными артериями, питающими восточный фронт немцев. Сеть разбитых дорог на оккупированных территориях, погода, большие расстояния и боевые действия партизан почти совсем вывели из строя другие пути. Операция получила название "Зимний концерт", и целью ее было полностью отключить германские войска от источников постоянной тыловой поддержки. На выполнение этого приказа были брошены все силы литовского партизанского движения и, в том числе, соединения "Вильнюс" — с целью вывести из строя железнодорожную ветку Вильно-Двинск. Советские войска готовились прорвать блокаду Ленинграда, и эта колея была главным источником снабжения германских войск на этом фронте.

К концу декабря мы снова вышли на минирование этой железнодорожной линии, и нам было дано задание взорвать ее во многих местах, насколько это возможно, малыми зарядами взрывчатки, нанести ущерб самой колее и мостам, более, чем самим поездам, чтобы нарушить всё движение. Со мной в группе был Борис Йохай, на счету которого было шесть взорванных поездов. Командиром был Урбановичус, с которым я действовал в прошлом. На этот раз мы приблизились к железной дороге на двух санях, взятых в дальнем селе. Сани оставили в километре от колеи, и пошли к ней пешком. Немцы усилили охрану. Через каждые 600 метров пути сидели в бункере солдаты, кроме охраны, патрулирующей вдоль железнодорожной колеи. И несмотря на все это. Мы решили подорвать поезд вместе с полотном. Нам удалось заложить мину, и не успели мы удалиться на 200 метров, как услышали взрыв. Через несколько дней нам стало известно, что ущерб был, по сути, нулевым. Кроме замедления движения поездов, немцы начали ставить перед локомотивом два вагона, нагруженных песком и камнями. При взрыве с рельс сходили два этих вагона, а локомотив оставался невредимым. Следовало искать выход из создавшегося положения, найти новые способы подрыва поездов.

Урбановичус решил вводить в действие заложенную мину при помощи дистанционного электрического взрывателя. Его не было с нами, и мне вместе с Ванюшкой Курским было дано

задание — вернуться в леса Нарочь, и привезти необходимое оборудование. Остальные члены звена ждали нас поблизости от Линтопа.

Мы выехали на легких санях, рассчитывая за одну ночь добраться до района Нарочь. Ночи были длинными, в нашем распоряжении были 13–14 часов темноты. На рассвете мы еще были в десяти километрах от территории, которая была под контролем партизан. Решили продолжать путь при свете дня, несмотря на опасность, но и остановиться в пути тоже было опасно. Мы благополучно добрались до базы.

После двух суток пребывания на базе, мы направились в обратный путь, везя электрические взрыватели, батареи, электрический и бикфордов шнуры, и еще два заряда взрывчатки. Покинули базу после полудня, чтобы проехать территорию, контролируемую партизанами, при свете дня, и добраться к нашим товарищам в Линтопе в течение ночи. Ехали мы быстро и поздно вечером приблизились к главной дороге Константинов-Камай. Поднялись на дорогу, по которой надо было преодолеть два километра и снова съехать на боковую проселочную дорогу, идущую в Линтоп. Из-за густого снега, падающего в последние дни, на дороге была лишь одна проложенная колея для саней. Ночь была темной, видимость была всего на несколько метров. Внезапно наши сани остановились. Я соскочил в снег и увидел, что на той же колее напротив нас стоят сани. Две лошади стояли друг против друга. Я взвел автомат и крикнул по-русски: "Стой! Кто там?!" На фоне белого снега выделялись фигуры, которые соскочили с саней и залегли. Я крикнул: "Поднять руки и двигаться ко мне!" Фигуры встали одна за другой и двинулись ко мне. Передо мной стояло пять литовских полицаев в черных своих мундирах, очевидно, не различивших, что нас только двое, и подумавших, что наткнулись на большой партизанский отряд, Я приказал им лечь рядом друг с другом, лицом в снег, чтобы они не видели, что нас всего двое. Стоял с автоматом наизготовку, а Ванюшка Курский переходил от одного полицая к другому, собрал пять винтовок, гранаты, снял поясные ремни.

Полицаи ехали в двух больших санях, в которых лежали большие запакованные тюки с неизвестным грузом. Мы решили вернуться с пленными на базу, развернулись, уложили всех пятерых на одну из саней, привязали одного к другому поясами, сняли с них обувь, чтобы лишить их возможности сбежать. Дорога назад была более медленной. Но, к утру, мы уже были на партизанской территории, и там вздохнули с облегчением.

На базе удостоились похвал со всех сторон. Полицаев допросили. Четверо были молодыми парнями, которые пошли в

полицию, чтобы не быть посланными на работу в Германию. Пятый был старше, и много лет служил в полиции независимой Литвы.

В санях полицаев был обнаружен большой запас сигарет, предназначенных для солдат в Камае, и деньги на их заработную плату. Полицаи признались, что не могли себе представить в это время партизан, едущих по главной дороге.

Через месяц, вернувшись на базу, я обнаружил, что четверо молодых парней-полицаев стали партизанами, — один в соединении "Вильнюс", остальные в других отрядах. Пятый, полицейский в прошлом, был расстрелян, ибо штаб не поверил в его показания, а партизаны пленных не держали.

Перед нашим выездом из базы, пришло сообщение из Москвы о большом наступлении советской армии на Ленинградском фронте, снявшем с Ленинграда блокаду, длившуюся более полутора лет, освобожден Новгород, и советские войска достигли границы Эстонии. Такое положение на ближайшем к нам фронте требует усиления во много раз нашей активности по выведению из строя железнодорожной линии Вильно-Двинск, и это особенно подчеркнул, напутствуя меня в путь, комиссар соединения "Вильнюс". В ближайшие дни готовились выйти в район наших боевых действий и другие группы соединения. Мы согласовали места встречи с ними в районе леса Ходоцишки, двинулись в путь и благополучно добрались до ожидавших нас товарищей. Оборудование и взрывчатка, которые мы привезли с базы, давали нам возможность для длительных боевых действий в округе. Все наши усилия направлены были на выведение из строя железнодорожной линии. Между операциями мы находили убежище для отдыха в районе Ходоцишки — Линтоп — Царклишки, где у нас были десятки знакомых крестьян, у которых могли скрываться до следующей акции.

Победы советской армии на фронте изменили отношение литовского населения к советским партизанам. Литовцам было ясно, что Германия проигрывает войну, и многие из них искали сотрудничества с нами, чтобы получить выгоду, когда вернется советская власть. Часть из них пыталась таким образом расплатиться за грехи сотрудничества с немцами, за участие в расстрелах евреев и грабеж их имущества в течение всего времени, когда Германия побеждала.

Мы действовали в округе до конца февраля. За это время пустили под откос 3 поезда севернее и южнее Ново-Свинцяна. Два из них были взорваны с помощью дистанционного электрического взрывателя с расстояния в сто метров от колеи. Третий мы спустили под откос при помощи пехотной мины, но взрывчатку

заложили отдельно, соединив их бикфордовым шнуром. Таким образом, пехотная мина взрывалась под давлением колес вагона, катящегося впереди локомотива, взрывчатка же вступала в действие под локомотивом. Вместе с еще одним присоединившимся к нам звеном мы вышли на операцию: взорвать железнодорожный мост над речкой у Подбраде. Его усиленно охраняли из бункеров по обе стороны речки и оградой из колючей проволоки. На расстоянии ста метров от моста нас обнаружили. Весь участок осветился ракетами, по нам открыли сильнейший огонь. Мы отступили, не выполнив задания.

В конце февраля крестьянин, в доме которого мы находились, рассказал нам, что в соседней ферме находятся четверо пленных русских, двое мужчин и две женщины, желающие присоединиться к партизанам. Хозяин запряг лошадь в сани и повез нас, Урбановичуса и меня, поговорить с пленными. Они были в возрасте 20–24 лет. Выяснилось, что все четверо находились в лагере военнопленных около Шауляя. Лагеря мужчин и женщин граничили друг с другом, и так, связавшись, они совершили побег. Им удалось добраться на поезде до Свинцяна, а оттуда они пешком пришли на ферму. Мы взяли их с собой на базу. Один из них, Юрка, в прошлом был актером. Днем, на разных фермах, где мы останавливались, он развлекал нас и хозяев своими выступлениями. С приходом на базу все четверо были приняты в соединение "Вильнюс"

В середине марта мы снова вышли на операцию. Командиром звена был назначен мой друг Борис Йохай. Среди пяти бойцов звена был и Юрка-актер. После недели боевых действий, включая минирование железнодорожной линии, мы вернулись на базу. Войдя в первое село, в партизанской зоне, я встретил десять партизан из нашего соединения, направлявшихся на боевое задание под командованием комиссара, который отозвал меня в сторону, и сказал, что трое пришедших с Юркой арестованы и обвиняются в том, что подосланы немцами с целью шпионажа и покушения на командование партизан. Юрка тоже подозревается в шпионаже. Я был удивлен, и ответил комиссару, что это, по всей видимости, ошибка. Юрка с нами находится больше двух недель. Во время минирования у него было немало возможностей всех нас уничтожить, уйти к немцам, предотвратить взрыв поезда. Комиссар ответил сердито, что я еще достаточно молод, и не понимаю способов маскировки действия шпионов. Он приказал мне держать весь наш разговор в секрете, и возложил на меня ответственность — следить за тем, чтобы Юрка не сбежал по дороге на базу.

Я рассказал об этом Борису и товарищам, за исключением

Юрки. Мы пришли к согласию, что с приходом на базу все вместе обратимся к командиру соединения, свидетельствуя в пользу Юрки, расскажем о его поведении во время операции. Юрке мы рассказали об аресте его товарищей по плену, уже приблизившись к базе. Несмотря на то, что я не верил в его вину, я поставил пистолет наизготовку на случай, если он попытается сбежать. На базе мы доложили в штабе о выполнении задания. После доклада комиссар освободил нас, приказав Юрке остаться. Мы остались в стойке смирно, и я осмелился сказать, что нам известно от комиссара, о чем речь, и мы все уверены, что Юрка не шпион. Я отметил мужественное поведение Юрки по время операции. Афибала выслушал меня, и затем резко приказал: "Немедленно уходите!" Мы вышли, Юрка остался. Спустя час мы, четверо, были вызваны в штабную землянку, и начальник штаба объявил нам, что мы выходим в недельный отпуск в село, находящееся в партизанской зоне, там отдохнем и развлечемся. Так как в партизанской зоне нам запрещено брать продукты у крестьян, мы получили целый парашют, за ткань которого каждый крестьянин согласится содержать всех четырех. Крестьяне нуждались в парашютной ткани для того, чтобы шить из нее одежду, а из веревок сооружали сети для ловли рыбы в озере Нарочь. Неделя в партизанском селе пролетела быстро в развлечениях и питии. Вернулись на базу с большим количеством выпивки, и устроили вечером веселое застолье для всего отряда. Не помню, когда я заснул, но проснулся рано утром от нескольких выстрелов, донесшихся с окраины базы. Выйдя из землянки, я увидел трех партизан, возвращавшихся в землянки с пистолетами в руках. На снежной тропинке, вьющейся между деревьями, в пятидесяти шагах от землянки, валялись трупы Юрки и одной из пришедших с ним женщин. Их тела и кровь хорошо были видны на белом фоне снега. На следующий день нам рассказали, в чем эти двое были обвинены.

Находясь в плену, они согласились сотрудничать с немцами. Их послали на особый курс подготовки вместе с другими пленными, а затем перевели в лагерь военнопленных под Шауляем, смешав с другими пленными. Они инсценировали "побег" оттуда, прихватив для прикрытия еще двух пленных, не знавших о сотрудничестве этих двух с немцами и о том, что побег их инсценирован. Шпионы должны были присоединиться к партизанам, собрать сведения о них, об их базах, командирах, боевых действиях, и передать все это немцам. Им также было приказано отравить высшее командование партизан. Раскрыли их в соединении "Вильнюс" случайно. Из шпионской группы Юрки некоторые пришли в полк имени Ворошилова. Там они были

"раскрыты" и описали "портреты" других из группы. Так были обнаружены шпионы и в нашем соединении. Двое пришедших с Юркой ничего не знали о своих спутниках, и продолжали сражаться в рядах соединения "Вильнюс".

В конце марта великое волнение охватило базу. Наше звено из 5 бойцов, одевшись в крестьянские одежды, в середине дня вошло в Свинцян и застрелило германского губернатора округа Фрица Олия и его заместителя Хайдмана в их домах. Звено без всякого сопротивления со стороны немцев покинуло место на двух санях, на которых приехало. Эта операция не имела военного значения, но произвела невероятное по силе пропагандистское впечатление на местное население.

Шмерка Кочергинский, идишский писатель из Вильно, прибыл в соединение "Вильнюс", чтобы написать книгу о мужественных действиях партизан. Афибала приказал мне рассказать ему о некоторых наших операциях, в которых я участвовал. Целый день я рассказывал ему о всех событиях моей жизни с начала войны и до дня нашей встречи с ним. Шмерка был под большим впечатлением от моего рассказа и сказал, что внесет его в свою книгу, которая вышла в свет после победы. Шмерка сдержал свое слово. В книге "Партизанские будни", опубликованной в Москве в 1946 моему рассказу посвящена глава "Мое любимое" (Майн либлинг).

Последней зимней операцией, в которой я участвовал, была акция возмездия против большого литовского села Гирдан, на дороге между Ходоцишки и Свинцяном. Жители села организовали группу самообороны и получили оружие от немцев. По пути на наши акции мы огибали село, чтобы не наткнуться на вооруженных людей. В феврале подразделение "Вильнюса" пыталось войти в село за продуктами. Жители открыли по нему огонь и убили двух партизан. Штаб соединения решил отомстить. Мы вышли, 20 партизан, на операцию возмездия, которая послужит предостережением другим селам. Ворвались в село с двух сторон. После слабого сопротивления, защитники сбежали. Мы вывели жителей из части домов района, где были убиты наши товарищи, дома подожгли. Из этого села больше не открывали огонь по партизанам.

На обратном пути с этой операции возмездия мы наткнулись на первые признаки окончания зимы и прихода весны. На некоторых участках дороги трудно было проехать на санях из-за таяния снегов. Период таяния длился с конца марта до середины апреля и был один из самых трудных для передвижения. На санях уже невозможно было двигаться по глубокой грязи на проселочных дорогах, а на телегах еще невозможно это сделать.

Пешком же приходилось идти медленно и с трудом. Большие пространства были затоплены растаявшим снегом, все русла превратились в бурные потоки, которые трудно было пересечь. В эти дни партизанские действия велись с большим трудом. Мы сидели на базе и готовились к большим партизанским действиям весной. Я узнал, что мой двоюродный брат Иоська Рудницкий, семнадцати лет, из группы Свинцяна, который был бойцом одного из отрядов нашего полка, пал в бою с немцами, окружившими их во время операции. Иоська был ранен, но продолжал сражаться несколько часов, прикрывая отступление товарищей, пока не погиб.

20. В борьбе против «белополяков»

С началом 1944 новый военный фактор появился в западных районах Белоруссии и в округе Вильно, и продвигались эти военные силы на север и на запад. Это были подразделения польских партизан «Армии Крайовой», подчиняющиеся польскому правительству в изгнании, находящемуся в Лондоне. «Армия Крайова», польское войско в оккупированной Польше, насчитывало в своих рядах, в начале 1944, более ста тысяч мобилизованных бойцов, организованных в дивизии, полки и батальоны, и еще двести тысяч не мобилизованных бойцов, которых мы называли "белополяками, чтобы отличить их от просоветских польских подразделений. Возникновение войск «Армии Крайовой» на западной территории Белоруссии и округе Вильно было связано с конфликтом Советского Союза с польским правительством в Лондоне в отношении границ между ними после победы над нацистской Германией. Поляки требовали присоединения западной Белоруссии и западной Украины к Польше, как это было до Второй мировой войны. Советы же считали эти территории частью Советского Союза, которые Польша удерживала незаконно, согласно пакту о мире после Первой мировой войны.

С приближением советских войск к довоенным границам Польши, "Армия Крайова", по приказу польского правительства из Лондона, послала свои войска в спорные районы, чтобы, после отступления оттуда немцев, советская армия нашла на местах польскую военную администрацию, установившую свою власть над этой территорией от имени своего правительства. Это было известно Советам, и они усилили партизан на этой территории соединениями, действовавшими раньше в восточной Белоруссии, и так велась в тылу немцев открытая и скрытая война между советскими партизанами и Армией Крайовой, действия которой против немцев были сведены до минимума.

В районе наших действий, севернее Вильно и вокруг Свинцяна, подразделения армии Крайовой впервые появились в феврале-марте 1944.

Сталкиваться с ними было гораздо труднее, чем с немцами, в войне с которыми мы выработали определенные способы. Немцы действовали, в основном, в городах, местечках и вдоль дорог. О появлении больших контигентов германских войск вне этих районов мы обычно получали предупреждение, и могли во время уйти от столкновения с ними. В отличие от этого "белополяки", как и мы, двигались по сельской местности и городкам ночью и

втайне. На них мы могли натолкнуться неожиданно, и в лесу, и при входе в село, и при ночных переходах по проселочным дорогам или тропам. Более того, поляки действовали отрядами в сто бойцов, в то время, как у нас были небольшие группы, и их преимущество над нами было при любом столкновении. В двух таких столкновениях партизан соединения "Вильнюс" с поляками погибло целое наше звено, пятеро партизан, в первой стычке, и двое — во второй. Трое партизан сумели спастись.

Первого марта 1944 поляки в составе около ста бойцов окружили литовское партизанское подразделение имени "Кастуся Калиновскаса", из состава нашего полка, насчитывающее 50 бойцов. Это случилось у села Меирони, в районе Подброджж. Бой продолжался несколько часов. Погибла половина партизан, включая командира, остальным с трудом удалось прорвать кольцо и отступить. Поляки застрелили раненых, оставшихся на поле боя. Среди убитых были евреи, процент которых в подразделении был высок.

В армии Крайовой свирепствовал сильнейший антисемитизм, особенно в подразделениях, действовавших на востоке. К обычному застарелому антисемитизму добавлялись политические доводы, согласно которым евреи поддерживают Советы в их борьбе за будущее этих территорий. В сельской местности и городках, где обосновались белополяки, они уничтожили евреев, которые скрывались в "семейных лагерях" или у крестьян. Сотни евреев погибли от их рук в этих местах.

Действуя в феврале и марте, мы слышали о белополяках, находящихся вблизи тех мест, где мы проходили, но натолкнулись на них впервые при выполнении боевого задания нашей группой в конце апреля. Готовясь к минированию железнодорожной линии, мы днем скрывались в роще, юго-восточнее Свинцяна. Под вечер вошли в ближайшую ферму поужинать. Хозяйка была полькой, с ней в доме находились две ее дочери. Женщины выглядели весьма обескураженными нашим появлением, но это нам казалось обычным их поведением. Мы беседовали с дочерьми, мать готовила ужин. Вдруг открылась дверь, и в комнату вошел молодой человек в польском мундире, четырехугольном военной фуражке — конфедератке и погонах лейтенанта на плечах. На его офицерском поясе висел пистолет. Последний раз я видел такую форму в дни падения Варшавы в 1939. Появление его было настолько неожиданным, что все мы, молча, застыли на своих местах. Поляк, пораженный не меньше, чем мы, быстро пришел в себя, пожал каждому из нас руку и пошел к выходу. Я направил на него автомат и приказал остановиться. Мы отобрали у него пистолет, и после короткого

допроса выяснилось, что он сын хозяйки. Как поляк и бывший офицер, он присоединился несколько месяцев назад к армии Крайовой. Его часть, насчитывающая 300 бойцов, квартировала в селе, в километре от фермы, и он наведывался каждый день к матери и сестрам. Члены семьи знали о его приходе и потому выглядели обескураженными при нашем появлении. Командир нашего звена лейтенант Семенов решил покинуть дом, ибо существовала опасность появления белополяков. Мы покинули ферму, не поужинав, и прихватив с собой польского офицера.

На следующий день мы учинили ему допрос по поводу армии Крайовой и тех, кто с ней сотрудничает в округе. Вначале поляк молчал, но товарищи из нашего звена не обошлись с ним в шелковых перчатках, он сломался и рассказал о деятельности его части. Выяснилось, что она окружила и нанесла большие потери нашему подразделению имени "Кастуся Калиновскаса". После нескольких часов допроса бойцы звена его расстреляли. Его мольба о пощаде не помогла. Мы не могли взять его с собой и не хотели освободить. Семенов решил, что это достойный ответ на убийство наших товарищей белополяками.

Через неделю мы снова наткнулись на белополяков. При отходе от заминированного нами железнодорожного полотна южнее Свинцяна, встретили у одного из сел большое польское воинское подразделение, включая кавалеристов, около двадцати телег и много пехотинцев, движущееся по проселочной дороге нам навстречу. Мы увидели их первыми и скрытно залегли недалеко от дороги, пока они нас не миновали. Мы поспешили ретироваться в направлении Линтопа, ибо там шансы наткнуться на поляков были невелики из-за малочисленного польского населения. Белополяки пользовались поддержкой этого населения, и действовали в районах его проживания.

Появление значительных сил белополяков в зоне действия соединения "Вильнюс" затрудняло действия наших небольших групп против железнодорожной линии Вильнюс-Двинск, являющейся главной нашей целью. Чтобы продолжить эту деятельность, которой придавалась высшая важность, и не оставить район в руках поляков, было решено, что "Вильнюс" со всеми своими 150 бойцами оставит базу в районе Нарочь. Он сконцентрирует все свои силы в районе Линтоп — Ходоцишки — Свинцян, действуя большими группами против железной дороги, а при встрече с поляками даст им достойный отпор. Параллельно с этим руководство партизанского движения западной Белоруссии вело переговоры с командованием польских войск, чтобы прекратить столкновения и сотрудничать в борьбе против немцев. На верхах по этому поводу достигли соглашения, но на

территориях столкновения продолжались все время.

При всех трудностях, которые причинили нам белополяки, общее соотношение сил в западной Белоруссии было в пользу советских партизан. Число их постоянно росло с прибытием подразделений из восточной Белоруссии, которые двигались на запад с продвижением фронта в том же направлении, и с усилившейся мобилизацией местного населения, которых заставляло делать этот шаг приближение советской армии. Увеличился приток оружия, сбрасываемого с самолетов, улучшилось качество оружия и боеприпасов, намного превышая оружие, находящееся в руках белополяков. Вместе с партизанскими соединениями восточной Белоруссии мы предотвратили распространение поляков на север и восток, и они вынуждены были сократить свою деятельность в районе Вильно. Но все время они нам мешали до нашего воссоединения с советской армией.

21. Освобождение Семенова из германского плена

Поражения германской армии на всех фронтах и огромные потери в живой силе привели к усиленному давлению со стороны на националистическое руководство Литвы с требованием мобилизовать десятки тысяч литовцев в силы безопасности Германии. Еще весной 1943 немцы пытались создать литовский легион, но попытки эти провалились из-за нежелания литовцев провести такую мобилизацию без обязательства германской стороны дать независимость Литве или хотя бы дать ощутимые гарантии в будущем такой независимости. С приближением фронта к границам Литвы зимой 1943–1944 возобновились усилия по мобилизации литовцев в германскую армию. Немцы хотели мобилизовать 50–60 тысяч солдат, которые будут резервом и вторым эшелоном северному германскому фронту, и освободят германские дивизии, ведущие в тылу войну против партизан.

Командующим этих войск был назначен литовский генерал Плихавицюс, из фашистского движения в независимой Литве. Солдатам было обещано, что действовать они будут только внутри Литвы. Восемь тысяч литовцев мобилизовалось в войско Плихавицюса в первые месяцы 1944. Они были организованы в батальоны, и в большинстве своем сконцентрированы в восточной Литве — вести войну с партизанами, нести охраны путей сообщения и воинских складов. Мораль в этих частях была низкой, и в свете непрекращающихся поражений немцев, часть подразделений этого войска склонялась к переходу к партизанам. По этому вопросу шли переговоры между командованием советско-литовскими партизанского движения и командирами подразделений Плихавицюса.

Один из батальонов его армии отвечал за охрану железнодорожной линии Вильно-Двинск в секторе действия соединения "Вильнюс". В начале апреля 1944 был контакт между офицерами батальона и штабом "Вильнюса".

Людям Плихавицюса было предложено дезертировать из рядов германской армии и перейти к нам. Связь между сторонами установил наш знакомый лесник Гвига через начальника полиции Свинцяна, брат жены которого был одним из партизан нашего соединения. Встречи сторон проходили недалеко от Свинцяна. В одной из таких встреч участвовал и я. На определенном этапе разговор шел о переходе большей части армии Плихавицюса на

нашу сторону. Эти контакты оказались безрезультатными. Офицеры армии Плихавицюса были фанатичными националистами и фашистами. И хотя им было ясно, что Германия терпит поражение, они не видели для себя выхода в переходе на сторону Советов: часть из них участвовала в расстрелах евреев и русских военнопленных, и дрожала за свою шкуру.

Ведя переговоры с людьми Плихавицюса, мы в то же время продолжали боевые действия. При проведении одной из акций, в начале июня, немцы взяли в кольцо одну из наших групп, которая после минирования железнодорожной колеи укрылась на сеновале. Трое из группы были убиты, командир и еще один боец сумели выбраться. Командир лейтенант Семенов был тяжело ранен в правую ногу. Он с трудом добрался до фермы в считанных километрах от места ранения. Хозяин фермы, литовский крестьянин гостеприимно принял его, перебинтовал рану, спрятал в доме, но послал сына в Свинцян — сообщить полиции, что в их доме скрывается раненый партизан. Семенов был схвачен во время сна и увезен в больницу Свинцяна, где к нему была приставлена охрана.

В тот же день нам сообщили, что Семенов схвачен, несколько дней будет находиться на лечении в больнице, а затем его передадут гестапо Вильно. Семенов знал о переговорах с людьми Плихавицюса, участвовал в некоторых встречах с ними. Командование литовских партизан выражало беспокойство тем, что Семенов может сломаться на допросах в гестапо и раскрыть тайну переговоров, ибо все еще надеялось, что некоторые подразделения Плихавицюса перейдут к партизанам вместе со своими командирами и оружием. Если это раскроется гестапо, все эти планы сорвутся, начнутся массовые аресты и расстрел офицеров, замешанных в эти переговоры. Соединение "Вильнюс" получило приказ выкрасть Семенова из больницы живым или мертвым до его перевода в гестапо. Свинцян был укрепленным городком с системой бункеров на въездах и гарнизоном, насчитывающим сотни солдат. На передовой базе соединения "Вильнюс" в районе леса Ходоцишки было сконцентрировано около сотни бойцов, и все это подразделение вышло освободить Семенова. Летние ночи коротки, в нашем распоряжении было 4–5 часов на приближение, атаку, освобождение Семенова и отступление в леса Линтоп. С наступлением темноты мы вышли на операцию. Надо было обогнуть несколько сел, и прошло более двух с половиной часов, пока мы дошли до городка. Осталось около двух часов темноты, что явно недостаточно для проведения операции. Командовал нами Бондарас. Он принял решение

вернуть подразделение в лес Царклишки.

На следующий день, до полудня, нас выстроили, и Бондарас попросил выйти из строя пять добровольцев. Вышел я, за мной "Папка" и еще три бойца. Бондарас и начальник штаба отошли с нами в сторону и разъяснили, что необходимо сделать. По их словам, попытка атаковать всем подразделением трудна и опасна из-за недостатка времени и расстояния. Ночных часов мало, расстояние большое. И если даже подразделению удастся вызволить Семенова, оно все еще будет находиться на открытой местности при свете дня вблизи городка и понесет большие потери. Решено освободить Семенова другим путем. Впятером мы выйдем еще сегодня днем в сторону Свинцяна, используя рощи и ложбины по пути, чтобы к сумеркам добраться до городка. С наступлением темноты просочимся в городок и тайком доберемся до больницы. Охранников, приставленных к Семенов, надо бесшумно ликвидировать, и провести операцию без единого выстрела. По сообщениям, полученным вчера, один охранник стоит снаружи, у входа в больницу, второй — около двери в палату, где лежит Семенов. В палате находится еще один больной, советский офицер, раненный при попытке бегства из лагеря военнопленных. Если он способен двигаться, взять его с нами, если же не может самостоятельно передвигаться, оставить в палате, чтобы не затруднить наш уход. Бондарас добавил, что если операция не удастся, всё подразделение постарается освободить Семенова в следующую ночь, не считаясь с потерями.

Мы покинули лес, и при свете дня стали приближаться к Свинцяну. С наступлением темноты, мы проползли между бункерами, слыша голоса сидящих в них литовских солдат. Я полз между знакомыми домами, вспоминая тех, кто в них жил. Странное это было ощущение — ползти ночью, по-воровски, по городку, в котором я родился.

Добрались до больницы. Здание светилось слабым светом изнутри. Мы видели часового, идущего к углу здания. Прижались к стене. Когда часовой дошел до нашего угла, "Папка" нанес ему прикладом оружия удар по голове. Часовой рухнул. Входная дверь оказалась запертой изнутри. "Папка" несколько раз тряхнул ее, и она раскрылась. "Папка" и мы за ним бегом поднялись на второй этаж, не зная, в какой палате лежит Семенов. "Папка" направился влево, я — вправо. Медсестра вышла мне навстречу. Я направил на нее автомат и спросил: "Где раненый партизан?" Она испуганно вскрикнула: "Ой!" и упала. Я ворвался в первую больничную палату и спросил, где лежит партизан. Ответили, что он лежит по другую сторону коридора. Выйдя из палаты, я увидел "Папку" и еще одного из наших, несущих Семенова на руках.

Пленный офицер пытался ковылять за ними, но упал в дверях палаты и не мог дальше двигаться. Я слышал его мольбу: "Возьмите меня с собой", но нас было только пятеро, мы не могли взять и его с собой. Я побежал вниз и еще с лестницы увидел литовского полицая у запертой двери. Выяснилось, что полицай всегда находился на первом этаже, в офисе, у телефона, чего мы не знали. Полицай, услышав шум, позвонил в полицию, сообщил, что в больнице творится что-то необычное, и вышел посмотреть, что случилось. Увидев дверь раскрытой, запер ее изнутри снова. Стоя над ним, на ступеньках, я нанес ему удар по голове круглым диском от автомата. Он упал. Я вырвался наружу. Мы разрядили оружие полицая, дежурившего у двери палаты, где лежал Семенов, и увели его также с собой. Выйдя наружу, мы услышали выстрелы со стороны гарнизона, объявившего тревогу. Полицейский участок находился в 300 метрах от гарнизона. Мы ушли в поле, тянувшееся в сторону Линтопа, я — первый, за мной партизан, ведущий пленного полицая, за ними двое партизан, несущих раненого Семенова. "Папка" нас всех прикрывал, идя последним. Я увидел издалека пасущегося коня, сказал "Папке", что мы посадим Семенова на коня, и так сможем передвигаться намного быстрее. Приблизившись, я, к моему разочарованию, увидел, что передние ноги коня спутаны цепью. Мы нашли другого коня, устроили на нем Семенова, и только тут я нашел миг, чтобы сказать ему несколько слов поддержки. Трудно выразить словами, как он был счастлив.

Мы беспокоились, что за нами сразу же начнется погоня. Но никто за нами не погнался. К утру мы благополучно добрались до леса и нашего подразделения. Встретили нас с большим подъемом, радость была неописуемой, слова похвалы неслись со всех сторон, от командиров и бойцов. Все знали, что в случае нашего неуспеха, "Вильнюс" ожидает трудная операция и большие потери. Благодаря нам, беда эта миновала.

Позднее выяснилось, почему немцы и литовцы не погнались за нами. В ту ночь над Свинцяном летели советские самолеты бомбить Кенигсберг в восточной Пруссии. В тот момент, когда полицай звонил из больницы в полицию, бомбардировщики были над городком, и в полиции думали, что дело связно с бомбардировкой и десантом, и потому не вышли в погоню за нами. И вообще не сразу поняли, что случилось, ибо два полицая, которых мы оглушили, еще не пришли в себя. За эту операцию всех пятерых рекомендовали представить к наградам.

22. Завершение партизанской эпопеи — приход советской армии

Лето 1944 принесло нацистской Германии колоссальные поражения и освобождение нашей округи советской армией. Подготовка к широкому и мощному наступлению по освобождению Белоруссии и прибалтийских республик началась еще в весенние месяцы. В рамках этой подготовки введены были в действие силы партизан в тылу германского центрального фронта по перекрытию и подрыву всех путей сообщения врага. Из передовой базы в районе Линтоп-Ходоцишки мы беспрерывно действовали против железнодорожной линии. Не проходило и ночи, чтобы наши группы не минировали колею, несмотря на усиленную во много раз охрану и потери, которые мы терпели в этих акциях. Немцы знали о подготовке большого летнего наступления советской армии на центральном фронте и ввели в действие большие силы против партизан, ведущих войну близко к фронту, чтобы ослабить или вообще пресечь их поддержку готовящемуся наступлению. Из-за этих прочесываний и чисток немцами лесов восточной Белоруссии, партизаны оттуда переместились на запад, в леса Козиан и Нарочь.

Активность партизан в нашем округе усилилась в значительной степени, немецкие гарнизоны в разных городках были атакованы, партизаны установили контроль над дополнительными территориями западной Белоруссии. Враг лишь контролировал пути сообщения.

23 июня 1944 советская армия развернуло широкое наступление. И главное усилие было сосредоточено на освобождении Белоруссии и Литвы, и изоляции северного германского фронта от остальных германских сил. Советы ввели в действие 160 пехотных и танковых дивизий против 50 германских дивизий, находящихся на этом фронте. Советская армия прорвала фронт в районе Витебска и начала быстро продвигаться в сторону Минска, Вильно и Двинска.

Командование партизанского движения Советского Союза возложило на всех партизан задачу: с отступлением немцев установить контроль над всеми узловыми центрами путей сообщения, мостами и другими важными пунктами, чтобы не дать врагу спокойно отступить и разрушать по пути важные предприятия. Штаб литовских партизан принял решение объединить усилия соединений "Вильнюс" и "Кастуся Калиновскаса" Группа партизан "Вильнюса" находилась в районе

Линтопа. Ванюшка Курский и я были посланы сообщить этой группе, что ей следует тотчас же прийти к месту сосредоточения всего соединения в лесу Ходоцишки.

Верхом на лошадях, взятых в одном из сел, мы двинулись с наступлением темноты в путь. Летняя ночь была приятной, окрестность мы отлично знали, и утром добрались до наших товарищей. Передали им приказ, и, будучи верхом, решили вернуться вдвоем в тот же вечер. Группа возвращалась пешком.

Через час после наступления сумерек мы доскакали до шоссе Свинцян-Ходоцишки, которое пересекли прошлой ночью. Приблизившись к шоссе, мы увидели поток автотранспорта, телег, пешеходов. Соскочив с коней, мы повели их под уздцы к шоссе, которое было забито германскими солдатами, отступающими в сторону Ходоцишки. Решили подождать некоторое время, пока весь этот поток иссякнет. Но ему не видно было конца. Мы залегли в ста метрах от шоссе и наблюдали за ним. Спустя два часа отпустили коней, ибо они могли привести к тому, что нас обнаружат. Время от времени солдаты сходили с шоссе, совсем близко от нас, по нужде. Голоса солдат с шоссе ясно доносились до нас. К этим голосам присоединялись голоса женщин и детей — семей полицаев и местных чиновников, сотрудничавших с немцами. Этим было чего дрожать за свою судьбу, если они попадут в руки советских властей, и потому они предпочитали бежать.

Несмотря на опасность, которой мы подвергались, сердца наши радовала картина происходящего на шоссе. С начала войны я видел только наступающие германские войска, входящие победителями в Варшаву в конце сентября 1939, их победный марш в Советский Союз в июне 1941. Этой ночью начала июля 1944 я удостоился, в конце концов, увидеть отступающую германскую армию и чувствовать, что внес в это и свою малую толику.

Мы лежали до трех часов утра и вернулись в лес, в котором провели предыдущий день, у дома крестьянина, который был нашим связным. После короткого сна и завтрака, который принес нам крестьянин, мы лежали, наслаждаясь отдыхом и ожидая прихода ночи, чтобы попытаться пересечь шоссе. До полудня явился хозяин и сообщил, что к нему пришли пять "власовцев", сбежавших из своей части, отступающей на запад, и желающих присоединиться к партизанам. Этим именем называли солдат "русской освободительной армии", созданной немцами, по имени командующего этой армией бывшего генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Власова, попавшего в германский плен летом 1942. Находясь в плену, Власов убедил немцев создать русскую армию в

составе двух дивизий из русских военнопленных, которая будет сражаться на стороне немцев, чтобы сбросить коммунистический режим и создать русское государство, союзника нацистской Германии. Власовское войско также действовало против партизан и принимало участие в акциях против евреев.

Пятеро власовцев в немецких формах, вооруженные винтовками, были приведены к нам. Всем им было, примерно, по двадцать лет. Они проходили действительную службу или были резервистами, когда грянула война. Ванюшка Курский представился им как лейтенант советской армии, а я — как рядовой партизан. На наши вопросы они отвечали охотно, и рассказы их походили на рассказы украинцев, присоединившихся к нам после службы у немцев. По их словам, они попали в плен, оказавшись в окружении, и чтобы не умереть от голода или болезней в лагерях военнопленных, они согласились мобилизоваться в армию Власова, когда в лагере появились вербовщики и предложили пойти добровольно в " русскую освободительную армию". Уже давно они замыслили побег из рядов этой армии, и присоединиться к партизанам, но только сейчас им удалось это сделать. Им известно, что они совершили тяжкое преступление, граничащее с изменой родине, но они хотят вернуться в ряды советской армии и кровью искупить свою вину. В течение дня крестьянин привел к нам еще семь власовцев, сбежавших с той же части, что и первые пять. Они сказали, что целая рота дезертировала из армии Власова, солдаты разбежались и ищут связь с партизанами. Все они боялись за свою судьбу с приходом советской армии. Командиры сказали им, что там расстреливают военнопленных, примкнувших к армии Власова. Мы пытались их успокоить. Сказали, что, вероятнее всего, они будут посланы на фронт, в составе в штрафных рот, действовавших в рамках советской армии, и в боях снимут с себя пятно их измены. Нас было двое против 12 власовцев, и нас беспокоило, что они могу в последний момент раскаяться в своем дезертирстве и даже обратить оружие против нас. Мы успокаивали их, чтобы ободрить и уверить, что им не грозит тяжкое наказание.

Весь день с востока доносилось эхо артиллерийской канонады, сначала издалека, а после полудня — ближе. Фронт приближался к нам. Вечером мы снова двинулись к шоссе. Ночью по нему также продолжалось беспрерывное движение. Параллельно двигались два ряда телег с солдатами и гражданскими лицами. По краям шоссе шли группы солдат. Посоветовавшись между собой, мы решили с Ванюшкой переодеться в германскую форму, которая была в запасе у

власовцев. Вместе с ними выйдем из леса, как подразделение немцев, и таким образом пересечем шоссе. Так мы присоединились к потоку отступающей германской армии. В один ряд катились полевые кухни, телеги, нагруженные военным снаряжением, вероятно, интендантской части. Вторым рядом двигались телеги граждан. Суматоха на шоссе была велика. Телеги накатывались одна другую, люди орали друг на друга. Голоса на немецком языке смешивались с русским, белорусским, литовским языками, — двигался вал людей, сброд, мешанина сотрудничавших с немцами, обратившаяся в бегство. То тут, то там слышался в темноте плач ребенка. За нами слышался настойчивый гудок автомобиля, пытавшегося обогнуть ряды телег, перегородивших шоссе. В этой суматохе никто на нас не обращал внимания, и после, примерно, двухсот метров нашего продвижения по шоссе, мы сошли с него по другую сторону.

На востоке, в некоторых местах, небо было багровым: села были охвачены пожарами. Часть их подожгли отступающие немцаы, часть горела от огня артиллерии. Мы двигались быстро, чтобы еще ночью добраться до леса Ходоцишки. Из-за задержек в связи с переходом шоссе, мы были в двух километрах от леса. Необходимо было пересечь дорогу Ходоцишки-Малигян между двумя селами, отстоящими друг от друга на километр. Внезапно из этих сел по нам открыли пулеметный и минометный огонь. Мы бегом бросились в лес. Два власовца упали. Мы продолжали бежать. Огонь усиливался. Послышались взрывы снарядов в селах, из которых по нам вели огонь. На бегу я думал, направлен ли огонь против нас. Выяснилось, что мы оказались на самой линии фронта. Сдерживающие силы немцев расположились именно в этих двух селах, между которыми мы хотели пройти. Советские солдаты атаковали их на заре вдоль дороги, проходящей южнее леса Ходоцишки. Я боялся, что они могут открыть по нам огонь, увидев немецкие формы власовцев. Мы собрались в лесу, не досчитавшись трех власовцев. Я приказал им снять немецкие мундиры, чтобы при столкновении с советскими солдатами, нас не приняли за немцев и не открыли бы по нам огонь.

Мы пошли на восток, и к полудню вышли к небольшому селу. Пригляделись и к большой радости увидели там советских солдат. Власовцы остались на опушке леса, а я с Ванюшкой пошли в село. Мы были взволнованы при виде часового, который остановил нас. Это был первый встреченный нами советский солдат. Сказали, что мы партизаны и попросили встречи с командиром их подразделения. Солдаты в селе принадлежали к подразделению дивизионной разведки, командиром которого был

майор. Рассказали ему, к какому партизанскому соединению мы принадлежим, спросили, не встретил ли он случайно партизан "Вильнюса", сообщили о власовцах. Он попросил привести их в село, чтобы заняться ими. Мы привели их в один из домов села, хозяин угостил всех самогоном, Ванюшка поднял тост за жизнь, и в это время вошел майор с солдатами и приказал власовцам следовать за ним. Через несколько минут послышались выстрелы с околицы села, мы схватили оружие и выскочили наружу, узнать, в чем дело. Выстрелы прекратились, и мы увидели отделение солдат, стоящих и рассматривавшись что-то, что нам на расстоянии не было видно. Приблизившись, я увидел тела девяти власовцев. Майор, увидев нас, сказал: "Собакам — собачья смерть".

Под вечер мы встретили группу разведчиков полка "Вильнюс" и узнали от их, что полк находится намного севернее, вблизи городка Видз. На следующий день я нашел свое подразделение. Выяснилось, что линия продвижения советских войск проходит севернее и южнее, а территория, на которой мы находимся, является разделительной линией между Третьим Белорусским фронтом, силы которого прорвались к Вильно, и Первым Балтийским фронтом, войска которого вышли на Шауляй. В лесном массиве Ходоцишки действуют лишь подразделения разведки. Решено, что "Вильнюс" и подразделение имени Кастуся Калиновскаса овладеют городком Ингалина, установят контроль над железнодорожной колеей Вильно-Двинск до прихода советских войск. Разведчики доложили, что в городке нет германских войск, а вся местная власть и полиция сбежала. Мы вошли в городок при свете дня. Улицы были пустынны, редкие жители подглядывали за нами сквозь прикрытые жалюзи. Пока мы начали выстраивать оборону, внезапно возникли немецкие танки. У нас было несколько противотанковых ружей, качество которых оставляло желать лучшего. Я был в конце городка, когда услышал стрельбу танков и увидел моих товарищей, бегущих в лес. Присоединился к ним. Когда мы собрались в лесу, выяснилось, что отсутствуют 20 партизан. Это равнялось числу потерь "Вильнюса" за год боевых действий. Мы заплатили дорогую цену за то, что несерьезно отнеслись к принципам партизанской войны и боевых действий в дневное время против регулярной армии, не имея на это ни необходимого оружия, ни надлежащей подготовки.

Вечером прошли мимо нас десятки советских танков Первого Балтийского фронта, которым командовал генерал, еврей, Черняховский.

На следующий день день, 6 июля 1944, мы вошли вместе с

передовыми советскими частями в Свинцян.

Завершился партизанский период войны.

Летнее наступление советской армии продолжалось в полной силе. 13 июля был освобожден город Вильно. В течение наступления с 23 июня по 15 июля освобождена была Белоруссия и большая часть Литвы. Советская армия продвинулась на 500 километров от Витебска до границ восточной Пруссии. Германские силы в центре были уничтожены, а на севере понесли тяжелые потери. В середине июля началось широкое советское наступление в Украине, советские войска вторглись в Польшу и дошли до реки Вислы, выйдя к Варшаве. Приближались последние часы существования нацистской Германии.

23. О руинах и об евреях, спасшихся от смерти

Из городка моего рождения Свинцяна я бежал ночью, украдкой, 17 месяцев назад, 6 марта 1943. Оставил гетто, обреченное гибели, среди евреев которого были члены моей семьи. 6 июля 1944 я шагал в приятном свете солнечного дня по улицам городка, как один из его освободителей, с автоматом на груди, с чувством радости, смешанной с печалью. С того момента, когда дождливой ночью покинул гетто, я мечтал об этом миге, когда войду в городок с передовыми частями советской армии. Эту картину я рисовал в своем воображении бесчисленное число раз. Думал, куда я пойду первым делом, что скажу знакомым и прошлым друзьям, которые повернулись ко мне спиной или надсмехались надо мной, когда я шагал по этим улицам униженным, с желтой звездой Давида на спине. И вот, мечта моя осуществилась!

Мы шагали по городку, в значительной части превращенному в руины. Дома евреев были разрушены грабежами местного населения, после депортации хозяев этих домов в Полигон. Деревянные дома были сожжены, и только печные трубы торчали, как памятники общины, которая здесь жила и была уничтожена. Немногие каменные дома в центре городка частью сохранились, частью сожжены. Остались лишь задымленные стены.

На территории гетто не сохранилось ни одного дома, только — баня. Груды камней, обугленные деревянные стены, мотки проволоки от жалюзи — вот всё, что осталось от гетто. Я нашел место, где проживали члены моей семьи поколение за поколением: "Шулхойф" (двор синагоги). Часами бродили мы, я и Борис Йохай, по руинам гетто, и ни звука не вырывалось из наших уст. Когда мы покидали это место, он было полно жизни. Вернувшись, мы нашли лишь руины и безмолвие, разруха стыла вокруг нас.

Две синагоги, старая и новая, символы еврейской жизни, превратились в груды кирпичей. Вдалеке, за руинами гетто, вздымались в небо колокольни католической и православной церквей. На минуту обрадовался, что дома разрушены. Лучше так: не придут сюда чужаки, и не будут наслаждаться жизнью на руинах еврейской жизни, которая здесь вершилась. Мы посетили еврейское кладбище, которое тоже было разрушено. С трудом нашли могилы наших товарищей из подпольной группы — Гершки Бака и Рувки Миядзяльского.

Спустя несколько дней мы, все евреи из соединения "Вильнюс", вышли на Полигон, место расстрела евреев городка, оставив в Ново-Свинцяне возниц, доставивших нас туда. На Полигоне мы хотели остаться без сопровождающих. Только те, кто прошел все круги ада, и спасся от гибели, — должны были уединиться и объединиться с памятью членов общины, памятью погибших родных. Прошли пешком несколько километров до Полигона. Дошли до места, где был барачный лагерь, куда загнали 27 сентября 1941 тысячи евреев из окружающих городков и местечек, держали взаперти 10 дней до того, как их расстрелять. Ничего не осталось от барачного лагеря. Немцы его снесли, превратив это место в пустошь, куда не ступает нога человека. Оттуда перешли к редкой рощице у небольшого ручья, добрались до забора из колючей проволоки, на которым висели предупреждающие надписи на немецком и литовском языках — "Вход запрещен!" Миновали забор, и нашему взгляду открылся свеженасыпанный холм длиной в 200 метров и шириной — в 40 метров. Под этим искусственным холмом были скрыты рвы, в которых погребены семь тысяч евреев. Холм был насыпан привезенной землей, чтобы покрыть трещины и провалы, образовавшиеся над братскими могилами. Несколько раз немцы покрывали могилы слоем земли, чтобы скрыть образующиеся заново трещины.

Мы стояли, замерев, перед этим холма в безмолвии, соединившись с памятью погибших. Перед моим взором вставали страшные картины того, что происходило здесь 7–8 октября 1941, слышали вопли, сопровождавшие массовые расстрелы. Безмолвие смерти стояло вокруг, даже птицы удалились от этих мест, не слышалось их пения. Я отвернулся, чтобы скрыть слезы. Мы стояли, застыв на месте, не чувствуя движения времени. На Полигоне время потеряло свой смысл. В темноте вернулись в Свинцян.

Мне стало известно, что моя сестра Рахиль находится в Вильно. Я получил отпуск на несколько дней, чтобы ее проведать. Трудно представить радость нашей встречи. Всю ночь мы рассказывали друг другу всё, что с нами случилось с момента, когда мы расстались в гетто Вильно в конце апреля 1943. Рахиль пришла в Вильно с партизанами из Рудницких лесов. Они участвовали в освобождении города. Мы вспомнили родителей, судьба которых была нам неизвестна. Рахиль сказала, что мой товарищ Мотка Зайдель, которого я последний раз встретил в гетто Вильно в апреле 1943, спасся и находится в Вильно. На следующий день мы встретились, и рассказ его о том, что он пережил, потряс меня.

Во время уничтожения гетто Вильно и последней депортации в Эстонию 23 сентября 1943, Мотка прятался в "малине" — подвале дома на территории бывшего гетто. Вместе с ним там нашли убежище еще 70 человек. Они скрывались в "малине" пятьдесят дней. Положение их ухудшалось со дня на день, таяли съестные припасы и вода. Люди умирали. Их погребали там же, в "малине", отчаяние охватило оставшихся в живых. Часть людей покинула "малину" в поисках другого убежища. Некоторые из них были схвачены, и на допросах в гестапо открыли место убежища. Немцы пришли туда, женщин и детей увезли в Понары и там расстреляли. Мужчин, среди которых был и Мотка, держали в гестапо до начала декабря, после чего и они, 50 человек, были увезены в Понары, уверенные, что их везут на расстрел, но, к удивлению, немцы использовали их для другой цели. Они должны были раскопать массовые могилы расстрелянных в Понарах, более ста тысяч трупов, извлечь их и сжечь. То же самое было сделано во всех местах массовых захоронений жертв расстрелов с целью — замести следы массовых убийств, совершенных "эйнзацгруппами". Спецгруппа СС была создана для этой цели по приказу рейхсфюрера Гиммлера.

В Понарах немцы разделили людей на группы, дав каждой определенное задание: раскапывание могил, извлечение трупов, складывание их в груды и сжигание, перемалывание костей с целью развеять перемолотую массу. Немцы приказывали оставить в ямах немного трупов и засыпать. Если в будущем раскопают могилы, обнаружат в них отдельные тела, а не тысячи. Люди в группе Мотки узнавали трупы знакомых, членов семьи, а один — тело жены. В начале люди были в шоке, до впадения в безумие, но потом постепенно привыкли к этой работе. Тяжкие дни проходили над ними, когда они видели привозимых в Понары и расстреливаемых евреев, трупы которых они должны были сжигать. По найденным документам было видно, что это евреи из западной Европы.

Мотка и его товарищи по работе держались в яме глубиной в 8 метров и диаметров в 15 метров. После рабочего дня они спускались в яму по лестнице, которая потом забиралась, а утром по ней они поднимались на работу. Яма была ограждена колючей проволокой и окружена поясом мин. Эсэсовцы охраняли их круглые сутки. На ноги им были одеты кандалы с цепями, которые давали возможность передвигаться, но не бежать.

Людям было ясно, что после завершения всех работ они будут расстреляны немцами, ибо, во-первых, были евреями, во-вторых, чтобы все секреты массовых расстрельных рвов у Понар унести с собой в могилу. Среди людей организовалась группа, включая

Мотку, решившаяся на побег. Они пришли к выводу, что единственный способ сбежать — это рыть тоннель из ямы за пределы колючей проволоки и мин. Рыть они начали в феврале 1944. Рабочими инструментами служили жестянка и ладони. Работали ночами. Землю прятали под настилы, на которых спали, и так немного приподняли основание ямы, а также выносили землю в карманах, поднимаясь на работу. Труднее всего было определить направление тоннеля. Работу завершили в начале апреля. Длина тоннеля от ямы до выхода была 30 метров, сам проход — 50 на 50 сантиметров. Работали лежа, ползком. Бежали они ночью 15 апреля 1944. За несколько часов до этого распилили ножные кандалы напильником, найденным среди трупов. Сорок человек сумели выбраться через тоннель, и тут их обнаружили немцы, осветили территорию ракетами и открыли огонь. Двадцать пять беглецов погибло или было схвачено. Пятнадцати удалось сбежать. Часть из них, в том числе Мотка, добралась до леса Рудники, и присоединилась к партизанам. Мотка участвовал в освобождении Вильно.

Несколько дней я находился в городе. Там собралось около тысячи евреев, включая шесть сотен партизан, вернувшихся из лесов Нарочь и Рудники. Среди остальных были те, кто сумел бежать из трудовых лагерей Вильно до того, как немцы уничтожили лагерников за десять дней до освобождения города. Были также десятки людей, которым удалось скрываться долгие месяцы и удостоиться радости видеть убегающих немцев. Я шатался долгими часами по городу, который в прошлом назывался "Литовским Иерусалимом". На территории бывшего гетто много домов уцелело, но место было пусто. В некоторых домах проживали местные жители. От синагоги "гаона из Вильно" и других синагог, составлявших гордость евреев города, остались одни руины.

Я вернулся в Свинцян. В городок стали возвращаться евреи, которые спаслись. Часть пришла из партизанских отрядов, другие вернулись из убежищ у крестьян, которые их прятали. Некоторые приехали из Советского Союза, когда узнали, что Свинцян освобожден. Так в городке собрались десятки спасшихся евреев, в большинстве одиночки. Детей не было.

Встреча с бывшими нашими соседями была весьма болезненной. Большинство местного населения относилось к нам враждебно, пытаясь это скрыть. Первый вопрос в любом месте был: "Как это вы остались в живых?" Это спрашивали не из любопытства. В голосах их слышалось огорчение тем, что мы остались живыми. Для многих из них мы были живыми свидетелями их неподдельной радости, с которой они встречали

немцев. Мы видели их стоящими по сторонам дороги и надсмехавшимися над нами, когда нас депортировали в Полигон. У части из этих людей было имущество, награбленное из еврейских домов или оставленное им евреями во время депортации. Другие обосновались в домах евреев, и боялись, что оставшиеся в живых евреи заставят их выселиться. На этой почве вспыхивали скандалы и столкновения. Евреи, спасшиеся от гибели, лишенные всего, требовали вернуть им их вещи, и то, что принадлежало членам их семей. Жители возвращать не хотели. Возникла проблема с детьми некоторых евреев, которые были переданы младенцами знакомым христианам во время депортации в Полигон или перед ликвидацией гетто. Мы делали большие усилия, чтобы вернуть детей в еврейские семьи. Священник в своих проповедях требовал не отдавать детей, а растить их христианами. Многое сделал в этом деле мой товарищ Сендер Краский, солдат советской армии, вернувшийся в Свинцян, после того, как вылечился от ранения. Он рассказал мне обо всем, что с ним произошло с момента, когда он бежал в Советский Союз во время вторжения немцев. После месяцев скитаний по дорогам, он добрался до города Горького на Волге, восточнее Москвы. Добравшихся туда беженцев, среди которых был и Сендер и другие из Свинцяна, послали на работу в колхозы. С приближением немцев к Москве, осенью 1941, Сендер был мобилизован в трудовую армию и занимался строительством оборонительных сооружений на подступах к Москве. Зимой работа его завершилась, и он уехал на юг, в Казахстан. Когда было опубликовано сообщение о создании литовской дивизии в рамках советской армии, он мобилизовался туда вместе с десятками евреев из Свинцяна. Но Сендера в дивизию не взяли, так как ему еще не исполнилось восемнадцати лет. В армию он сумел попасть лишь в конце 1943, в отделение дивизионной разведки. Он воевал на Ленинградском, финском, эстонском и литовском фронтах, участвовал в освобождении концентрационного лагеря "Кайзервальд" около Риги, и там встретил некоторых, спасавшихся в в канализационных колодцах, от которых впервые узнал о массовых уничтожениях евреев. Сендер был трижды ранен, и последний раз тяжело в разведке боем, потерял глаз. Более 35 парней из Свинцяна и округи погибло на фронтах, десятки были ранены и остались инвалидами. Еврейская молодежь из моего и других городков мужественно сражалась на фронте, и могилы их разбросаны по территории Советского Союза.

Оставшиеся в живых евреи, собравшиеся в городе, стали как бы единой семьей, помогали друг другу, и все свободное время

проводили вместе. Нас было мало, одна комната была достаточной, чтобы вместить всех "евреев Свинцяна". Те, кто вернулся из Советского Союза, рассказывали, что и там, и на фронте, натыкались на многие случаи антисемитизма. Нацистская пропаганда сделала свое дело в районах, оккупированных нацистами, и даже там, где их не было. Вернувшись в города, освобожденные от нацистов, такие, как Киев, Одесса, евреи наткнулись на сильный антисемитизм. Война, в которой они участвовали и пролили столько крови, не привела к ослаблению антисемитизма или его исчезновению, а, наоборот, усилила его.

С приближением полного и окончательного разгрома нацистской Германии, нас все чаще посещали мысли о нашем будущем. Мы ясно видели, что день победы не будет нашим праздником. Наш мир был начисто уничтожен, и даже день победы не сможет восстановить заново жизнь, которая была разрушена до основания, отменить вражду против нас и наше одиночество. Пока мы сражались, единственной нашей целью было победить Германию. Мы не думали о завтрашнем дне, после ее падения. Но когда ее существованию оставались считанные дни, нам начало не давать покоя наше будущее. У меня же колебаний не было: после падения Германии мой путь пролегает в страну Израиля! Я не знал, как это осуществить, но мне было ясно: что бы ни было, я доберусь туда. Планы эти я держал в секрете, ибо советский режим жестоко наказывал за сионистские идеи и деяния. Несмотря на все это, я сказал в одной из бесед о нашем будущем после войны: "Здесь, на руинах, когда вокруг свирепствует против нас вражда, мы не построим заново наши дома. В тот день, когда Германия будет побеждена и закончится война, нам следует уезжать в страну Израиля. Только там мы сможем жить, как евреи и заново строить наше будущее". Молчание воцарилось в комнате, где некоторые из присутствующих были коммунистами, далекими от идеи страны Израиля. Молчание это говорило о том, что, может быть, я ошибся, выразившись столь откровенно, но сказанного не вернешь. Мои слова удивили слушателей. В продолжение беседы они согласились со мной. Трагические события, случившиеся с нами, отмели идеи прошлого. И главным уроком этих событий было то, что мы не можем полагаться на милость народов, в среде которых мы жили.

Мы ждали дня победы — но война продолжалась.

24. Война с литовскими бандами

Соединение «Вильнюс» взяло власть над Свинцяном и его окрестностями, и всю ответственность за безопасность округа. Афибала, бывший до войны секретарем районного комитета коммунистической партии и продолжавший им быть все время нашего пребывания в лесах, по сути, держал в своих руках все прерогативы власти в районе Свинцяна. Он и другие из людей «Вильнюса» начали создавать учреждения советской власти и вводить их в действие. До прихода частей Н.К.В.Д. и милиции, мы выполняли их функции, патрулировали в округе и разыскивали тех, кто сотрудничал с немцами и в большинстве своем участвовал в расстрелах евреев. Вели бои с группами немецких солдат, которые не сдались и пытались прорваться на запад, к новой линии фронта, проходящей в западной части Литвы, в 250 километрах от нашего района. Немцы сконцентрировали там войска и начали контрнаступление, чтобы воспрепятствовать выходу советской армии к берегам Балтийского моря, ибо это отрезало их войска, находящиеся на территории Латвии и Эстонии. В этих столкновениях погиб наш товарищ из подпольной группы Свинцяна Израиль Вольфсон.

После организации учреждений местной советской власти, соединение "Вильнюс" было распущено. Церемония роспуска состоялась в конце июля. С большим волнением мы расставались с друзьями, с которыми плечом к плечу сражались во многих боях и прошли долгий партизанский путь. Афибала в своей прощальной речи описал боевой путь соединения "Вильнюс", по сути, одного из самых первых соединений литовского партизанского движения, и упомянул поименно всех погибших товарищей. Питие и песни длились до утра. Затем, последние рукопожатия, и пути наши разошлись. Бывшие солдаты Красной армии, присоединившиеся в свое время к партизанам, ушли на фронт, в ряды действующей армии. Те, кто был послан из Советского Союза в тыл врага, в большинстве своем возглавили учреждения местной партийной и муниципальной власти. Некоторые из местных жителей, присоединившихся к соединению "Вильнюс", были назначены на должности в учреждениях местной власти, и одна группа, в которую входил и я, осталась, как воинское подразделение, действующее против враждебных элементов, которые стали организовываться в отряды.

Спустя некоторое время после освобождения округа советской армией, возник новый враг и стал действовать. Это были литовцы, сотрудничавшие с немцами, литовские

националисты, не успевшие уйти с немцами. Все они нашли убежище в лесах восточной Литвы и в окрестных селах. Среди них было немало тех, кто участвовал в массовых расстрелах евреев Литвы и состоял в литовских частях, которые были посланы в Белоруссию и Польшу, и там принимали участие в "акциях" по расстрелу евреев.

После объявления о всеобщей мобилизации в советскую армию, к враждебным группировкам присоединилось много литовцев, не желавших идти в советскую армию и бежавших в леса. Немало из тех литовцев, кто был мобилизован, дезертировало с оружием туда же. Группы эти время от времени нападали на работников советских учреждений, милиционеров и небольшие воинские отряды, оказавшиеся в зоне действия этих групп. Десятки евреев, прошедших все круги нацистского ада и вернувшихся на их прежнее местожительство, погибли от пуль этих банд.

Против них были введены в действие подразделения, в составе которых находился и я. Осенью и в начале зимы 1944-45 мы действовали в районе Ходоцишки. В нашей группе было 20 бывших партизан. Мы отлично ориентировались в лесах округи, у нас были хорошие связи с местным населением еще со времен партизанской деятельности. От них мы получали сведения о литовских бандах. В течение месяца мы сумели застать врасплох и уничтожить некоторые банды, насчитывавшие 5-10 человек в каждой.

В этот период прибыла в Ходоцишки "Комиссия по расследованию военных преступлений нацистов". Были раскрыты братские могилы массовых расстрелов мужчин-евреев летом 1941, до депортации евреев в Полигон, а также могилы польских заложников, расстрелянных в мае 1942, после того, как Федька Марков совершил удачное покушение из засады на зондерфюрера Йозефа Бека и его заместителя. Я сопровождал эту комиссию по всему округу, видел разрытые братские могилы с сотнями и тысячами расстрелянных — мужчин, женщин и детей. Вместе с членами комиссии вторично пришел на Полигон, где разрыли могилы убитых евреев моего городка. Трудно словами выразить мои чувства в те дни. Это был один из самых тяжелых периодов, какие я знал в своей жизни.

Радовали лишь сообщения с фронта. Силы союзников на западе освободили Францию и вторглись в Германию. Контрнаступление немцев в Арденнах, вблизи границы между Бельгией и Люксембургом, было остановлено и отбито. Сообщение московского радио 17 января 1945 об освобождении Варшавы взволновало меня. Где-то в глубине в души я лелеял

надежду, что, быть может, мои родители спаслись и находятся в освобожденном городе. Я хотел поехать в Варшаву. В этом наступлении рухнула вся германская оборона на реке Висле. Вся Польша была освобождена, и к концу февраля 1945 советские войска находились на расстоянии 50 километров от Берлина.

В начале 1945 года я был послан с отрядом — действовать против литовских банд в районе городка Лингмян. В округе было сплошное литовское население. И банды были многочисленными и сильными. В нашем отряде было 25 бойцов, и располагались мы в здании бывшей мельницы, на окраине городка. Территория вокруг городка, в котором сохранилось несколько десятков уцелевших домов, по сути, находилась под контролем банд литовцев. На ночь мы запирались в нашем укрепленном здании, и члены банд свободно разгуливали по городку. Иногда, получив информацию о них, мы атаковали их в ночное время и даже производили аресты. В этих действиях погибло три наших товарища, другие были в этих столкновениях ранены. В марте 1945 меня вернули в Свинцян. Спустя две недели литовские банды атаковали здание мельницы, и в бою были убиты все двадцать бойцов нашего отряда. Литовцы взорвали само здание. Необходима была решительная реакция на эту атаку. В течение нескольких дней в район прибыл батальон внутренних войск Н.К.В.Д. и с помощью местных сил начал облаву по всему округу против банд.

Я участвовал в этой облаве. Мы основательно прочесали леса в округе. Глубокий снег затруднял наше движение, но обнаруживал следы банды. После нескольких дней прочёсывания мы обнаружили место расположения всей банды. Их лагерь в лесу, состоящий из бункеров, был огражден. Бой длился целый день, до вечера вся банда была уничтожена. На следующий день пересчитали более 250 трупов. Часть валялась в поле около озера, в сторону которого они пытались бежать. У нас тоже были убитые и раненые, и среди них Мишка, связист "Вильнюса", который был сброшен к нам на парашюте из Москвы летом 1943.Только после его смерти мне стало известно, что он еврейский юноша из Одессы. Целый год мы были вместе в соединении "Вильнюс", часто вели беседы, но ни разу и словом не обмолвился, что он еврей. Помню, как по ночам я стоял возле него и следил, как он передает сообщения азбукой Морзе в Москву, и получает оттуда радиопередачи.

С той операции ослабела деятельность банд по всей округе. Эта банда была самой большой на востоке Литвы, и эта операция против нее имела большое влияние на литовское население, которое начало понимать, что нет смысла сопротивляться

советской власти.

В апреле я был вызван в Вильно для получения из руку президента Литовской советской республики Палецкиса ордена "Партизан великой Отечественной войны" первой степени. Я отсутствовал на церемонии, когда такие ордена вручались другим партизанам, ибо принимал участие в боевых действиях против литовских банд в районе Лингмяна. Я прибыл в президентский дворец, и после предъявления документов, был введен в кабинет Палецкиса. Он задал мне несколько вопросов, поинтересовался моим прошлым, моей партизанской деятельностью, пожал мне руку и вручил орден. Из бывшего штаба литовского партизанского движения мне сообщили, что за некоторые операции, в которых я участвовал, в частности, за минирование железной дороги, освобождение Семенова, командиры рекомендовали представить меня и к другим наградам.

Находясь в Вильно, я узнал, что по соглашению между Советским Союзом и правительством Польши, бывшие польские граждане, постоянно там проживавшие, могут вернуться в Польшу. Многие из евреев Вильно использовали эту возможность, веря в то, что оттуда будет легче добраться до страны Израиля. Вместе с моим другом Борисом Йохаем, который в это время тоже находился в Вильно, мы записались на отъезд в Польшу. Понятно, что я не просил никакого разрешения от моего начальства в Свинцяне, ибо был уверен, что не получу от них разрешения на отъезд. Я договорился с Борисом, что в момент, когда будут получены необходимые документы, он сообщит мне в Свинцян дату отъезда.

Отпраздновали 1 мая. Настроение было приподнятым, радио сообщило, что советские войска ворвались в Берлин, и миллионы немецких солдат на разных фронтах складывают оружие и сдаются в плен.

Шли последние часы войны, и мы были живы.

Когда Борис мне сообщил, что документы на выезд в Польшу готовы, я собрался в путь, ни с кем не попрощавшись, даже с друзьями евреями Свинцяна. Не хотел привести к тому, что им придется лгать, когда их будут допрашивать, куда я исчез. В Вильно я находился еще несколько дней, пока не уехал с поездом "репатриантов, возвращавшихся на родину". Со мной был Борис Йохай. Снова я расстался с моей сестрой, несмотря на опасность, связанную с этой встречей. Взял с собой орден, единственную память моего партизанского периода. Он мог привести меня к аресту. Когда мы пересекли границу, я вздохнул с облегчением.

Варшаву мы пересекли ночью. На миг возникло желание выйти на улицу Дзиелна, к месту, где был наш дом, мои

родители. Пока я колебался, поезд двинулся. Мы приехали в Лодзь. В сумерках пошли на улицу, где находился, как нам сказали, "еврейский комитет".

Внезапно прожектора осветили небо, и зенитки открыли огонь. От неожиданности мы застыли на месте. Что это, воздушная атака? В следующую минуту по улице проехала машина, вещая из громкоговорителя:

"Нацистская Германия капитулировала! Нацистская Германия капитулировала!

Итак, зенитки салютовали победе.

Было 8 мая 1945.

25. На руинах еврейства Польши

И снова на земле Польши. Но это не та страна, которую я знал. Города разрушены, шоссе и мосты взорваны. Две военные кампании, пронесшиеся над Польшей, оккупация немцами в сентябре 1939, и долгая война по изгнанию немцев с этой земли с июля 1944 по февраль 1945, оставили следы в любом месте. Человеческий фон, встреченный мной, тоже претерпел изменения. Не было миллионов сыновей моего народа, с которыми я встречался в каждом городе и городке Польши. После окончания войны осталось около 40 тысяч евреев, спасшихся из концентрационных лагерей, сумевших спрятаться в убежищах, или ставших «арийцами» по фальшивым документам. В Польшу начали прибывать евреи из Германии, освобожденные из концентрационных лагерей войсками союзников. Другая группа польских евреев начала возвращаться туда по соглашению между СССР и правительством Польши. Это были те, кому удалось бежать в СССР при вторжении немцев, и те, кто проживал на территориях бывшей Польши, аннексированных СССР. Число евреев летом 1945 достигло 60 тысяч. Кроме этого 15 тысяч евреев, мобилизованных, будучи беженцами в Советском Союзе, служило в польской народной армии. Это были остатки польского еврейства, которое до войны насчитывало более трех миллионов человек. Во главе этих остатков еврейства стоял «Центральный еврейский комитет», созданный в ноябре 1944 в Люблине после освобождения города советскими войсками. После окончания войны комитет переместился в Варшаву, столицу Польши. В городах, где сконцентрировались вернувшиеся евреи, были созданы местные комитеты. Несмотря на то, что центральный еврейский комитет был создан прокоммунистическим правительством Польши, в нем, кроме коммунистов и бундовцев, были представлены также сионисты. Представительство сионисты получили по той причине, что в правительство Польши вошли и не коммунисты, и оно хотело представить миру новую власть демократической.

Завершение войны с нацистской Германией не принесло Польше мир. Советская армия, забравшая польские территории из рук немцев, передала власть в руки временного прокоммунистического правительства, по сути, созданного Советами, а не правительству в изгнании, находящемуся в Лондоне. Советский Союз решил, что Польша будет коммунистическим государством, в зоне его влияния. Вследствие этого на польской земле началась вооруженная борьба между

армией Крайовой и солидаризующимися с ней националистическими группами, подчиняющимися правительству в Лондоне, и польской прокоммунистической властью, поддерживаемой советской армией. Антикоммунистические силы начали подпольную войну против представителей власти и просоветской польской народной армии, созданной в Советском Союзе еще во время войны и участвовавшей в освобождении Польши. Особую цель нападений националистов представляли евреи, которые начали возвращаться и собираться в Польше, ибо националисты видели в них сторонников коммунистов. Немало было евреев в верхушке власти и верховном командовании польской народной армии. Частью это были старые коммунисты, такие, как министр внутренних дел Яков Берман, и министр хозяйственного планирования Иллари Минц. Но у абсолютного большинства евреев, находящихся в Польше, не было никакой связи с новой властью, и они стали жертвами польского националистического антисемитизма. 350 евреев было убито в освобожденной Польше до конца лета 1945, и убийства продолжались и после этого. Эти люди были убиты, когда возвращались в свои городки искать родных, еще оставшихся в живых, или погибали на дорогах, когда националистические банды захватывали машины, на которых они ехали, выводили пассажиров и убивали оказавшихся среди них евреев. В других городах подстрекаемый антисемитский сброд устраивал еврейские погромы. Из-за этих убийств евреи стали оседать в больших городах, где власть была более сильна и усиливала чувство их безопасности. Большое сосредоточение евреев было в Лодзи: более 15 тысяч евреев.

В городе Лодзь, втором по величине в Польше, до войны проживало 750 тысяч жителей, треть которых составляли евреи. С немецкой оккупацией город был аннексирован Германией и получил название Лизманштадт. Часть польских и еврейских граждан была депортирована на другие территории Польши, и на их место было привезено немецкое население. Первое гетто на земле бывшей Польши и вообще во всей Европе было создано в этом городе в апреле 1940. Гетто в Лодзи было и последним гетто, существовавшим в Польше. Немцы ликвидировали его в августе 1944, когда советская армия находилась в 120 километрах от города. Жители гетто были уничтожены или посланы в концентрационные лагеря Германии. Город Лодзь меньше других пострадал от войны. Немецкое население бежало из города вместе с германской армией в январе 1945, а оставшихся немцев депортировали поляки после освобождения города. В городе было много пустых домов, и вернувшиеся евреи были поселены в этих

домах "еврейским комитетом", который занимался обеспечением жилья прибывшим.

Мы обратились в офисы "еврейского комитета", который составлял списки всех евреев, прибывающих в Лодзь, и получили квартиру в многоэтажном доме, которая в прошлом принадлежала евреям. В период нацистской оккупации в доме проживали семьи немцев, привезенные из Прибалтики, и сбежавшие с приближением советских войск. Мы с Борисом получили комнату в квартире, где уже проживала еврейская семья, спасшаяся из лагерей, тоже по разнарядке "еврейского комитета".

Первые дни в Лодзи мы посвятили поискам родных или знакомых из Свинцяна, которые, быть может, спаслись из лагерей, куда были посланы после ликвидации гетто Вильно, в сентябре 1943. Проверяли списки в "еврейском комитете", спрашивали людей, вернувшихся из лагерей, но не нашли никого из нашего городка.

С того момента, как я покинул родителей в Варшаве, я все лелеял иллюзию, что в один прекрасный день доберусь сюда и найду их. Знал, что это неисполнимая, ни на чем не основанная надежда, но в глубине сердца все же таил эту надежду, что, быть может, они чудом спаслись. Чувствовал, что пока я не совершу поиски, чтобы воочию убедиться в том, что их нет, это будет меня мучить всю оставшуюся жизнь. Решил поехать в Варшаву.

Приехал туда ранним утром. Следы войны виделись во всех местах. Город был большей частью разрушен в период осады в сентябре 1939. Район гетто был превращен в груду развалин во время польского восстания в августе-сентябре 1944 и во время вторжения в город советской армии. Относительно целым остался восточный пригород — Прага, на правом берегу Вислы. В этом пригороде, после освобождения города, сосредоточились все правительственные учреждения, в том числе "еврейский комитет", на улице Таргова. Туда я и обратился, придя в район Праги, искать родителей. Проверил списки тех, кто спасся и записался здесь. Следил с напряжением за человеком, который читал длинный список по алфавиту. По фамилии Рудницкий никто не записался. Зря надеялся.

Что-то толкало меня увидеть район гетто и дом, в котором я жил. Расспрашивал евреев, а они отвечали, что нечего мне туда идти: место представляет сплошные руины, и вообще трудно мне будет его найти. Я все же пошел на поиски, ибо не знал, когда я еще вернусь в Варшаву, и вернусь ли вообще. Польша для меня была промежуточной станцией. Я чувствовал, что не прощу себе, если не увижу место, где прошли счастливые годы моего детства,

где жили мои родители в гетто до депортации и гибели. В варшавском гетто в разные периоды проживало 450 тысяч евреев. Сто тысяч умерло от болезней и голода до "великой депортации", начавшейся 22 июля 1942 и продолжавшейся два месяца. В этот период было послано 300 тысяч евреев из гетто в лагерь смерти Треблинку, отдаленный от города на 80 километров. После депортации в уменьшившемся гетто осталось всего 50 тысяч. Эти евреи погибли или были депортированы в дни еврейского восстания, вспыхнувшего 19 апреля 1943, когда немцы решили окончательно ликвидировать гетто. В дни "великой депортации" жители гетто были уведены на Умшлагплац, и оттуда посланы в Треблинку. Я так и не узнал о судьбе моих родителей, но полагал, по рассказам, что они были посланы в Треблинку в дни "великой депортации" с большинством евреев Варшавы.

Я пересек реку Вислу из предместья Праги в саму Варшаву по временному мосту, построенному после освобождения города. Мосты, соединявшие две части города, были взорваны немцами. Я шел между развалинами и скелетами каменных обгоревших зданий. В некоторых местах чудом уцелели отдельные дома. Трудно было узнать город, который я оставил пять с половиной лет назад, и только с помощью небольших сохранившихся надписей с названиями улиц, я сумел найти место, которое искал. Примерно, после часа ходьбы я дошел до большой площади, в которой узнал парк Саски. Это было в прошлом центральное место города, и вблизи него проходили самые аристократические улицы. От всего это остались одни развалины. Я продолжал свой путь в сторону гетто. На небольшом расстоянии от парка проходила улица Тломацки, на которой когда-то высилось роскошное здание большой городской синагоги. Отец часто приводил меня туда — слушать знаменитого кантора Моше Косовицки. Немцы взорвали синагогу 16 мая 1943, во время еврейского восстания. В тот день генерал Юрген Штропп, командующий германскими силами, подавившими еврейское восстание в Варшаве, докладывал своему начальству, что "еврейский квартал в Варшаве больше не существует". По его мнению, взрыв синагоги символизировал конец восстания.

От развалин синагоги я продолжил путь по улицам Налевки, Новолипки, Заменгоф, до улицы Дзиелна. Весь этот район был в прошлом центром еврейской жизни Варшавы. На этих улицах располагались еврейские учреждения, торговые дома, ремесленные мастерские, в которых трудились еврейские рабочие. Улицы эти в прошлом были полны десятками тысяч евреев во все часы суток. Здесь можно было встретить хасидов, облаченных в "капоты" и особые шляпы, евреев, одетых в обычные

одежды, которые носили жители города не евреи. Массу составляли старики, мужчины, женщины и дети, торговцы и рабочие, богатые и просящие милостыню, звучала смесь разных языков и диалектов. Идиш с польским акцентом здесь господствовал, смешиваясь с идишем с литовским акцентом или с разговорным польским. Теперь здесь господствовало угнетающее безмолвие, тишина огромного кладбища. Это вопиющее противоречие можно было с большим трудом выдержать.

Я стоял на развалинах нашего дома по улице Дзиелна, в котором когда-то располагалась синагога "Мория". Не было на месте даже знака, по которому можно было познать и определить, это ли место на самом деле. Груды камней и обломки железа разбросаны были по все площади. Посчитал, что именно это и есть место, ходил между камнями, поднимал некоторые из них, сдвигал, искал, может, найду в этих развалинах что-то близкое и знакомое, какую-нибудь вещицу из нашкго дома. Ничего не нашел. Пошел дальше, видел людей, которые тоже что-то искали, как я. Мы прошли, молча, друг мимо друга.

Вот, развалины тюрьмы Фабиак, в которой были убиты тысячи евреев и не евреев во время нацистской оккупации. Сохранилась часть входа, по которому можно было определить место. В этих стенах было пролито много крови и свершилось много ужасов. Я продолжил путь по улице Генша. На перекрестке с улицей Заменгоф стояла когда-то школа, в которой я учился. Оттуда я прошел по улице Налевки до площади Мурановской. В этом месте был один из самых жестоких боев во время еврейского восстания. Немцы отступили, оставив убитых и раненых. Только после артиллерийского обстрела и поджога домов, они сумели прорваться на площадь. Недалеко от площади была улица Мила. Там, в бункере дома номер 18, 8 мая 1943 погиб командовавший восстанием Мордехай Анилевич, с ним десятки еврейских воинов. Из этого района восставшие пытались по тоннелям канализации прорваться в "арийскую" часть города.

Я искал площадь — Умшлагплац — место, с которого отправляли евреев Варшавы на уничтожение в Треблинку. По моим расчетам эта площадь должна была находиться здесь, но так и не сумел ее опознать.

Взобрался на высокую гору развалин, чтобы обозреть широкое пространство вокруг. Насколько хватал глаз, тянулись руины — руины еврейского мира, богатой культуры, религиозной и светской. Поколения еврейского труда были стерты с лица земли, как будто их и не было.

Я вернулся в предместье Прагу и провел ночь в одной из комнат "еврейского комитета". От великолепной еврейской

общины Варшавы, одной из самых больших в Европе, остался этот жалкий дом "еврейского комитета". Всю эту ночь в Варшаве я не мог сомкнуть глаз. Дневные картины ни на миг не давали мне покоя.

Вернувшись в Лодзь, я включился в сионистскую деятельность, начавшуюся с момента освобождения Польши В среде сионистских групп велась дискуссия по вопросу: следует ли сохранять старые рамки движений или всех объединить. Большинство требовало объединения без всяких условий. Стали создавать совместные рамки. Халуцианские социалистические движения объединились под одной крышей с движением "Ашомер Ацаир" (Молодой страж) в "Рабочий блок страны Израиля". Другие движения создали общую рамку "Единство". В этих общих рамках движения хранили свои отличия и организовывали своих членов в объединения, где все жили сообща, называя себя "кибуцами". Борис и я присоединились к кибуцу "Гордония".

Я был послан движением в город Быдгощ (Бромберг) в округе Поможа северо-западной части Польши, где начали собираться евреи вернувшиеся из германских концлагерей. Нашел там группу девушек из Венгрии, спасшихся из концлагеря, и на меня была возложена задача — перевезти их в Краков, чтобы оттуда они продолжили путь в Будапешт. К большой моей радости встретил там двоюродную сестру, Хаю Рудницкую, и мою одноклассницу Шейнку Коварскую. Обе прошли долгий и тяжкий путь страданий. Они прибыли в гетто Вильно после ликвидации гетто в Свинцяне. Так как они способны были работать, их перевели в женский трудовой лагерь в Кайзервальд, около Риги. В этом лагере они прошли все круги ада: каторжную работу, голод, знаменитые селекции, когда отбирали слабых и посылали их на смерть. С приближением советской армии летом 1944 их перевели на Балтийское море в лагерь Штутгоф, в восточной Пруссии. Плавание было ужасным, без еды и питья. Они несколько дней были заперты в трюме корабля. Многие задохнулись от удушья, умерли в пути. По прибытию в Штутгоф их развезли по трудовым лагерям Германии. Освободили с окончанием войны. Они намеревались вернуться в Свинцян, но после того, как я рассказал им, что некуда и не к кому вернуться, они отказались от своей идеи. Еще я рассказал об организованном сионистском движении, предложил им приехать в Лодзь и примкнуть к кибуцу. Они согласились. В их компании я встретил еврея Мишку, лейтенанта советской армии, выходца из Латвии. Он решил отказаться от дальнейшей воинской карьеры, расстаться с формой и присоединиться к нам. Спустя некоторое время я встретил всех троих в кибуце, в Лодзи.

Как посланец движения, я объездил многие районы Польши, и во всех городах и местечках натыкался на разрушенную еврейскую жизнь — пустые синагоги, развалины школ, безжизненные культурные заведения. Лишь оставшиеся еврейские кладбища свидетельствовали об еврейских общинах, которые здесь жили многими поколениями и исчезли из этого мира.

26. На путях «бегства» из Польши в Италию

Положение оставшихся в живых евреев Польши ухудшалось со дня на день. Сообщения о сильнейшем антисемитизме, о нападениях и убийствах евреев приходили со всех концов страны. В предельно сократившейся среде евреев шли дискуссии, следует ли снова организовать жизнь общины на руинах и могилах или, как можно быстрее, оставить Польшу и репатриироваться в страну Израиля. Коммунисты и бундовцы, придерживаясь своей идеологической линии, считали, что надо остаться на месте, поддерживать возвращение оставшихся живых евреев из лагерей, и всем вместе включиться в строительство новой, народной Польши. Сионисты всеми своими течениями стояли за репатриацию в страну Израиля. Но были разногласия между ними о промежуточных этапах. Некоторые из них считали, что вместе с усилиями по поискам дорог репатриации в страну Израиля, следует также восстанавливать еврейскую жизнь в Польше, заново ее организуя. Меньшинство стояло на том, что надо употребить все усилия на прорыв в страну Израиля.

Наиболее активными, требующими ускорить исход из Польши, были группы бывших еврейских партизан, прибывшие в страну в конце 1944 — начале 1945 из района Ровно на Волыни и района Вильно. Во главе этих групп стояли Элиэзер Лидовский, Абба Ковнер, Хаим Лазар, Нисан Резник и другие. Вслед за ними в Польшу прибыли члены молодежных сионистских движений, которые в годы войны находились, в качестве беженцев, в Советском Союзе. Все эти группы встретились в Люблине с некоторыми из руководителей халуцианского движения и вождями восстания в варшавском гетто, среди которых были Ицхак Цукерман, Цвия Любеткин и Стефан Граек. Эта встреча послужила толчком к организации движения, которое возникло стихийным образом. Ощущение было такое, что Катастрофа абсолютно изменила еврейскую жизнь. И если бы мы даже хотели, не смогли бы вернуться к тому, что предшествовало Катастрофе. Именно это ощущение положило начало переселению остатков европейского еврейства в страну Израиля.

В январе 1945 группа бывших партизан выехала разведать возможность покинуть Польшу через Словакию и Румынию, а оттуда добираться до страны Израиля. Группа была снабжена фальшивыми документами, подтверждающими, что они румынские евреи, возвращающиеся на родину из германских

концлагерей. Прибыв в Румынию, они встретились с посланцем из страны Израиля Моше Агами, который занимался там проблемами репатриации. Члены группы сообщили ему о существовании сионистских групп в Люблине и возможности их выезда в страну Израиля через Румынию. В течение 1944 года, оттуда выехало около десяти тысяч человек, и в последние дни года отплыл в страну Израиля корабль "Таурус", на борту которого находилась тысяча репатриантов, и среди них партизаны, добравшиеся до Румынии.

Это сообщение возвестило начало исхода евреев из Польши в Румынию. Сначала уезжало небольшое число, но достаточно скоро исход превратился на настоящий большой поток, который получил название — "бегство". Руководители разных сионистских движений в Люблине, возглавившие это "бегство", создали объединенный "координационный" штаб, в котором было представлено большинство сионистских групп. Штаб готовил фальшивые документы, организовывал выездные группы, определял проводников, создавал промежуточные стоянки по маршруту. Все, готовящиеся в путь, снабжались документами, подтверждающими, что они румынские, болгарские или югославские евреи, спасшиеся из концлагерей и возвращающиеся на родину. С конца января по конец апреля 1945 в Румынию прибыло в рамках "бегства" около трех тысяч польских евреев, спасшихся из Катастрофы. Часть сумела приехать в Израиль законным образом. Большинство же застряло в Румынии. Англичане не выдавали больше сертификатов, согласно политике "Белой книги", ограничившей репатриацию евреев в Израиль. В начале мая руководители "бегства" в Польше и застрявшие в Румынии, решили, что нет смысла везти туда людей, и надо искать другой путь этому потоку.

С окончанием войны стало известно в Польше и Румынии, что в Италии служат солдаты еврейской бригады из страны Израиля, как подразделения британской армии. Руководители "бегства" решили проверить возможность сделать Италию перевалочным пунктом на пути в Израиль. Группа партизан, ранее добравшаяся до Румынии, решила через Югославию поехать в итальянский город Тревизио, находящийся на границе Румынии и Италии, место нахождения еврейской воинской бригады британской армии. Встреча беженцев, уцелевших в Катастрофе, из восточной Европы, и солдат еврейской бригады, открыла новый этап "бегства". Десятки тысяч евреев, уцелевших в Катастрофе из восточной и центральной Европы, искали пути исхода в страну праотцев, и еврейское руководство в стране Израиля создало специальную организацию по принятию этого

потока. Уже в последние месяцы 1944 года встретились солдаты бригады в Италии с евреями, находящимися на территориях, освобожденных от немцев. Эти евреи нуждались не только в еде и одежде, но и в духовной и психологической поддержке. В конце октября 1944 встретились представители бригады обсудить пути помощи еврейским беженцам, и решили создать специальный комитет, который обеспечит беженцам материальную помощь, а также проведет воспитательную сионистскую работу перед репатриацией в Израиль. Комитет этот был назван "центром диаспоры", он создал перевалочные лагеря, где концентрировались беженцы, и велась подготовка к приему евреев, находящихся в пути. С завершением боев и капитуляцией Германии, представители "центра диаспоры" начали действовать также в Австрии и Германии. Открытие пути "бегства" из центральной Европы в Италию, прибытие представителей партизан из Румынии и Польши, поставило перед "центром диаспоры" задачу, величину которой даже представить не могли, организаторы центра.

Сообщение о новом маршруте "бегства" через Италию пришло в "центр диаспоры" в Польше в июне 1945, дошло до мест сосредоточения евреев, и до нас, в Лодзи, и всех очень взволновало. Тысячи начали готовиться в путь, но не все могли двинуться. Мне предложили остаться еще некоторое время в Польше и поработать в движении. Я отказался от этого предложения и стоял на том, чтобы покинуть Польшу с первыми группами. Моим желанием было, как можно быстрей добраться до страны Израиля. С большим огорчением я расстался с Борисом, который решил дождаться в Лодзи приезда своей подруги Эстер из Вильно. Мы ведь вместе прошли долгий путь, с подпольной группы в Свинцяне, затем — в партизанах. Борис предложил мне подождать приезда Эстер, чтобы затем всем вместе двинуться дальше. Но я не хотел оставаться в Польше даже еще один день, и выехал с товарищами группы "Гордония" в Катовицы, один из центров "бегства".

В те дни странствовали по дорогам миллионы людей, которых война вырвала из мест проживания, — бывшие военнопленные всех национальностей и всех стран Европы, люди, посланные немцами на работу в Германию со всех оккупированных территорий, политические беженцы, втайне покинувшие свои страны или спасавшиеся от войны. Вся эта масса скиталась по дорогам Европы, часто без личных документов, необходимых для их опознания. Проверка по дорогам и на границах не была особенно тщательной.

Мы получили документы греческих граждан,

возвращающихся на родину, изменили фамилии, которые теперь оканчивались "ис" или" ос", и вызвали немало смеха и шуток. Мы должны были несколько освежить наши знания по географии Греции, запомнить названия мест, где мы "проживали" в прошлом, имена короля и королевы. Нашу группу, двадцать парней и девушек, снабдили удостоверениями международного "Красного креста" и визами с военными советскими печатями. Все эти документы были фальшивыми, мастерски подделанными людьми из "центра бегства" в Катовицах, ставшими специалистами этого дела.

Мы выехали в середине июля поездом до Кракова, и далее, до чехословацкой границы. Первой остановкой должна была стать столица Словакии Братислава. Там была перевалочная станция по маршруту "бегства". Поезда были набиты до отказа народом, главным образом, перемещенными лицами — чехами, словаками, сербами, которые возвращались в родные места. Как "греки", мы не могли разговаривать между собой по-польски и, тем более, на идиш, который в ушах окружающих не евреев звучал, как немецкий. Была также опасность наткнуться в дороге на настоящих греков. Потому мы разговаривал на иврите, которым владело большинство в группе. На границе между Польшей и Чехословакией проверяли документы, и надо было поменять поезд. После суток всей этой болтанки и напряжения, мы добрались до Братиславы. На вокзале нас ожидал представитель "центра диаспоры" сопровождавший маршрут "бегства".

Нас поселили в гостинице в центре города. После недельной задержки в Братиславе, мы выехали поездом в Будапешт, столицу Венгрии, по дороге в Грецию, согласно документам. Снова напряжение на границе в связи с проверкой документов, когда глаза венгерского офицера-пограничника рассматривали наши удостоверения. Прибыли в Будапешт. Западная часть города — Буда была большей частью разрушена в ходе боев во время наступления советских войск. Восточная часть города — Пешт, уцелела. Туда и повели нас проводники, обслуживающие маршрут "бегства". В Будапеште мы задержались на две недели. Тут мы перестали быть "греками", возвращающимися на родину, и превратились в австрийских евреев, которых нацисты депортировали в Польшу, и теперь они возвращаются домой. Цель наша была — попасть в Италию. Новые документы, имена, места рождения, местожительство, — все это для проверки на границы, если будет проверять наблюдательный и прилежный полицейский. В некоторых местах на переходе границы были полицейские, подкупленные представителями "бегства", но всегда был страх наткнуться на других. В некоторых местах нам

помогали пересечь границу офицеры-евреи советской армии, части которых были расквартированы в этих странах, неподалеку от пограничных постов, но всегда нам грозила опасность, что нас задержат, арестуют и пошлют обратно.

В середине августа мы выехали из Будапешта в Грац, находящийся в зоне британской оккупации Австрии, согласно разделу на оккупированные зоны. Здесь, на границе между советской и британской зоной проверка была более основательной. Мы знали об этом, а мной была припрятана медаль "Партизан Великой отечественной войны" и соответственные документы об ее вручении. Я колебался, стоит ли рискнуть при проверке советскими солдатами? Если медаль будет у меня найдена, я буду арестован и выслан в Советский Союз со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все же я решил сохранить медаль, как память о моем партизанском прошлом, и спрятал ее в буханке хлеба. Пограничник извлек из моего рюкзака все, что в нем было. Я не дышал, когда он держал в руках буханку, но старался выглядеть спокойным, чтобы не вызвать у него подозрение. Все прошло благополучно. Приехали в Грац. На перевалочном пункте по маршруту "бегства" я впервые увидел еврейского солдата, сержанта бригады, и ощутил сильное волнение, увидев на рукаве его британской военной формы знак "магендавида".

В Граце нас поселили в гостинице "Вейцер", в котором собрались многие сотни беженцев. Выяснилось, что путь в Италию закрыт. Британцы знали, что цель еврейских беженцев, пытающихся пробраться в Италию, страна Израиля, и хотели этот путь перекрыть. Они проводили тщательные проверки в поездах и на шоссе в сторону итальянской границы, и на ней самой. Поддельные документы хорошо работали в странах восточной Европы, потому что оккупационные советские власти, и также власти Польши, Чехословакии и Венгрии не препятствовали выезду перемещенных лиц еврейской национальности, и во многих случаях даже рады были от них избавиться. Не так вели себя британские оккупационные войска, согласно "Белой книге", которая закрыла перед евреями ворота в страну Израиля. В течение нескольких месяцев тысячи еврейских беженцев сумели попасть в Италию с помощью солдат еврейской бригады. И вот, в августе, британцы наглухо закрыли границу.

В Граце я встретил партизан из лесов Белоруссии и Волыни. Они составляли часть большой группы ПСХ — "партизан, солдат, халуцев", которые объединились еще в Польше с целью репатриации в страну Израиля. Они были мне ближе, чем группа юношей и девушек из группы "Гордония", с которыми я ехал до

Граца, и я решил к ним присоединиться. В беседе мы пришли к выводу, что наше ожидание в Граце, когда британцы дадут нам разрешение на переезд в Италию, или представители "Центра диаспоры" найдут иной путь туда, завершилось. Нам надо контрабандой пересечь границу и добраться до Тревизио, где находится "еврейский боевой полк". От людей, сопровождавших маршрут "бегства", мы получили инструктаж о возможностях перехода границы. Нас, шестеро бывших партизан, выехало поездом в Кагенпорт, а оттуда — в город Виллах, находящийся на границе с Италией. Оттуда нас подобрала машина. Мы сошли с нее в считанных километрах от границы. Шоссе к самой границе пролегало по широкой долине, по сторонам которой возвышались крутые склоны высокогорных Альп. Долина был ухожена, полна растительности и зелени. По описаниям мы знали местоположение пограничного поста. Решили пересекать границу в дневное время, чтобы не заблудиться, и из боязни, что в ночное время итальянские пограничники могут открыть по нам огонь. В дневное время эта опасность была не столь велика. Мы поднялись на небольшой холм и огляделись. Вдали увидели пограничный пост, По ту сторону границы, примерно, в двух километрах от нее, виднелся крутой холм, и рядом с ним купа деревьев. Решили идти поодиночке, на расстоянии десяти метров друг от друга, и встретиться у этих деревьев. Надо было обогнуть пограничный пост с запада, расстояние до места встречи было около четырех километров.

Я был третьим. Шел по линии, которую определили с холма. После двух часов ходьбы я предположил, что уже пересек границу, но не видел крутого холма и купу деревьев. Получалось, что я заблудился. Я продолжал идти на юг, чтобы отдалиться от границы вглубь Италии. Издалека была видна группа домов, в сторону которых я и пошел.

Когда я приблизился к ним, навстречу мне вышла группа мужчин, среди которых некоторые были с ружьями, и окружила меня. Я не знал ни слова по-итальянски и заговорил по-немецки. Никто из них этого языка не знал, но они поняли, что это немецкий. По враждебному выражению их лиц я понял, что они подозревают во мне немца, быть может, сбежавшего военнопленного. Итальянцы эти явно не любили немцев. Я сказал слово "дойче" и отрицательно покачал головой, пытаясь таким образом объяснить этим людям, что я не немец. Начал вспоминать клички евреев на разных языках, но они не понимали этих слов. В конце концов, нарисовал на земле "магендавид", и тогда один из них догадался: "ебрео". Я понял, что так называют евреев по-итальянски, похоже на "иври" на иврите и "еврей" на

русском, и утвердительно покачал головой. Мгновенно изменилось их отношение ко мне. В этом небольшом хуторке около Тревизио им знаком был знак на рукавах солдат еврейской бригады. Итальянцы накормили меня, уложили спать, и на следующий день указали путь в Тревизио, небольшой красивый итальянский городок в узкой долине среди альпийских гор. В Граце нам объяснили, где в этом городке расположен лагерь еврейской бригады. К моему удивлению и разочарованию, я не обнаружил никакого лагеря. Оказывается, еврейский полк совсем недавно перевели в Голландию. Я наделся встретить в Тревизио партизан, с которыми направлялся к границе, но и их не нашел. Долгое время просидел на железнодорожной станции, пока не пришел поезд, направлявшийся в город Удину. Поезд был забит пассажирами, которые, за неимением мест, сидели на подножках и крышах вагонов. С большим трудом я нашел место на крыше. По дороге поезд проезжал множество тоннелей. Надо было прижиматься все телом к крыше, чтобы не снесло и не убило. Эта странная поездка длилась довольно долго. Прибыли в Удину.

В Удине я не знал, куда идти, шатался по улицам, без конца спрашивая прохожих, знают ли они, где находятся еврейские солдаты, пока не встретил женщину, которая понимала по-немецки. Она и привела меня к месту. Солдаты эти были мобилизованы в еврейский полк в последние месяцы войны, прошли военную подготовку в Египте и теперь направлялись в полк. Они сердечно встретили меня. Часами я рассказывал им о перипетиях моей жизни в период Катастрофы. Через несколько дней они привезли меня на машине в Падую, где собралось много евреев. В лагере я встретил и моих товарищей партизан, с которыми разминулся в районе Тревизио. Они пришли к месту встречи, ждали меня более двух часов и, видя, что меня нет, посчитали опасным оставаться столько времени вблизи пограничного поста. Пришли в город. Не найдя солдат еврейского полка, продолжили путь на юг и добрались до лагеря в Падуе.

С приездом в Падую мои странствия завершились.

Я пересек большую часть Европы и добрался до берегов Средиземного моря.

Закончился этап "бегства".

Предстоял последний этап — нелегальное морское плавание к берегам страны Израиля.

27. Корабль нелегальных репатриантов «Хана Сенеш»

Репатриантский отдел при «Хагане», военизированных силах защиты еврейского населения, ставших впоследствии костяком Армии обороны Израиля, послал своих представителей в Италию, в первые месяцы 1945, организовать репатриацию евреев, выживших в Катастрофе. Эмиграционная политика Англии не давала надежды на законную репатриацию. И первые посланцы «Хаганы» по делам репатриации прибыли в Италию как солдаты еврейской бригады, действуя под этим прикрытием или выдавая себя за спасшихся из концлагерей. Возглавляемые Йегудой Арази, они действовали в тесном сотрудничестве с «Центром диаспоры», при этом подчиняясь штабу «Хаганы» в Израиле, с которым поддерживали связь с помощью тайной радиостанции.

Поток еврейских беженцев из восточной Европы ширился день ото дня, несмотря на все препоны, чинимые британцами. По указаниям "Центра диаспоры" солдаты еврейской бригады сумели обхитрить британцев и привезти в Италию тысячи еврейских беженцев на грузовиках еврейских интендантских подразделений британской армии. Число кандидатов на репатриацию было огромным. Труднее всего было найти корабли для их перевозки к берегам Израиля. Итальянский флот был частью потоплен во время войны. Остальная часть была конфискована союзниками. Посланцы "Хаганы" искали небольшие частные корабли, оставшиеся у итальянских владельцев, которые могли отплывать от небольших пристаней или заливов. В них легче было укрыться от британской сыскной полиции, которая следила за происходящим в портах.

Несмотря на трудности, представители "Хаганы" сумели зафрахтовать три небольших корабля, и подготовить их к плаванию. Питание для пассажиров и горючее для рейсов кораблей туда и обратно, обеспечивала еврейская бригада. На свободном рынке за продукты и горючее надо было платить астрономические цены.

Первым нелегальным судном, отплывшим в августе от берегов Италии, был совсем небольшой корабль "Делин", на борту которого находилось 35 человек. В сентябре отплыло два корабля — "Натан" с восьмьюдесятью пассажирами, и "Петер" — со 117. Корабли эти вернулись в Италию, и в октябре отправились во второе плавание, таким образом, прорвав британскую блокаду страны Израиля. Вернувшись, они привезли моряков морского

подразделения Пальмаха — ударных отрядов "Хаганы" — и новых посланцев для работы среде еврейских беженцев в Италии.

Кандидаты в плавание отбирались "Центром диаспоры" по их партийной принадлежности и времени пребывания в Италии. При создании списков на очередные рейсы вспыхивали споры, препирательства, откровенная вражда между представителями разных партий. Каждый требовал больше мест для своих, доказывая, что их больше среди беженцев. Посланцы партий, разных кибуцных движений привлекали на свою сторону беженцев, большинство которых вообще не понимало разницы между партиями. Единственным путем — оказаться включенными в списки нелегалов, была принадлежность к движению или партии. Тогда группа членов организации "Партизаны, солдаты и халуцы", куда входил и я, обратилась к движению "Объединенный кибуц" ("Акибуц Амеухад"), чьи идейные установки были наиболее близки нашей организации.

В дни, когда мы ожидали отплытия, меня послали от "Центра диаспоры" на семинар представителей всех движений, собранный на бывшей усадьбе у Милана. Семинар продолжался три недели. Это был первый спокойный период в моей жизни после стольких лет скитаний и войны. Мы слушали лекции посланцев из Израиля обо всем, что там происходит, о разных движениях, о поселенческой деятельности, о борьбе против британских властей. Как ветеран партизанского движения, участвовавший в боевых действиях, я особенно был чувствителен к рассказам об освобождении нелегальных беженцев из лагеря в Атлите, подрыва железной дороги бойцами Пальмаха. Хотелось, как можно быстрее добраться до Израиля, чтобы присоединиться к бойцам, воюющим против британцев. После окончания семинара я отказался от всех предложений остаться в Италии, чтобы поработать с репатриантами, и сразу же вернулся в Падую.

В середине ноября приказали нашей группе подготовиться в путь. Ночью к лагерю подъехал военный грузовик, у руля которого сидел солдат еврейской бригады. Мы тайком покинули место, так, чтобы никто из людей, остающихся в лагере, этого не почувствовал. Ехали на юг, пересекли вдоль всю Италию, до окрестности порта Барри. В пути мы были три дня, совершая лишь короткие остановки. Но одиночной ферме, недалеко от порта, нас, в течение нескольких дней, собралось 250 кандидатов на рейс. На ферме мы находились неделю, пока в одну из ночей не прибыла колонна военных грузовиков. Вначале мы думали, что нас везут к кораблям, но нам сообщили, что нас везут в лагерь на севере Италии, и лишь оттуда мы отплывем в сторону страны Израиля. Спустя несколько дней стало понятным это внезапное

перемещение на север. Британцы, ведущие слежку за нелегальной эмиграцией в Израиль, арестовали в порту Барри те три корабля, которые вернулись после рейса — "Делин", "Натан" и "Петер". Были также арестованы некоторые из посланцев "Хаганы" по делам репатриации. Поэтому было решено перевести всю эту деятельность на север, откуда и должен был состояться очередной морской рейс.

Лагерь находился на ферме, восточнее Генуи, в районе Традата. В лагере находилось 350 кандидатов на рейс, а также группа солдат еврейской бригады и часть посланцев, прибывших из Израиля. Начальником лагеря был Меир Давидзон, сержант одного из подразделений еврейской бригады, установивший в лагере режим воинской дисциплины, мы были разделены на подразделения по 30 человек, в каждом из которых был ответственный за порядок. Мы обучались быстрой погрузке на грузовики, быстрому движению по узкому трапу с берега на корабль, получению еды на борту и быстрому схождению на берег с причалившего корабля. Действия включали все этапы, начиная с выхода из лагеря и до выгрузки в пункте прибытия. Тренировались днем и ночью, приближенно к реальным условиям. Вещи мы должны были хранить в вещмешке за спиной, и он должен был нам также служить изголовьем на спальных местах в трюме корабля.

Шли недели ожидания. Пришло сообщение, что вышедший из Греции нелегальный корабль "Берл Кацнельсон" захвачен британцами в момент, когда нелегалы сходили на берег. Пальмах отреагировал на это подрывом полицейского участка на берегу моря у Гиват-Ольги. Сообщение усилило напряжение перед нашим отплытием.

14 октября к вечеру нас выстроили на поверку. Сначала мы думали, что это продолжение тренировок, но при виде десяти военных грузовиков, въехавших в лагерь, в нас пробудилась надежда на нечто более серьезное. Начальник лагеря Меир Давидзон торжественно сообщил нам, что этим вечером мы отплываем. 250 человек уходят этим рейсом, 100 остаются до прибытия следующего корабля. Очередь будет установлена по времени пребывания в Италии. Безмолвие стояло, когда выкликали имена 250 счастливцев, тут же выражающих радость в момент, когда называлась их фамилия. Остальные выглядели разочарованными. Я оказался среди тех, кто вытянул счастливый номер.

С наступлением темноты из лагеря выехала колонна грузовиков. Впереди на джипе ехал представитель отдела репатриации "Хаганы" в форме лейтенанта британской армии.

Кузова грузовиков были покрыты брезентом, так, что снаружи не были видны те, кто сидел в них. Приказано было хранить полнейшее молчание. Ехали довольно долго с короткими остановками. Обогнули большой город и порт Геную с севера и выехали на шоссе, в направлении границы с Францией. Проехали небольшой городок и остановились за ним. Приказано было сойти с машин. Мы сделали это быстро и построились в группы. Оглянулись, и, несмотря на темноту, увидели, что стоим на пристани, к которой причалено небольшое темное судно без единого огонька. Узкая доска заменяла трап между пристанью и кораблем. Гуськом мы прошли на борт и спустились в трюм. Фонарь слабо освещал множество спальных мест из брезента, подвешенных к скелету из труб, — пять этажей таких мест, подвешенных к рядам труб, между которыми были узкие проходы. Каждому было выделено место для сна и пребывания в течение всего рейса. Через два часа после нашего прибытия корабль отчалил от пирса. Мы услышали стрекотание мотора, корабль медленно отделился от берега и вышел в открытое море.

В трюме царило радостное настроение. На следующий день нас выводили группами на палубу, подышать чистым воздухом. Мы оглядывали наше судно, совсем небольшое, грузоподъемностью в 250 тонн, сделанное из железа. Но по сравнению с предыдущими кораблями, отплывавшими из Италии, наше судно выглядело "большим". То, что построено оно было из железа, давало нам уверенность в нашей безопасности и в том, что оно сможет устоять в зимнем штормовом море. Вдалеке, слева, мы видели берега Италии. Спустя полчаса мы оставили палубу, на которую поднялась другая группа. Еда распределялась дневным пайком: бисквитами, банкой консервов и литром воды на человека. Воздух в трюме был спёртым и жарким. Нас мучила жажда, но мы были готовы ко всему, — лишь бы добраться до берегов страны Израиля.

Корабль носил имя израильской парашютистки Ханы Сенеш, которая была сброшена в Венгрию вначале 1944, -помочь в спасении евреев. Она была схвачена, геройски выдержала все пытки и казнена.

Корабль "Хана Сенеш" плыл в юго-восточном направлении, вдоль западного берега Италии. Капитан был итальянцем, но на корабле находился и командир от "Хаганы. Экипаж корабля составляли итальянцы и евреи. Работала постоянная радиосвязь с подпольными радиостанциями "Хаганы" в Италии и в Израиле. Мы проплыли между Италией и островом Корсика, вблизи острова Эльба, где пребывал в свое время Наполеон в дни своего изгнания. Ночью прошли Мессинские проливы, отделяющие

остров Сицилию от итальянского материка, и вышли в Средиземное море. В дневные часы мы лежали на своих спальных брезентовых гамаках. Других мест не было. Запрещено было стоять в узких проходах, ибо их использовали для выхода на палубу небольших групп на короткие промежутки времени, чтобы не вызвать подозрений у кораблей, проходящих мим нас. По ночам мы могли оставаться на палубе больше времени, но холод ночей декабря гнал нас назад в трюм. Высокие волны зимнего моря сильно качали наш корабль, и многие страдали морской болезнью. Мы считали часы и дни нашего пребывания в море. С приближением к Кипру нам решительно было запрещено показываться на палубе в дневные часы даже небольшими группами. Было опасение, что самолеты береговой охраны британцев, беспрерывно обследующие морское пространство, засекут корабль. Только по ночам разрешали подниматься на палубу. На расстоянии двух дней пути к цели, в районе, южнее Кипра, мы попали в сильнейший шторм. Небольшое наше судно швыряло с вала на вал, и огромные потоки воды окатывали палубу. Минутами мне казалось, что судно пойдет ко дну под мощными валами бушующего моря. Мы держались за трубы, к которым были прикреплены наши спальные места, чтобы не свалиться на дно корабля. Многие страдали от рвоты. Вдобавок, в это время, когда судно боролось с волнами, над нами пролетел британский самолет. Все были замотанными и ослабевшими. Самолет сделал несколько кругов над судном, палуба которого была пуста, и улетел на восток. Мы были на расстоянии одного дневного перехода от желанного берега.

Получили последний инструктаж перед спуском на берег в районе городка Нагарии. Бойцы Пальмаха нас будут ожидать, и оттуда развезут по поселениям западной Галилеи. Время схода с корабля выпадало на вечер Рождества, которое обычно британские солдаты празднуют, напиваясь до риз, и потому была надежда, что мы не наткнемся на их патрули.

С наступлением темноты, все мы поднялись на палубу. Тяжелые тучи обложили небо. Через некоторое время мы увидели вдалеке огни, корабль приближался к берегу, подталкиваемый морскими волнами. Мы быстро неслись к берегу Нагарии, но в темноте трудно было определить расстояние до него.

Внезапно мы ощутили сильный толчок и упали на палубу. Не поняли, что случилось. Корабль накренился вправо. Казалось, еще миг, и он перевернется. Я смотрел на берег, находящийся в десяти метрах от корабля. На берегу не наблюдалось никакого движения. Только вдалеке виднелись проезжающие автомобили. Бойцов Пальмаха не было видно. Перила накренившегося корабля

были близки к воде. Один из наших прыгнул в воду. Не раздумывая дважды, я отбросил свой вещмешок в сторону и прыгнул за ним. Вода была холодной, показалось, что я замерзаю, и я решил плыть к берегу. Через несколько метров почувствовал, что ноги коснулись дна. Сделал в воде несколько шагов и вышел на берег. Я лежал на краю берегу и вдруг увидел фигуры, бегущие к нам. Это были бойцы Пальмаха, которые нас ожидали. Бурное море и небольшое отклонение в навигации отдалили корабль от назначенного места, где ему надлежало пристать. В течение считанных минут организовали сход с корабля, приталив его веревками к берегу. Люди начали сходить.

Утром британцы обнаружили корабль, который наскочил на мель, и рядом с ним надпись на бело-голубом флаге: "Корабль "Хана Сенеш", наскочивший на мель, приведен был с помощью организации "Хагана". Да будет этот корабль у берега Нагарии одним из памятников шести миллионам наших братьев и сестер и свидетельством позора британского правительства".

Корабль "Хана Сенеш" прорвал британскую блокаду.

Это произошло ночью 25 декабря 1945.

Ночь в свои девятнадцать лет я встретил на родине.

28. Пальмах — лётное подразделение

Снова я боец, продолжаю дело, начатое четыре года назад изъятием «обреза» из склада оружия немцев, который я принес в гетто. На этот раз не в вооруженной группе в гетто, обреченном на уничтожение, и не как еврейский партизан в советском соединении, а как боец в подпольном военизированном штурмовом отряде, воин Пальмаха, подразделения «Хаганы», созданной в мае 1945, когда ожидалось вторжение немцев в страну Израиля. Пальмах должен был создать партизанское движение на захваченных немцами территориях. С окончанием войны, закрытием британцами ворот страны и депортацией евреев, спасшихся из ада Катастрофы, Пальмах начал войну с британцами.

Четыре месяца прошло с той ночи, когда я сошел на берег Нагарии, до моего вступления в Пальмах. Первые шаги на родине я сделал в кибуце Ягур, куда прибыл на второй день пребывания в стране. Домики кибуца, окруженные густой растительностью, красивая столовая, ухоженные детские садики, действующее, полное жизни хозяйство, зеленые поля, склоны горы Кармель, высящиеся над кибуцем — все это пленило мою душу с первого взгляда. Мое знание иврита облегчило мое вхождение в среду жителей кибуца. Я сразу же наладил связи с кибуцниками, и в короткое время ощутил себя среди них, как дома. Работал в коровнике и полюбил это дело. После бурных, жестоких лет я снова жил нормальной жизнью. Субботний поход на гору Кармель с удивительным пейзажем, развертывающимся с ее высоты, первые поездки в Издреельскую долину и на озеро Кинерет — были полны впечатлений. Такие места, как кибуцы Нахалал, Эйн-Харод и Дгания, которые я помнил из песен детства, превратились в реальность. Я пришел к тому, к чему стремился, был в родной стране, в кибуце, мечты мои осуществились, но положение в стране не давало мне права почивать на лаврах.

Это был период борьбы. Корабли с нелегалами «Энцо Сирени», «Вингейт» и «Тель-Хай» были захвачены британцами, и все находящиеся на кораблях спасшиеся от Катастрофы остатки европейского еврейства, как мы, были помещены в концлагерь в Атлите. Бойцы Пальмаха ответили взрывом полицейского участка в Гиват-Ольге, подорвали радарную станцию на горе Кармель и атаковали лагеря ударных отрядов британской полиции. Фронт

борьбы проходил и по районам, в которых была запрещена всяческая деятельность, согласно «Белой книге». В те дни еврейские поселенцы в Бирии около Цфата закрепились на земле. Бойцы ЭЦЕЛя — военно-национальной организации, и ЛЕХИ — борцов за свободу Израиля, действовавшие вместе с «Хаганой» в рамках «Движения еврейского восстания», усилили борьбу с британцами. На их акции британские власти ответили террором против еврейского населения страны, обысками и массовыми арестами.

В дни праздника Песах я посетил в центральной иерусалимской тюрьме моего друга детства Давида Левина. Член Пальмаха, Давид был арестован во время военной подготовки вблизи Мертвого моря и осужден на несколько лет тюрьмы. Я учился с ним в первом и втором классах школы "Тарбут" в Польше, затем он репатриировался в страну Израиля со своей семьей. 13 лет мы с ним не виделись. Только благодаря его брату Израилю, который был со мной, я узнал в этом высоком, широкоплечем парне, который улыбался мне сквозь тюремную решетку, Давида. Встреча эта взволновала нас обоих.

Мечты добраться до родной страны и жить там спокойной жизнью, разбились о реальность. Не мог я стоять в стороне, когда еврейское население страны боролось и платило жертвами. Совесть не давала мне покоя. Я был ветеран войны, обладал боевым опытом, мог многим помочь в борьбе, и решил мобилизоваться в Пальмах.

Первая реакция людей Ягура, когда я обратился к ним по вопросу вступления в Пальмах, была отрицательной. Они считали, что прежде, чем сделать этот шаг, я должен абсорбироваться в стране. Я же стоял на своем. Товарищи связали меня с Бени Магаршаком, который получил кличку — "политрук Пальмаха", одним из самых выдающихся людей в нем. Бени понял, чем я дышу. Он загорелся идеей, что я буду первым бойцом гетто и первым партизаном, вступившим в Пальмах. Учитывая особую важность этого шага, он предложил мне выбрать одно из трех специальных подразделений, в котором я захочу служить: морской отряд, взвод разведки или летную часть. Возможность служить в морской роте и участвовать в подготовке за границей, встрече с кораблей и устройстве нелегалов, я сразу же отверг. Я был новичком в стране, и не хотел из нее уезжать. Но возможность быть летчиком пленила меня. Было что-то волнующее быть летчиком в подполье, некое предвидение будущего. Летная часть Пальмаха была ядром будущего самостоятельного еврейского военно-воздушного флота. В начальном курсе полетов на планерах, проходивших в

Издреельской долине летом 1943, участвовала небольшая группа людей Пальмаха. Только через два года, летом 1945, люди летной части начали тренироваться на настоящих самолетах под прикрытием "спортивного авиационного клуба". Небольшие самолеты типа "Остер", "Тейлокрафт" и другие принадлежали компании "Аэроплан" и стояли на летном поле военного лагеря британцев около Рамле.

Весной 1946 я явился в летную часть, базой которой был кибуц Наан, около Рамле. Из беседы с командиром части по кличке Балак выяснилось, что мне надо будет ждать два месяца до начала моих летных тренировок. В части было 12 человек, и лишь треть из них тренировалась в полетах. Остальные ждали своей очереди и пока трудились в хозяйстве кибуца. Я был разочарован, но принял предписание.

Часть была небольшой, но по-товарищески сплоченной. Члены ее Шмуэлик В., Эли П., Йегуда П., Арик А., Авраам Б., Циби и другие приняли меня с большим дружелюбием. Я рассказал им о моем партизанском прошлом, о кличке "Толька", с которой ко мне обращались товарищи. Мы были горды называться "летчиками", даже те, которые еще не летали. Ребята, проходящие по соседству с нами курс молодого бойца Пальмаха, относились к нам, "летчикам", с особым уважением и некоторой завистью, и среди девушек, тоже проходящих военную подготовку, мы пользовались предпочтением. И члены кибуца оказывали нам почтение. Жили мы в маленьком палаточном лагере, посреди которого возвышался большой самолетный пропеллер, символ нашей части. Я работал в хозяйстве, как все мои товарищи, которые не были заняты в полетах. Этой работой мы как бы оплачивали кибуцу расходы за место и услуги, даваемые нам. За время нахождения в Наане, я поработал в курятнике, коровнике, на жатве, пахал, дежурил в столовой и в охране. Мы были "затычкой", как называли нашу работу с переходами с места на места по мере необходимости в рабочих руках. Товарищи, которые учились летать, уезжали рано утром на летное поле в Рамле и возвращались вечером. Мы жадно выслушивали их рассказы о переживаниях в полете и считали дни, когда придет наш черед летать. Тем временем мы изучали необходимые вспомогательные дисциплины: аэродинамику, метеорологию, аэрофотосъемку и чтение карт. Время от времени приезжали "освежить" свою практику полетов наши ветераны, находящиеся в "резерве", как и все освободившиеся от службы бойцы Пальмаха.

Борьба с враждебной британской властью и ее политикой "Белой книги" усиливалась день ото дня. "Ночь Вингейта" в Тель-Авиве, столкновение с британцами, голодные забастовки,

протесты евреев-нелегалов в итальянском городе Ла-Специя после того, как британцы арестовали корабли "Макс Нордау" и "Авива Райх", а всех находящихся на них еврейских беженцев депортировали на Кипр, — все это повысило напряжение в Израиле. Следственная англо-американская комиссия, которую назначили в декабре 1945 правительства Британии и США с целью выработки рекомендаций по разрешению палестинской проблемы, опубликовала их в начале мая 1946. Комиссия постановила, что следует отменить политику "Белой книги" и разрешить немедленный въезд ста тысяч еврейских беженцев из европейских лагерей перемещенных лиц в страну Израиля. Британское правительство во главе с премьер-министром Эттли и министром иностранных дел Бевиным твердо придерживалось антисионистской политики, и ставило первым условием обсуждения рекомендаций комиссии разоружение "Хаганы" и всех остальных еврейских военных организаций. Это условие, по сути, отвергало рекомендации комиссии. В ответ отряды Пальмаха ночью 17 июня 1946 взорвали одиннадцать мостов, соединявших страну с соседями. При взрыве моста Ахзив погибло 14 бойцов Пальмаха, среди которых и командовавший операцией Ихиям Вайц. Операции было присвоено название "Ночь мостов". Британские власти держали в стране 80 тысяч солдат и около 20 тысяч полицейских, включая вспомогательные части. 29 июня все эти силы нанесли удар, цель которого была — сломить сопротивление "Хаганы" и Пальмаха и всех независимых военизированных еврейских организаций. Они начали массовые обыски и аресты во всех больших городах и тридцати поселениях. В тот день было арестовано 2700 евреев, среди них все лидеры, члены правления Еврейского агентства (Сохнута), руководители "Хаганы" и Пальмаха. Всех их отправили в лагеря Латрун и Рафиах, где держали несколько месяцев. Был дан приказ об аресте председателя правления Сохнута Давида Бен-Гуриона, находившегося в это время заграницей. Было обнаружено большое хранилище оружия в кибуце Ягур, и британцы конфисковали 300 ружей и автоматов, 100 минометов и сотни тысяч патронов.

За день до "черной субботы" я поехал из кибуца Наан в короткий отпуск в Ришон-ле-Цион, проведать Мотку Зайделя, моего товарища по гетто. Утром в субботу быстро разнеслась весть о происходящем в стране. Выяснилось, что и в кибуце Наан шли обыски. Тысячи евреев из Ришона, Нес-Ционы, Реховота бросились на помощь поселениям, окруженным британцами. Я присоединился к тем, кто шел в Наан. Мы ехали на автобусе по проселочным дорогам на юг, через цитрусовые сады, чтобы

обогнуть шлагбаумы, поставленные британцами на шоссе. Ближе к Реховоту мы продолжили путь пешком. Разделились на небольшие группы, чтобы просочиться внутрь кибуца, смешаться с его жителями, и, таким образом, затруднить британцам поиски и опознавание людей "Хаганы" и Пальмаха. Я шел через сады во главе группы из двадцати человек. На расстоянии, примерно, двухсот метров от забора кибуца нас остановили британские солдаты, набросились на нас и стали избивать прикладами ружей. Приказ был — не сопротивляться, а просто лежать на земле и не двигаться. Я получил несколько ударов прикладом, и затем два солдата поволокли меня к военному грузовику. Десятки арестованных были отвезены в полицию Реховота. Целый день нас держали под палящим солнцем, без еды и питья. К вечеру нас построили для опознания. У меня был документ нового репатрианта. После некоторых вопросов и проверки списков, я был отпущен вместе с остальными "арестантами". В Наан я вернулся спустя два дня. Десятки работников хозяйства были арестованы, среди них бойцы Пальмаха, проходившие курс молодого бойца. Их выслали в Латрун, а оттуда перевели в Рафиах. Некоторые из них вернулись лишь через два месяца. Из нашей части ни один не был задержан. Часть товарищей была в субботнем отпуске, части удалось ускользнуть из рук британцев.

Удар, нанесенный британцами "Хагане", был весьма чувствительным. Британцы доказали, что в силах нанести ущерб ишуву и обнаружить упрятанное оружие, которое было добыто с невероятными усилиями и было столь необходимо для будущего противостояния арабам. И несмотря на все, британцы в "черную субботу" не достигли желаемого результата. "Хагана" и Пальмах не были сломлены, командиры не были схвачены, хранилища оружия, кроме тайника в Ягуре, не были обнаружены. Чтобы подготовиться заново, и более основательно упрятать оружие, "Хагана" вынуждена была сократить боевые действия против британцев. Командование "движения еврейского восстания" возложило на ЭЦЕЛь — произвести взрыв офисов британского мандатного правительства в гостинице "Царь Давид", в Иерусалиме. В результате этого взрыва 22 июля убито было более восьмидесяти человек, что не входило в намерения тех, кто стоял за этой акцией. Снова британцы отреагировали массовыми обысками, введя комендантский час на четыре дня в Тель-Авиве.

Мне пришла радостная новость: моя сестра Рахиль должна прибыть в страну. Я встретил ее в хайфском порту. Она прибыла нелегально на корабле, везущем жен солдат еврейской бригады. Моя семья, вернее, то, что от не осталось, воссоединилось на родине.

Осенью командир роты З., к которой принадлежала наша летная часть, послал меня подготовить к работе подрывников командиров отделений Пальмаха в Джоаре, вблизи кибуца Далия в горах Эфраима. Перед поездкой меня проинструктировал относительно взрывных средств, имеющихся у Пальмаха, главный подрывник штаба Хаим Зингер. После этого инструктажа я продолжал попеременно учебные полетаы и инструктаж на курсах офицеров-подрывников Пальмаха.

В конце 1946 года наша часть получила задание сфотографировать с воздуха военные объекты британцев и арабские села для подготовки материалов и планов будущих оперативных действий. В укромном месте, под навесом, на британском летном поле в Рамле, где находились самолеты компании "Аэроплан", мы прятали фотоаппарат "Лейку", которой вели фотосъемку. Возвращаясь с аэрофотосъемки, мы летели над полями кибуца Наан и сбрасывали фотопленку нашим товарищам, которые ждали нас в условленном месте и в условленный час. Это было более надежно, чем извлекать пленку в охраняемом британском лагере. На эту операцию вылетали двое, летчик и фотограф. Таким образом, в этой операции участвовали и те, которые еще не занимались полетами. Но это было очень важно для нашего морального самочувствия: таким образом, мы тоже вносили свой вклад в борьбу.

Нашей летной части поручено было сопровождать походы Пальмаха на Масаду и в Негев, держать воздушную связь с группой, совершающей поход. Самолет прибывал к месту нахождения роты, и по условленным заранее знакам получал сообщение, все ли у них в порядке или необходима помощь. Сообщение передавалось в штаб Пальмаха. Я сопровождал роту Б на Масаду. Мы вышли из кибуца Бейт-Аарава, на севере Мертвого моря, через Эйн-Геди, Сдом и малую котловину, через неделю дошли до Бейт-Эшель, около Беер-Шевы. Этот поход, особенно посещение Масады, было полно незабываемых впечатлений, мечтой, воплотившейся в реальность.

Вняли нашей просьбе участвовать в акциях по спуску нелегальных репатриантов с корабля.

12 марта 1947 мы вышли с подразделениями Пальмаха — нести охрану берега около Ницаним, куда должен был прийти корабль "Шабтай Лозинский", которому удалось прорвать морскую блокаду британцев после того, как несколько кораблей было захвачено в открытом море, и нелегальных репатриантов отправили в концлагеря на Кипре.

Британцы обнаружили корабль "Шабтай Лозинский" после того, как большинство беженцев сошло на берег. Они взяли в

кольцо весь участок, примыкавший к причалившему кораблю. Нам удалось ускользнуть британцев через пески вдоль берега и привести большую часть беженцев в безопасные места в окрестных поселениях. Британцы арестовали часть беженцев, и многие местные жители поселений бросились на помощь и смешались с беженцами, оставшимися на берегу. Все арестованные, в большинстве местные, которые противились опознанию из солидарности с беженцами, были депортированы на Кипр.

Начало моих учебных полетов откладывалось несколько раз. Неисправности самолетов, отсутствие инструкторов, зимняя погода, все это отодвигало это начало. Первый мой учебный полет произошел 11 мая 1947. Моим инструктором был Рапопорт, лет пятидесяти, который изучал летное дело в Германии до прихода Гитлера к власти. Первые упражнения были посвящены взлету, посадке и облету летного поля. Затем начали летать на более дальние расстояния. Когда я налетал 11 часов и 50 минут, мне было разрешено лететь "соло" после того, как главный инструктор Брайер проэкзаменовал меня. Оказаться одним в самолете — событие необычайное. После облета летного поля я благополучно приземлился с подпрыгиванием на кочках. Это было чувство победы. В последующие месяцы я много летал в одиночку над пространством страны, по разрешенным для полета "коридорам", налетая часы в воздухе. Такие места, как Шхем и Хеврон я увидел сначала с воздуха, прежде, чем их посетить.

В начале августа банда арабов убила нескольких евреев в кафе "Сад развлечений", севернее речки Яркон, вблизи арабского села Шейх-Мунис.

Йерухам Коэн из штаба Пальмаха приехал в кибуц Наан, и я вместе с Пиней Бен-Поратом, который только вернулся с курсов летных инструкторов заграницей, получили задание сфотографировать с воздуха Шейх-Мунис перед операцией возмездия. На следующий день мы выехали в Рамле, достали фотоаппарат из тайника и поднялись в самолет. Фотоаппарат следовало спрятать от инструкторов и техников компании "Аэроплан". Пиня повел самолет в район полиции, там я сел за руль, а Пиня фотографировал. Мати Сукеник ждал нас в поле, вблизи кибуца Наан. Мы сбросили ему пленку и улетели в Рамле. 15 августа отряд "Хаганы" провел операцию возмездия против арабских убийц.

Летом мы увеличили ритм учебных занятий. Пиня бен-Порат приступил к инструктажу, и число курсантов увеличилось. Компания "Аэроплан" приобрела еще самолеты. Мы знали, что времени у нас мало, и страна приближается к политическому

решению, которое приведет к войне.

В августе 1947 комиссия от имени ООН представила рекомендации по решению проблемы в Палестине. Комиссия единогласно рекомендовала отменить британский мандат. Большинство в комиссии предлагало разделить страну и создать два государства — еврейское и арабское — с международным правлением в Иерусалиме. Меньшинство предложило создать федерацию евреев и арабов. Арабы заявили, что не примут эти предложения, и стали угрожать войной.

Приближался решительный час.

29. Назавтра, 29 ноября 1947

Утро 29 ноября 1947. Последний день курса, который я вел с офицерами подрывниками Пальмаха. Командир роты обещал мне, что после двух выпусков курса, мне будут даны несколько месяцев для учебных полетов, и меня освободят от инструктажа подрывников. Курс начался три недели назад в кибуце Ашдот-Яаков в Иорданской долине. К концу ноября мы перешли в кибуц Рухама на севере пустыни Негев. Там, не беспокоясь, что нас засекут британцы, мы могли проводить полевые завершающие занятия по подрывному делу, за которые я отвечал. Мы вышли из кибуца в полуденные часы, чтобы выполнить дневные практические занятия на полигоне, а после вечернего отдых начали серию ночных занятий по подрывному делу, включающих техническую подготовку и действия звена по подрыву мостов, домов, закладыванию мин на дорогах и системы рассеивания минных полей. Основные наши усилия были сосредоточены на ночных занятиях, ибо именно, ибо это был главный метод нашей войны.

К утру мы выехали прямо с полигона на автобусе в Тель-Авив, откуда курсанты должны были разъехаться по своим подразделениям. Издалека мы увидели в кибуце Эйнот развевающиеся флаги. А в Ришоне-ле-Ционе наткнулись на группы празднующих людей. Остановили автобус, и сошли узнать причину радости и вывешенных флагов. И тут выяснилось, что во время наших ночных занятий по подрывному делу, Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла решение о разделе Палестины на два государства — еврейское и арабское. Крики радости раздались в автобусе, который продолжил путь в Тель-Авив. Там мы тоже встретили ликующие толпы. В приподнятом настроении мы пели всю дорогу. Я сказал моей подруге Мириам Шхор, которая была в группе охранников курса, и сидела со мной рядом в автобусе: "Знают ли все эти празднующие и поющие люди, что назавтра им придется идти на войну?

Спустя несколько часов арабы атаковали автобус с евреями около Лода, убили пятерых пассажиров и ранили семерых. Это было начало.

По решению Ассамблеи ООН 29 ноября 1947 британский мандат должен был быть завершен не позднее 15 мая 1948. Комиссия ООН должна была оказать помощь в создании двух государств, еврейского и арабского, и в установлении международной опеки над Иерусалимом. Комиссия возложила на Британию задачу до своего ухода из страны, постепенно передать

управление государственными делами суверенным учреждениям, которые будут созданы евреями и арабами.

Арабы под руководством "Высшего арабского совета", во главе которого стоял сотрудничавший в прошлом с нацистской Германией Хадж Амин Хусейни, муфтий Иерусалима, отвергли решение ООН. Они требовали ликвидации сионистского образования и провозглашения арабского государства на всей территории Палестины. При активном содействии арабских государств они начали войну против еврейского анклава, чтобы подорвать решение ООН. У палестинских арабов не было организованной военной силы, а только действующие разрозненные группы и резервный потенциал населения. У ветеранов арабских банд, участвовавших в еврейских погромах 1936–1939 годов, был некий опыт неорганизованной войны, и они были, по сути, силой арабского сопротивления. Банды эти объединялись вокруг своих вождей, атаманов, из которых наиболее известными были Абд Эль Кадр аль Хусейни и Хасан Саламе. Банды эти пользовались широкой поддержкой арабского населения в местах своих действий. Тысячи крестьян собирались по призывному сигналу тревоги, когда возникала необходимость атаковать евреев. В руках у них было легкое оружие.

Военный потенциал арабов Палестины включал две полувоенные организации "Анаджара" и "Фотвауа", в которых было около десяти тысяч, в основном, городских арабов, ранее служивших в британских войсках и в мандатной полиции. Они составляли резервную обученную силу. В британской полиции служили тысячи арабов, часть которых дезертировала вместе с оружием и присоединилась к войне против евреев.

В стране находилась также арабская армия: иорданский легион под британским командованием, число хорошо обученных солдат которого, включая пограничные части, составляло около десяти тысяч. Легион был вооружен броневиками и артиллерией. Уже в начале военных действий подразделения легиона включились в бои против евреев. Арабские государства создали отряды добровольцев, посылали оружие и деньги палестинским арабам в поддержку войны. "Армия спасения" под командованием Каукджи, из вожаков банд 1936–1939, организовалась в Сирии и Ливане. Тысячи его солдат, в основном, добровольцы из арабских стран, вторглись в северные районы страны, начав наступление на еврейские поселения. Из-за внутренних распрей, арабы не сумели создать единое командование всех сил, начавших войну против евреев.

Воинские силы еврейского анклава составляла, главным образом, Хагана со своими подразделениями Пальмаха,

пехотными и гарнизонными войсками, а также силами ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ. К началу войны за Независимость в Пальмахе было 11 действующих рот и 4 — в резерве, более трех тысяч бойцов, организованных в четыре батальона, три из которых находились в Галилее, Издреельской долине и Негеве. Четвертый батальон представлял штаб, который включал моряков, летчиков, разведчиков, и другие особые подразделения. Пальмах был наиболее подготовленной силой, находящейся в распоряжении Хаганы, и полностью мобилизованной. Пехотные силы составляли десять тысяч человек в возрасте 18–25 лет, разбитые на роты, которые проходили военную подготовку вечерами и по субботам. Пехотные командиры имели более длительную военную подготовку на курсах. Пехотные силы не были закреплены за определенными местами боевых действий, а готовились к введению в бой там, где в этом возникала необходимость. В гарнизонных войсках служили мужчины старше 25 лет, и в их обязанности входила защита самих поселений. Войска эти распределялись по районам и областям, и насчитывали около 30 тысяч человек. Молодежные батальоны (Гадна) включали в себя потенциальный резерв парней и девушек в возрасте 14–17 лет. Сельскохозяйственные поселения защищались силами самообороны. Вдобавок к этим силам, в распоряжении Хаганы были 1800 человек "еврейской поселенческой полиции", официально приданные британской полиции, но, по сути, представляли ответвление Хаганы.

Силы ЭЦЕЛя насчитывали 2000–3000 человек, но только часть из них составляла боевое ядро организации, большинство же помогало, но не участвовало в акциях за неимение боевого опыта. ЛЕХИ составляло несколько сотен боевиков. И еще 27 тысяч евреев, демобилизованных из британской армии, среди которых были офицеры и сержанты, обладавшие военным опытом, и они были важнейшим людским резервом для создания регулярной армии.

По общей раскладке сил еврейский анклав превосходил палестинских арабов, но должен брать в расчет возможное вмешательство регулярных войск арабских государств, учитывая их численную мощь, включающую самолеты, танки и артиллерию, и это несло самую ощутимую угрозу. Возможным источником поддержки еврейского анклава было мировое еврейство, тысячи из которых готовы были сражаться за еврейское государство.

Британское правительство было против решения ООН и ставило всяческие препоны его исполнению, ибо хотело и дальше властвовать над страной, а Ассамблея четко установила, что

власть эта должна завершиться. Арабское сопротивление было британцам на руку, шло в русле британской политики.

И британцы делали вид, что не замечают действий арабских банд, открытия границ, потока оружия и добровольцев, и лишь сдерживали защитные действия евреев.

На следующий день, после решения Ассамблеи ООН, арабы начали боевые действия против евреев.

Приехав 30 ноября в Наан, я узнал, что летная часть перебазировалась накануне в кибуц Ягур, а самолеты компании "Аэроплан" — в Хайфу. Рамле была арабским враждебным городом, и было ясно, что подходы к летному полю будут подвергаться опасности, и, быть может, станут вообще невозможными. Существовала также реальная опасность нанесения ущерба самолетам. Даже в мирное время арабы швыряли в нас камни на пути к летному полю. Потому штаб Пальмаха решил перевести летную базу на север. Я попрощался с Мириам и выехал в Тель-Авив. Оттуда автобусом добрался до Хайфы, затем, до Ягура. В автобусе ощущалось напряжение. Только что по радио сообщили о нападении и убийствах на аэродроме в Лоде. Заголовок в вечерней газете сообщал, что "Высший арабский совет" объявил трехдневную всеобщую забастовку в знак протеста против решения ООН. Из прошлого опыта, мы знали, что такие забастовки сопровождаются разгулом и убийством евреев. По дороге между Хайфой и Ягуром, в большом арабском квартале Балад-А-Шейх, около Нешера, наш автобус закидали камнями, разбив стекла. К вечеру я уже был в своей части. И это после долгого дня, полного переживаниями и событиями: занятий по в по подрывному делу в полях кибуца Рухама в Негеве, поездки через южные поселения в Тель-Авив, празднующий решение ООН, посещения кибуца Наан и прощания с Мириам, груд камней, швыряемых в автобус при проезде через Балад-А-Шейх, приезда в Ягур, где я провел свои первые дни в стране.

30. Снова бои

Первого декабря мы начали учебные полеты на летном поле у Хайфы, в зоне Хайфского залива, которое было гораздо просторнее аэродрома в Рамле. Здесь была бетонная взлетная полоса. Условия полета были иными, главным образом, из-за близости горы Кармель, моря и нефтеперерабатывающих заводов, но мы достаточно быстро приспособились к новым условиям. Знали, что время учебы весьма ограничено, и потому старались использовать его до предела.

Газеты сообщали обо все увеличивающейся волне нападений на евреев. В Иерусалиме арабские погромщики напали на еврейский торговый центр и сожгли его. На границе между Тель-Авивом и Яффо, и в Хайфе арабские снайперы вели огонь по еврейским кварталам. По дорогам арабы атаковали еврейский транспорт, особенно вблизи арабских поселений или при проезде через сами эти поселения. Прекратилось движение одиночных автомобилей. По дороге в Иерусалим, в Негев и в отдаленные еврейские поселения машины ехали колоннами в сопровождении бойцов Хаганы. Пальмах взял на себя охрану транспорта по дороге на Иерусалим, ибо она проходила по территории, где проживали арабы. На первых страницах газет печатались в черных рамках имена евреев, погибших в этих нападениях и столкновениях. Силы безопасности британцев, которые несли ответственность за порядок на дорогах, предпочитали стоять в стороне, и даже пальцем не шевелили, чтобы остановить нападения арабов. Чаще всего они останавливали транспортные колонны евреев, арестовывали сопровождавших еврейских охранников и отбирали у них оружие. Такое поведение британцев подхлестывало наглость фанатиков в среде арабов, вовлекая в действия против евреев все большее число арабского населения.

После нескольких дней учебных полетов на Хайфском летном поле, мы получили приказ перевести самолеты на летное поле в Лод, ибо наша летная часть была единственной военно-воздушной силой Хаганы, и должна была находиться в центре еврейского анклава, вблизи штаба. После недолгого пребывания в Лоде, решено было перевести нас на взлетное поле "Электрической компании", севернее Тель-Авива, рядом с электростанцией Риддинг. Аэродром у Лода не подходил, ибо находился в окружении арабских поселений, и поездка туда была сопряжена с опасностью. Первая атака с жертвами после решения Ассамблеи ООН, была совершена у аэродрома Лода. Место не подходило еще потому, что находилось под командованием

британцев, и вся наша летная деятельность была перед ними, как на ладони. В любой момент они могли конфисковать наши самолеты, а нас арестовать. Перелет из Лода в Тель-Авив был совершен тайно от диспетчерской башни аэродрома, в вечерние часы, чтобы британцы не остановили этот перелет в последний миг.

После перелета в Тель-Авив, летная часть перешла из командования Пальмаха под командование Хаганы, которое решило создать "авиационную службу", как подразделение военно-воздушных сил, и сконцентрировать в его рамках всех летчиков и все самолеты, находящиеся в стране. В это подразделение вошли пилоты, служившие в военно-воздушных силах Британии и союзников, летный отряд Пальмаха, и летчики, проходившие учебу в рамках "Летного клуба Израиля:, всего 40 летчиков, 11 легких самолетов и один двухмоторный.

Это было первое ядро будущего военно-воздушного флота Израиля.

Жили мы в "Доме членов профсоюза (Гистадрута)", на севере Тель-Авива. Там впервые мы встретились с пилотами, служившими в британской военной авиации, среди которых был Эзер Вейцман и другие. Они налетали в воздухе много часов, в отличие от нас, накопили опыт в ведении боевых и транспортных самолетов. Рядом с ними мы были начинающими курсантами, но принесли с собой боевой дух Пальмаха, желание и устремленность сражаться. Встреча между нами и ними принесла в будущем большие достижения "авиационной службе" в боевых действиях войны за Независимость.

В начале декабря я провожал в последний путь мою подругу Мириам Шхор, которая вместе с еще пятью бойцами Пальмаха выехала 9 декабря охранять водопровод в западном Негеве, у кибуца Нирим. У них был всего один автомат "Стен" в разобранном виде, чтобы скрыть его от британцев. Банда арабов атаковала их и расстреляла всех шесть человек группы охраны, не успевшей собрать автомат. Я расстался с Мириам 30 ноября, перед перелетом из кибуца Наан в Ягур. В ту же ночь взвод их уехал в Негев на охрану линий водопровода, несущего влагу жизни еврейским поселениям на юге. В этой акции Мириам погибла. Она с товарищами была похоронена на военном кладбище в Нахалат-Ицхак.

"Авиационная служба" находилась в стадии организации. Потому в течение декабря не было учебных полетов. Не мог я сидеть, сложа руки. Обратился к командиру подрывников Пальмаха Хаиму Зингеру с просьбой включить меня в боевые действия подрывников, пока прекращены полеты.

Подрывная деятельность стала главной в наших атакующих акциях против арабов, и ощущался явный недостаток в профессиональных офицерах-подрывниках. Я участвовал во многих подрывных акциях, превратившись в летчика-подрывника.

Из-за недостатка в Т.Н.Т. химики в Хагане создали новый сорт взрывчатки, из калия. Эту взрывчатку называли "шедит" (чертовка). Она была весьма чувствительной, попадание в нее пули могло вызвать взрыв, что представляло смертельную опасность для подрывника и окружающих его. В одну из суббот мне пришло сообщение — немедленно прийти к Хаиму Зингеру. Выяснилось, что решено провести акцию против отряда снайперов, укрывающегося в доме в цитрусовом саду, на окраине арабского села Саламе, откуда они обстреливали квартал южного Тель-Авива — Шхунат Атиква. В этой акции было решено впервые — ввести в действие новую взрывчатку.

Я вышел с группой подрывников. Акция должна была быть произведена в вечерние часы, когда солнце было за нашими спинами и ослепляло арабов.

Два пехотных отделения из Тель-Авива открыли огонь по позиции арабов, и я во главе подрывной группы приблизился к дому, со двора которого раздавались в нашу сторону одиночные выстрелы. Больше всего я боялся, что пуля попадет во взрывчатку, и от всей нашей группы и памяти не останется. Но все прошло нормально. Огонь прикрывающих нас отделений заставил замолчать стрельбу со стороны врага. Мы побежали к арабской позиции, я прикрепил взрывчатку к угловому столбу, поддерживающему дом, зажег бикфордов шнур. Мы рванули бегом с места. Через тридцать секунд оглушительный взрыв потряс всю окрестность. Дом со всеми столбами и снайперами рухнул, мгновенно превратившись в груду развалин. Моя белая субботняя рубаха, которую я надел, собираясь на акцию, стала черной от копоти. Новая взрывчатка доказала себя с лучшей стороны. Многие месяцы, до получения Т.Н.Т., новая взрывчатка сослужила нам отличную службу.

Большое арабское село Яазур (сегодня Азур), восточнее сельскохозяйственной школы Микве-Исраэль, стояло на центральном шоссе, ведущем из Тель-Авива в Иерусалим и к южным поселениям. Это было село бесчинствующих погромщиков, все время нападавших на еврейский транспорт, движущийся по шоссе. Было немало жертв. 22 января арабы села атаковали "тендер" еврейских охранников, нарвавшийся на мину, и все шесть пассажиров тендера погибли. Силы Хаганы и Пальмаха, отвечающие за безопасность движения еврейского транспорта всей этой территории, провели несколько операции

против убийц из этого села. В конце января 1948 в качестве командира отряда подрывников я вышел на операцию против бандитов Яазура. Подразделение Пальмаха под командованием Нахума Ариели атаковало три цели в селе. Это были позиции, с которых арабы нападали на транспорт евреев на шоссе. Две цели были на северной стороне шоссе, пересекавшем село. Третья цель была по южную сторону шоссе. Моей группе следовало взорвать эту позицию и дом, из которой с юга арабы вели свои атаки. С наступлением темноты мы вышли из цитрусовых садов Микве-Исраэль. В нашей группе было 20 бойцов. В 150 метрах от цели арабы нас обнаружили и открыли по нам оружейный огонь. Мы ответили сильным огнем в сторону дома, с крыши которого шла стрельба. Я швырнул в дом гранату, и мы ворвались на первый этаж. Закладка взрывчатки, зажигание бикфордова шнура и отход взяли несколько минут. Мы отдалились на сорок метров от цели, когда раздался взрыв. Дом превратился в груду развалин, все арабы, занимавшие эту позицию на крыше, погибли.

У израильской строительной компании "Солель-Боне" были большие каменоломни рядом с арабским селом Маджел-Садек, на иврите Мигдал Цедек, что означает — Башня справедливости, расположенные восточнее Петах-Тиквы. Бесконечные атаки арабов заставили компанию прекратить работы и оставить каменоломни ночью, чтобы арабы этого не заметили. На меня было возложено — взорвать все оборудование по добыче камня для строительства. Я добрался до каменоломни в день, когда собирались ее оставить, вместе командиром роты Дани Даноном, два отделения которой защищали место. В течение нескольких часов я подготовил все к взрыву. Рота оставила место пешим ходом. Остались трое, командир роты, водитель броневика и я. Огни электричества горели на месте, как обычно. Перед тем, как покинуть место, я вложил патроны взрывателя во взрывчатку, поставил пехотную мину у входа на боевой взвод. Мы приехали на броневике в Петах-Тикву. Около лагеря Рош Аайн в нашу сторону раздались выстрелы. Ночью все сооружения и оборудование каменоломни были взорваны.

Арабский город Рамле превратился в центр банд Хасана Саламе, которые атаковали еврейские поселения и транспорт по дороге на Иерусалим. Силы Хаганы осуществили несколько операций против баз этих банд в Рамле и его окрестностях, но нападения арабов продолжались. Из разведки было передано в штаб Пальмаха, что есть возможность внедрить бомбу, замаскированную в корзине овощей, в место сбора бандитов. На меня и Йегуду Венеция, тоже офицера-подрывника при штабе Пальмаха, была возложена миссия — подготовить взрывное

устройство. После поисков арабской корзины, выяснилось, что их изготовляют в Яффо, но с начала декабря еврей не может туда войти. Я собирался вернуться без корзины в лагерь Сарона, к складу наших подрывных средств, и тут встретил старика-еврея, в руках которого была нужная нам корзина. После просьб и увещеваний старик согласился отдать мне корзину, но ни за что не хотел взять за нее плату. По хитрой стариковской улыбке, с которой он протянул мне корзину, было ясно, что он догадывается: корзина предназначена не для обычной цели.

Мы приготовили в корзине взрывчатку весом в 3 килограмма, обложив ее гвоздями и винтиками. Приделали ловушку. Любой, кто попытается разрядить "бомбу", приведет к ее взрыву. Сверху все прикрыли овощами. Встреча с нашими разведчиками была в цитрусовом саду около Ришона-ле-Циона. Поехали туда на мотоцикле Йегуды Венеция, я сидел сзади него и держал в руках корзину с взрывчаткой. Ехали мы по проселочной дороге до места встречи, через цитрусовые сады Микве-Исраэль, Моледет, Ришона-ле-Циона, чтобы обогнуть шлагбаумы британцев. Дорога была полна кочек и выбоин, каждый толчок мог привести к сдвигу взрывчатки, к включению запала и печальному концу. Мы вздохнули с облегчением, доехав до назначенного места и передав бомбу тем, кто должен был ввести ее в действие. Вечерние газеты сообщили огромными заголовками о десятках убитых членах банд Рамле от взрыва бомбы в месте их сбора.

Я был послан вести инструктаж по подрывному делу объединенному курсу Пальмаха и пехотных подразделений в Рамат-Адар около Раматаима. На этом курсе мы впервые изучали закладку минных полей против пехоты и танков. Мы знали, что с уходом британцев 15 мая нам предстоит сражаться против армий арабских государств, и в отсутствие у нас танков и противотанкового оружия, необходимо было воспользоваться минными полями для защиты. На этом курсе я познакомился с Михаль, красивой светловолосой девушкой, не представляя себе, что она станет моей женой. Встретил ее на пути, когда вел группу курсантов на учебную акцию по уничтожению вражеского моста, а она возвращалась с дежурства на станции скорой помощи Хаганы. Встреча была короткой, но возникла первая связь на долгие годы жизни.

6 марта, в пятую годовщину выхода "группы Швенченис" из гетто в лес, мы встретились в Тель-Авиве, члены группы, что отметить эту дату. Встреча была назначена до 29 ноября, и мы решили ее провести, несмотря на все события в стране. Пришли все члены группы, находящиеся в Израиле: Мотка Бошкениц, Саул Михельсон, Моше Шутан, Моше-Юдка Рудницкий, Иосиф

Флексер, Рувин Левин, Мотка Фейгель и другие. По сути, здесь собралось большинство товарищей, вышедших пять лет назад, в дождливую ночь, из гетто, обреченного уничтожению. Явился и Мотка Зайдель, который сбежал с группой заключенных, сжигавших трупы из ям Понар, и Сендер Коварский, воевавший в рядах Красной армии, трижды раненный на восточном фронте. С некоторыми я раньше встречался в Израиле, другие репатриировались недавно, и это была наша первая встреча после леса. Большинство пришло прямо с оборонительных позиций Тель-Авива-Яффо. Другие — с позиций у арабской Кфар-Сабы, из водительских кабин колонн, везущих продовольствие в Негев. Одежда и оружие в наших руках напоминали партизанский отряд. Сидели допоздна и вспоминали подполье в гетто, партизанскую жизнь, помянули погибших товарищей.

Атаки местных арабских банд и нерегулярных войск, вторгшихся в страну из арабских стран, множились и усиливались. Была необходимость защищать сотни еврейских поселений, частью отдаленных, по всей территории страны. Было трудно поддерживать с ними связь. Делалось это с помощью транспортных колонн под охраной, которые все время подвергались нападениям. Война велась по дороге на Иерусалим, а оттуда далее, на пути в Гуш-Эцион в Хевронских горах. То же происходило на южных дорогах, в Негеве, и в других районах. Эту связь с отдаленными поселениями осуществляли наши легкие самолеты, поставляя необходимую срочную помощь в медицинском оборудовании, продовольствии, боеприпасах. Посадочная площадка около электрической станции на севере Тель-Авива все еще охранялась британскими и арабскими полицейскими, и полеты эти проводились, как спортивные учебные. В те дни у нашей летной части было первое боевое крещение. Пиня бен-Порат повез на самолете врача в отрезанное от анклава поселение Бейт-Эшель. Когда он там приземлился, ему стало известно, что соседнее поселение Набатим атакуют арабы. Пиня взял в Бейт-Эшеле автомат "Брен" и гранаты, взлетел вместе с одним из товарищей из Бейт-Эшеля в сторону Набатим. Появившись над бандой атакующих арабов, обстрелял их из автомата и швырнул гранаты. Бандиты в панике разбежались. В феврале я летел вместе с Ади Коэном, летчиком-добровольцем из Южной Африки, в Гуш-Эцион. Ади вел самолет, а я бросал ящики с боеприпасами людям поселения, ожидавшим нас внизу.

27 марта из Иерусалима выехала транспортная колонна в Гуш-Эцион, везущая стройматериалы для укреплений и людское подкрепление, чтобы Гуш-Эцион мог выстоять против атак арабов. Колонну составляли сорок грузовиков с кабинами шоферов,

обшитыми броней, сопровождаемых несколькими броневиками охраны. Колонна, заставшая арабов врасплох, благополучно прибыла в Гуш-Эцион, разгрузилась и, спустя несколько часов, двинулась обратно в Иерусалим, увозя с собой из поселения женщин и детей. Колонна наткнулась на преграду в виде огромных груд камней, преградивших дорогу, и на тысячи сельчан арабских сел, поддерживающих банды, которые устроили засаду и открыли по колонне огонь. Колонна застряла на шоссе. Часть грузовиков сгорела, часть перевернулась, совсем забив дорогу. Охрана вела ответный огонь прямо из машин и дома, который захватили не обочине. Число убитых и раненых среди людей колонны росло с каждым часом. Силы британской армии прибыли в район, но стояли в стороне, не вмешиваясь в бой. Из колонны пришло сообщение в Иерусалим и в штаб Пальмаха в Тель-Авиве с просьбой о помощи. Из-за невозможности помочь наземной операцией, решено было ввести в действие наши легкие самолеты, произвести бомбардировку банд, чтобы облегчить положение застрявшей колонны. Всю ночь мы работали по монтажу некого подобия бомб в складе подрывников Пальмаха в центре Тель-Авива, в домах Кирии, заполняя небольшие баки газом и взрывчаткой. Вес бомбы составлял 3 килограмма. За ночь мы приготовили 15 таких бомб. Как летчик и подрывник, я требовал, чтобы мне дали возможность вести самолет в Наби-Даниель и сбросить бомбы. Утром мы загрузили на самолет 4 бомбы и вылетели к цели. Обнаружили десятки машин колонны южнее Бейт-Лехема (Вифлеема). Людей мы не видели и предположили, что они находятся вблизи машин или внутри их. При инструктаже перед взлетом нам передали, что атакующие арабы находятся на холмах, господствующих над шоссе, вокруг колонны, и на них мы должны были сбросить бомбы. Мой товарищ вел самолет, а я зажег бикфордов шнур спичкой, время горения которого было 12 секунд, и бомбы частично взорвались в воздухе, частично на земле. Это было, очевидно, первая бомбардировка в войне за Независимость, но она не изменила трудность обстановки с застрявшей колонной. Вмешательство британцев и безвыходное положение заставило людей колонны им сдаться. Оружие и бронированные машины были конфискованы. Вопреки обещанию этого не делать, британцы передали эти машины арабам.

Нам было по секрету передано, часть пилотов улетела в Чехословакию, пройти там летную подготовку на самолетах типа "Мессершит", которые прибудут в страну после ухода британцев. До отъезда все мы прошли медицинскую проверку, и тогда мне стало известно, к полному моему удивлению, что я дальтоник, и

потому не смогу выехать на курс в Чехию. Так завершилась боя летная одиссея. Командир "авиационной службы" предложил мне службу в штабе, который находился в процессе организации. Я ответил, что в трудные дни войны я не буду служить в штабе. Несколько дней колебался, что делать: продолжать летать на легких самолетах или вернуться в Пальмах, к моей второй профессии — офицера-подрывника. Операция "Нахшон" отбросила мои колебания.

31. Операция «Нахшон» и транспортная колонна «Арель» в Иерусалим

В конце марта 1948 мы пришли к кризисному перелому в войне на дорогах. Бой в Наби-Даниель, уничтожение колонны в Йехиаме в западной Галилее, атака на колонну около Хульды по дороге на Иерусалим доказали, что система колонн в сопровождении охраны себя исчерпала. Арабы сумели парализовать пути, проходящие через территории с арабским населением и нанести нам тяжелые потери. Сотни машин, среди которых немало броневиков, были нами потеряны. Количество погибших за четыре месяца войны составляло 1200 человек. Арабы тоже дорого заплатили, и их потери в имуществе и людях во много превысили потери еврейского анклава, но реальность на этом этапе войны была такова, что Иерусалим был отрезан от низменности, а близкие к нему еврейские поселения — от него. Также в Галилее и Негеве целые районы были отсечены от центра. Система транспортных колонн под охраной приводила к рассеиванию сил Хаганы по всей территории страны, и давала в руки арабов инициативу сосредоточивать силы для атаки на эти колонны в нужном им месте и времени. Именно, это трудное положение привело к «операции Нахшон», приведшей к великому перелому в войне.

Сначала было решено сосредоточить силу в 1500 бойцов, прорвать и овладеть дорогой на Иерусалим. Важность Иерусалима делала его фокусом этой войны, и успех или поражение на фронте предопределяли судьбу и результаты всей войны. Решение верховного командования Хаганы сконцентрировать необходимые силы для операции, должно было обнажить и ослабить другие секторы фронта, на которых тоже положение было не из легких. Было также опасение британского военного вмешательства в место необычно большой концентрации еврейских сил, и их попытке овладеть дорогой на Иерусалим. Но, несмотря на все это, было ясно, что необходим риск, если мы намереваемся изменить существующее положение.

По плану операция должна была начаться с двух сторон. Четвертый батальон Пальмаха, "штурмовой батальон", должен был действовать на участке между Иерусалимом и Шаар-Агай (Воротами ущелья из низменности в Иерусалимские горы). Другой батальон, состоящий из роты Пальмаха, под

командованием Якова Стоцкого и двух рот из других подразделений, получил сектор действий на участке Хульда-Латрун. Командиром этого батальона был Хаим Ласков. Всей операцией командовал Шимон Авидан.

В последние дни марта я был вызван в штаб Пальмаха, и мне предложили участвовать в операции "Нахшон" в качестве командира взвода подрывников батальона Ласкова. Это было спустя несколько дней после того, как выяснилось окончательно, что я не смогу отправиться на летную учебу в Чехию, и потому я без колебаний принял предложение.

Бойцы-подрывники взвода были собраны в течение считанных дней из других частей, а весь батальон был сформирован в районах Наан и Хульда. Еще до начала операции в Беер-Тувии, ночью, на заброшенном летном поле, приземлился транспортный самолет Хаганы, привезший оружие из Чехии, и утром взлетел, так, что британцы вообще не засекли его. На следующий день в тель-авивском морском порту пришвартовалось судно "Нора" с 200 пулеметами и 4000 единицами чешского стрелкового оружия. Все это дало возможность вооружиться силам, участвующим в операции "Нахшон". Я получил винтовки для взвода на складе в северном Тель-Авиве, вблизи электростанции. Мы чистили оружие от грязи и смазки прямо в автобусе. По дороге в Хульду.

3 апреля, ночью, рота Пальмаха захватила арабское село Кастель, важнейший участок восточного сектора шоссе Иерусалим-Тель-Авив. Спустя два дня был атакован командный пункт Хасана Саламе, который стоял во главе арабских сил в районе города Рамле. Эти акции были подготовкой к операции "Нахшон".

Сама операция началась на рассвете 6 апреля. Целью было захватить ночью участки шоссе, которым угрожали арабы, и провести в Иерусалим транспортную колонну с продовольствием после нескольких недель полного отсутствия связи города с низменностью. Четвертый батальон Пальмаха расположил свои силы на участке между Шаар-Агай и Неве-Илан. Наш батальон внезапной атакой захватил арабскую часть села Хульда и Дир-Мохизан. В оставленном британцами военном лагере Вади-Сарар (Нахал Сорек), находящемся в 5 километрах южнее Хульды, закрепились сотни иракских добровольцев, которые атаковали последнюю транспортную колонну в Иерусалим. Они теперь могли атаковать и новую колонну. Наша рота устроила засаду между арабским селом Хульдой и лагерем Вади-Сарар. Мне было дано задание — взорвать шоссейный мост, соединяющий лагерь с перекрестком Хульда, в 500 метрах от лагеря. Предполагалось, что с выездом транспортной колонны из Хульды, иракцы это

заметят, и выедут на машинах и броневиках, с целью атаковать колонну, как они это делали в предыдущих случаях. Я должен был дать им переехать мост, и в момент, когда они окажутся в пределах нашей засады, взорвать за их спинами мост, чтобы они не смогли вернуться к своим машинам.

Я вышел с отделением подрывников и отделением охраны. В полночь мы добрались до цели. Расположив отделение охраны около моста, я спустился с подрывниками под мост. Прикрепили четыре взрывчатки общим весом в 50 килограмм к столбам, поддерживающим мост, соединив их замкнутой цепью бикфордова шнура. Я вставил электрический взрыватель в заряд, и мы раскатали электрический кабель на расстояние 30 метров от моста. В течение десяти минут мы завершили все приготовления. Приказал всему взводу отойти на достаточное расстояние, а я с еще двумя подрывниками залегли в передней позиции, готовые к взрыву. На рассвете я увидел издали транспортную колонну — 60 грузовиков, выехавших с включенными фарами из Хульды. Крики на арабском слышны были в лагере. Время шло, еще немного должна была взойти заря, а нам следовало покинуть место до восхода солнца. Иракцы покрывали огнем все шоссе Латрун-Масмия, по которому продолжалось движение воинских частей британцев. Огни нашей колонны исчезли в сторону Латруна, а на востоке горизонт зарозовел. Иракцы не вышли из лагеря. То ли подозревали засаду, то ли опешили от неожиданности, с которой возникла транспортная колонна, и не успели подготовиться к атаке. Я решил, что настал последний момент отступить, не подвергая лишнему риску бойцов, дал команду отдалиться от места и включил взрывные устройства. Гигантский гриб огня и дыма и оглушительной силы взрыв потрясли окрестность. Мост взлетел в воздух. С наступлением утра мы пришли в Хульду. Колонна благополучно прибыла в Иерусалим. На следующий день вмешались британцы и заставили нас освободить Дир-Мухизан.

Операция продолжалась. Иракцы не давали нам покоя из лагеря Вади-Сарар. Решено было захватить лагерь и подорвать его. Это должна была сделать стрелковая рота, которой был придан наш взвод подрывников. Мы атаковали лагерь ночью, но противник покинул его без боя. Под утро мы взорвали все лагерные строения, и на обратном пути в Хульду прошли мимо моста, взорванного мной несколько дней назад. Мост был разрушен дотла и не подлежал восстановлению.

Западный сектор операции "Нахшон" был в наших руках. Главные бои шли в восточном секторе. 8 апреля арабы атаковали большими силами Кастель, положение ухудшилось, и был дан приказ отступить. Командир роты Пальмаха Нахум Ариели,

прикрывающей отступление, дал приказ, ставший воспитательным примером для бойцов Пальмаха. Приказ был: "Всем рядовым отступать, командиры прикрывают отход". Нахум Ариели погиб в этом бою. Я познакомился с ним при операции против арабских баз в Яазуре, в которой участвовал. Это был один из лучших командиров Пальмаха. В этом бою у Кастеля погиб также командир арабских сил в районе Иерусалима Абдул Кадер Аль Хусейни. Через день после отступления наши силы снова взяли Кастель.

Огромная транспортная колонна, которую составляли 200 грузовиков с продовольствием и необходимым оборудованием, поднялась в Иерусалим 13 апреля и в тот же день вернулась в Тель-Авив. Операция "Нахшон" достигла своей цели, и подразделения, которые были сформированы специально для этой операции из разных частей, вновь были расформированы и вернулись в свои части.

Пока шла операция "Нахшон", на севере страны продолжались бои, принесшие успехи наши силам. В районе Мишмар-Аэмек понесли поражение силы арабов под командованием Каукджи, а районе Рамат-Йонатан был разбит батальон друзов, вторгшийся из Сирии. В операции "Нахшон" впервые была задействована сила целого полка. Опыт, обретенный в операции "Нахшон", был весьма важен нашим силам в дальнейших испытаниях.

Время ухода британцев из страны и вторжения войск арабских государств в Израиль приближалось. Перед силами Хаганы стояла проблема — овладеть территориями страны, постепенно освобождаемыми британцами, создать цельное беспрерывное пространство еврейского присутствия до вторжения регулярных арабских армий. Верховное командование Хаганы разработало так называемый "план Д." Он предусматривал формирование полков Хаганы, расположение их боевых порядков на территориях страны и оперативные планы их действий. Во второй половине апреля силы Хаганы начали реализацию этого плана. В течение месяца они очистили от арабских вооруженных сил значительную часть территории, заселенной евреями, и к моменту ухода британцев из страны, в руках Хаганы были города Тверия, Хайфа, Цфат и Яффо.

В рамках формирования сил Хаганы, несущих ответственность за путь в Иерусалим и движение по нему транспортных колонн, была возложена на полк Пальмаха "Арель", специально созданный для этой цели. В полк этот входил Четвертый штурмовой батальон, находящийся в районе Иерусалима, и Пятый батальон "Шаар Агай" под командованием Менахема Русека. В этот батальон входила рота Стоцкого, мой

взвод подрывников, действовавший в операции "Нахшон, и еще четыре новые сформированные роты. Две огромные транспортные колонны, каждая из которых насчитывала 250–300 грузовиков, прошли в Иерусалим с 15 по 18 апреля. Параллельно с этим штурмовой батальон захватил арабские села на западных въездах в Иерусалим. Несмотря на все эти достижения, положение в городе было тяжелым. Пришли сообщения, что британцы намереваются ускорить уход из города и передать большие его части арабам. Решено было ввести наш батальон колонной в Иерусалим.

Наша колонна из 300 грузовиков, вытянувшихся цепью длиной в 10 километров, вышла в путь 20 апреля. Рота броневиков ехала во главе колонны, остальные бойцы батальона, в том числе мой взвод подрывников, распределены были по грузовикам. Я ехал в тендере, доверху нагруженном взрывчаткой, изготовленной химиками Хаганы, среди десятков грузовиков, в хвосте колонны. Большинство машин добралось до Иерусалима без ущерба. Но арабы успели организоваться, и последняя часть колонны была ими атакована. Огонь они открыли по нам, когда мы находились напротив Дир-Айюб, вблизи Латруна. Часть машин получила повреждения, и колонна остановилась. Мы лежали на шоссе, возле машин, пули летели над нами с окружающих холмов, отдаленных от нас на 200–300 метров и господствующих над шоссе. Люди начали гибнуть. Я был вооружен автоматом "Стен", но ведущие по нам огонь были вне зоны его действия. Бойцы колонны вели ответный огонь из винтовок. Пуля, пущенная в мою сторону, оставила дыру в моей куртке и попала в бак с горючим тендера. Я почувствовал тонкую струю, брызнувшую на меня. Я боялся, что пуля попадет в сотни килограмм взрывчатки и приведет к невероятному по силе взрыву, способному всё уничтожить в радиусе десятков метров вокруг меня. Водители оставили машины, ища укрытия по обочинам шоссе. Я продвинулся пешком вдоль шоссе, увидеть, что мешает движению машин. За поворотом дороги стояли поврежденные машины, частично перекрывшие дорогу. Один из грузовиков, водитель которого пытался обогнуть их, опрокинулся в канаву за обочиной. Огонь арабов несколько ослабел. Я прыгнул в грузовик, который двигался вперед, вслед за другими. Доехали до Шаар Агай и снова остановились. Шоссе было забито машинами, не было возможности двигаться вперед или назад. Горы по сторонам шоссе были совсем близки, и арабы вели по нам огонь с расстояния в десятки метров. Я сумел собрать вокруг себя около десяти бойцов. Мы пошли в гору, отгоняя арабов, приблизившихся к нам с северной стороны дороги. Я видел

командира роты Стоцкого, идущего впереди атакующей группы вверх по склону, по другую сторону шоссе. Стоцкий погиб в этой атаке. Положение ухудшалось. Склоны гор, покрытые лесом, давали арабам укрытие, а колонна, растянувшаяся вдоль шоссе, внизу, под ними, была абсолютно открыта. Огонь по нам не прекращался, и трудно было определить, откуда летят пули. Число раненных и убитых увеличивалось. Мы перевязывали раны и укладывали их в траншее, вдоль обочин шоссе, которая давала лишь частичное укрытие. Мы ждали помощи штурмового батальона, который опаздывал из-за боя, который вел у села Бейт-Сурик после полудня. Я увидел грузовик с бронированной кабиной, который огибал другие машины, продвигаясь вперед. Я прыгнул на ступеньку кабины, пытаясь привести помощь. За поворотом дороги пули начали бить по кабине, я слышал звуки ударяющихся о броню кабины пуль. Я лежал на крыле машины, держась за него, чтобы не свалиться. Посреди шоссе, у горящих машин, я видел тела бойцов колонны, узнал среди них одного из моего взвода. Пуля поразила его в голову. Мы добрались до района верхних насосных станций, вблизи села Сарис. Там стрельба прекратилась. Через некоторое время встретили бойцов штурмового батальона, который двигался на помощь колонне. С приходом подкрепления мы сумели подавить огонь врага и вывести людей и часть машин. Ночью мы прибыли в Иерусалим, в квартал Бейт Акерем. Батальон расположился в здании учительского семинара и вокруг него. В этом бою погибло 12 наших бойцов, и 30 было ранено.

32. Война продолжается

На следующий день, после прибытия в Иерусалим, мы начали операцию «Евуси» Ночью, 22 апреля, я вышел с ротой нашего батальона в атаку на Шуафат. Четвертый штурмовой батальон в ту же ночь атаковал Наби-Самуэль и Бейт-Икса. Цель этих действий была: открыть дорогу в Неве-Яаков и освободить от осады два еврейских поселения севернее Иерусалима, отсеченные от города. С наступлением темноты мы вышли из зданий Паджи и в коротком бою захватили Шуафат. Четвертый штурмовой батальон захватил Бейт-Икса, но из-за путаницы в интервалах времени и вмешательства британцев не сумел захватить Наби-Самуэль и понес значительные потери., ибо бой продолжался при свете дня. Без Наби-Самуэля путь в Неве-Яаков и Атарот остался закрытым. Потому решено было к утру оставить Шуафат и Бейт-Иксу. Усталые после ночного боя, мы шли через северные кварталы набожных евреев Иерусалима. В домах шли последние приготовления по уничтожению квасного, время было 12 Нисана, канун праздника Песах.

25 апреля, в ночь, наш батальон атаковал квартал Шейх-Джарах, чтобы открыть путь на Ар Ацофим (Гору Наблюдателей), к больнице "Адаса" и ивритскому Университету. Мы разделились на две группы. Одна атаковала Шейх-Джарах, западнее шоссе Иерусалим-Рамалла, другая — восточную часть квартала. Я был с группой, атакующей западную часть. Бой был тяжелым. Брали дом за домом. К стенам домов, оказывающих особенно ожесточенное сопротивление, прикрепляли взрывчатку, и дома взлетали в воздух. До утра мы овладели всем кварталом. С первыми лучами солнца вмешались британцы и потребовали оставить Шейх-Джарах, потому что путь их ухода из Иерусалима проходит через этот квартал. Ответ наш был отрицательным. Британцы открыли по нам огонь, и силы их, включая танки, начал атаку против нас в направлении Бейт-Нашашиви, в котором закрепились наши силы. Это была восточная часть квартала. Пришлось отступить под огнем британцев. Я был среди последних бойцов, которые оставили западную часть Шейх-Джараха. Когда я достиг первых домов квартала Бейт-Исраэль, уже совсем рассвело. Вдруг услышал крики о помощи со стороны Шейх-Джараха. Фельдшер с раненым остался у края арабского квартала Со мной бл Дов Каминский, ветеран Пальмаха и командир отделения моего взвода подрывников. Мы вернулись, и я опознал в раненом Давида Левина, моего товарища по школе "Тарбут" в Польше, которого, с приездом в Израиль, посетил в

британской тюрьме. Он освободился оттуда несколько месяцев назад. Чтобы добраться до квартала Бейт-Исраэль, надо было преодолеть простреливаемое британцами открытое пространство, около ста метров. Передвижение с раненым было медленным, но нам удалось благополучно добраться до домов еврейского квартала Бейт-Исраэль. Оттуда Давида Левина увезла машина скорой помощи. В бою в Шейх-Джарах погиб один из бойцов моего взвода и двое получили тяжелые ранения. Британцы удерживали Шейх-Джарах до своего ухода из страны, но давали возможность движению еврейского транспорта на гору Наблюдателей. Тем самым наши действия достигли своей цели.

Спустя два дня мы вышли ночью на гору Наблюдателей. Обогнули с севера Шейх-Джарах, полицейскую школу и добрались до больницы "Адаса".

29 апреля мы атаковали "Августу Викторию" и село А-Тур. Цель атаки была — захватить эти объекты и перекрыть путь из Иерусалима на восток, в Иерихон и на левый берег реки Иордан. Нашу атаку должен был перекрывать самодельный миномет "Давидка" и 52-миллиметровые минометы. "Давидку" вводили в действие бойцы моего взвода подрывников. От выстрела снаряд "Давидки" взорвался на позиции, и пятеро бойцов, трое из моего взвода, погибло. Атака без прикрытия провалилась. В следующую ночь я спустился с двумя звеньями подрывников под охраной группы, командиром которой был Аарон Шмидт (Джимми) на шоссе Иерусалим-Иерихон, и заминировал его.

Последней акцией операции "Евуси" был захват южного квартала Иерусалима — Катамона, чтобы соединить еврейский квартал Макор-Хаим с кибуцем Рамат-Рахель. Четвертый штурмовой батальон атаковал Катамон 1 мая. После трудного боя вокруг монастыря Сен-Симон, которым командовал Давид Элазар (Дадо) бойцам Четвертого батальона удалось захватить квартал.

Наши отдельные успехи не решили главную проблему еврейского Иерусалима — создания беспрерывной территории еврейского присутствия и пути для передвижения и связи с поселениями еврейского анклава в низменности. Командование Хаганы решило провести операцию "Маккавеи", цель которой была — овладеть дорогой между Латруном и Абу-Гош, чтобы по ней проводить транспортные колонны с продовольствием и оборудованием в Иерусалим. На полк "Арель" возложили задачу — овладеть дорогой и арабскими укреплениями до Шаар Агай, а полк "Гивати" будет действовать со стороны Хульды и захватит район Латруна. По плану штаба полка "Арель", Пятый батальон должен был захватить укрепления севернее шоссе, на участке между Неве-Иланом и Шаар-Агай, включая две насосные станции

около шоссе. На Четвертый штурмовой батальон было возложено — захватить укрепления южнее шоссе, большое арабское село Бейт-Махсир и — над воротами ущелья Шаар-Агай — высоту "Масрек" (Гребешок).

Операция началась 9 мая ночью с базы — сельскохозяйственного поселения в горах Иерусалима Неве-Илан. Бои по захвату укреплений вдоль холмов, господствующих над шоссе, и овладению участком шоссе до входа в ворота ущелья — Шаар Агай — продолжались до 14 мая. Рота Джимми овладела укреплениями, которые господствовали над шоссе с северной гряды холмов, в первую же ночь операции. Через короткое время после начала атаки роты Джимми, я должен был выйти с подрывниками и разобрать завалы, которыми арабы перегородили шоссе. Рота Зива Цафрири должна была нас прикрывать. По сообщениям, арабы перекрыли шоссе десятками завалов из камней и деревьев. Часть завалов была заминирована. В руках британцев все еще находились две насосные станции водопровода, доставляющего воду в Иерусалим, и они могли вмешаться в наши действия. В момент подготовки к выходу на операцию, пришло сообщение, что британцы покинули насосные станции. В короткое время обе станции были в наших руках: верхняя, около Сариса, нижняя — чуть западнее от нее. Выяснилось, что на шоссе не было больших завалов. Мы всего лишь наткнулись на три небольших завала из камней, и достаточно быстро их разобрали, выяснив предварительно, что они не заминированы и нет ловушек, могущих привести к взрыву. Четвертый батальон, атаковавший южнее шоссе, наткнулся на жесточайшее сопротивление при захвате села Бейт-Махсир и укрепления на высоте Масрек (Гребешок), и рота Зиви вышла ему на помощь.

Силв "Армии спасения", что укрепились в районе Латруна и в селах Бейт-Нова и Йалу, открыли орудийный огонь в сторону северных укреплений, которые захватила рота Джимми. Снаряды падали и у нижней насосной станции, которую защищали мы и находился штаб батальона. Впервые в этой войне мы находились под артиллерийским обстрелом. Из-за невозможности окопаться в скалистом грунте, бойцы роты Джимми несли потери в убитых и раненых. Арабы вышли в контратаку, и укрепление № 8, самое западное в сторону Латруна, было ими отбито у нас. По моему аппарату связи я получил сообщение о раненых и убитых в роте Джимми, попавшей в нелегкую ситуацию. Взвод под командованием Шмуэля Глинки был послан на подкрепление Джимми, и внезапной ночной атакой сумел снова захватить это важное укрепление № 8. Командир батальона приказал мне

подняться с подрывниками к Джимми и заминировать подходы к укреплениям со стороны врага, и, главным образом, обеспечить оборону укрепления № 8.

Подъем до укрепления № 7, где находился штаб роты Джимми, занял два часа. Мы несли с собой пехотные мины, продукты и воду для бойцов роты. Чем ближе мы были к укреплению, тем яснее доносилась перестрелка между нашими укреплениями и сила неприятеля. Каждые несколько минут падали снаряды на укрепление и вокруг него. Весь участок был покрыт деревьями и кустами, наблюдение было ограничено. Враг мог тайком приблизиться к укреплению. Я нашел Джимми, его заместителя и связиста укрывшимися за скалой, дававшей укрытие от настильного огня, но не от огня навесного орудий и минометов. Я оставил подрывников за каменным завалом. Во время разговора с Джимми раздался свист снаряда и раздался взрыв на расстоянии 50 метров от нас. Осколки и камни упали вокруг нас. Я согнулся и инстинктивно прижался к скале. Джимми улыбнулся и сказал: "Это не поможет, еще немного, и ты привыкнешь. Мы уже три дня в этом положении". Я договорился с Джимми. Что одно отделение подрывников останется в укреплении № 7 и заминирует подходы с севера, а я с остальной частью взвода перейду в укрепление № 8, к Глинке.

Глинка был возбужден и полон энергии, несмотря на то, что его позиция подвергалась давлению противника больше всех остальных. Я обошел с ним всю позицию его взвода, и мы установили места минирования подходов. Использовали пехотные мины не по их назначению, извлекли их из коробок. Мину привязывали к дереву, тонкий провод протянули от нее к другому дереву на расстояние 3–4 метров, примерно, в полуметре от земли. Нападающий враг наткнется на провод, и мина взорвется. Мы работали ночью, чтобы с наблюдательных пунктов врага не видели места нахождения мин, и чтобы их не поразили выстрелами при свете дня. На рассвете, в то время, как мы еще привязываем последние мины, арабы начали атаку на наши позиции. Залп артиллерийских снарядов лег на укрепление. Спустя несколько минут мы услышали голоса арабов, карабкавшихся вверх по склону со стороны Дир-Айюб. Мы открыли огонь по атакующим арабам, швырнули гранаты, некоторые из подвешенных мин взорвались. Атака арабов захлебнулась. Пять трупов врага остались на склоне, вблизи взорвавшихся мин. После атаки мы поставили новые мины вместо взорвавшихся.

Джимми пришел к нам с вестью, что вчера, после полудня, провозглашено в Тель-Авиве создание государства Израиль. Мы

были потрясены. В напряженной атмосфере боев мы забыли, что это был последний день присутствия британцев в стране. Мы передали это сообщение всем бойцам на позиции. Возбуждение и радость охватили всех. Тяжелые бои и многие жертвы были не зря. Мы выпытывали у Джимми детали, но он ничего такого не знал. Из штаба батальона ему передали короткое сообщение. Мы крутили рычажок радиоаппарата Джимми, в надежде найти какую-то радиостанцию и услышать подтверждение воистину благой вести. Но голоса, несущиеся из разных радиостанций, были на арабском языке: истерические вопли и звуки военных маршей. Никто из нас не знал арабского. К полудню пришел к нам Зиви. Его рота должна была сменить роту Джимми, которая сократилась в течение последних боев до размера взвода. Зиви пришел из штаба батальона и рассказал, что ранним утром все арабские государства открыли скоординированное между собой наступление на государство Израиль. Тель-Авив бомбили египетские самолеты, тяжелые бои ведутся на всех фронтах. Безмолвие воцарилось вокруг. Вдруг послышался восторженный голос Глинки: "Ну, одну войну мы закончили, начинаем новую войну". Я задумался на миг, и сказал: "Мы не закончили одну войну и начинаем новую. Это одна война, которая началась давно, и она продолжается…"

Война продолжается…

Через расстрельные рвы Полигона и Понар, через подполье в гетто Швенченис и партизанскую войну в лесах. Через бегство. Нелегальную репатриацию и борьбу с британцами… Через войну за Независимость, Синайскую кампанию, операции возмездия и Шестидневную войну… Войну на истощение и войну Судного дня…

Война продолжается перед ликами рано оборвавшихся молодых жизней Гришки и Рувки, Давидки и Иоськи, Мати и Циби, Джимми. Глинки и Зиви…

Длинен список на построении мертвых…

Война продолжается

Она несомненно завершится благодаря им в один из дней.

Дополнение к предисловию.

В то время, как мои товарищи не евреи, с которыми плечом к плечу, сражался в великой партизанской войне, могли почивать на лаврах и праздновать победу над нацистской Германией, моя судьба была — продолжать сражаться в четырех кровопролитных войнах.

В этой книге подробно описывается первая из них — война за Независимость, война за создание государства Израиль. В Катастрофе и партизанской войне я хорошо усвоил, что это такое — жить без родины и своего государства. Потому я продолжал сражаться. Путями бегства и нелегальной репатриации я прибыл штормовой темной ночью к берегам Израиля тайком от британцев и их кораблей, которые держали блокаду моей родины, пресекая возможность евреям, спасшимся из Катастрофы ступить на обетованный берег.

Книга эта писалась в два этапа. Первый — это первые три месяца моего пребывания в Израиле, когда я, девятнадцатилетний юноша, жил в кибуце Ягур, второй — после завершения войны за Независимость, в возрасте 22 лет. Книга не писалась по следам описываемых событий, но все же почти вплотную к ним, когда переживания и воспоминания еще свежи и абсолютно верны.

Книга написана более 62 лет назад. Я описывал все, увиденное глазами молодого человека, бойца, в стиле военного дневника. Я старался не выказывать мои эмоции, скрыть слезы, которые стояли в глазах моей матери и отца, когда я навсегда расстался с ними в Варшаве, в декабре 1939. Я впервые в жизни видел слезы в их глазах, юноша, вступающий в возраст зрелости, и не понимал, что прощаюсь с ними навечно. Я не упомянул во время написания книги мои слезы и беззвучный плач, когда стоял у руин моего дома в Варшаве, в мае 1945. Это были мгновения, когда мне окончательно стало ясно, что я остался один в мире, без родителей, без того, чтобы знать, где и когда они нашли свою смерть, без могилы и надгробья, чтобы скорбеть по ним.

В настоящем, глазами и пониманием человека, достигшего преклонного возраста, и как историк с гораздо более обширными познаниями об общем фоне и деталях событий, происшедших и описываемых в книге, я бы несомненно написал ее несколько

иначе, не скрывая эмоций. И все же, я решил оставить книгу такой, какой она была написана шесть десятилетий назад, аутентичной событиям тех лет.

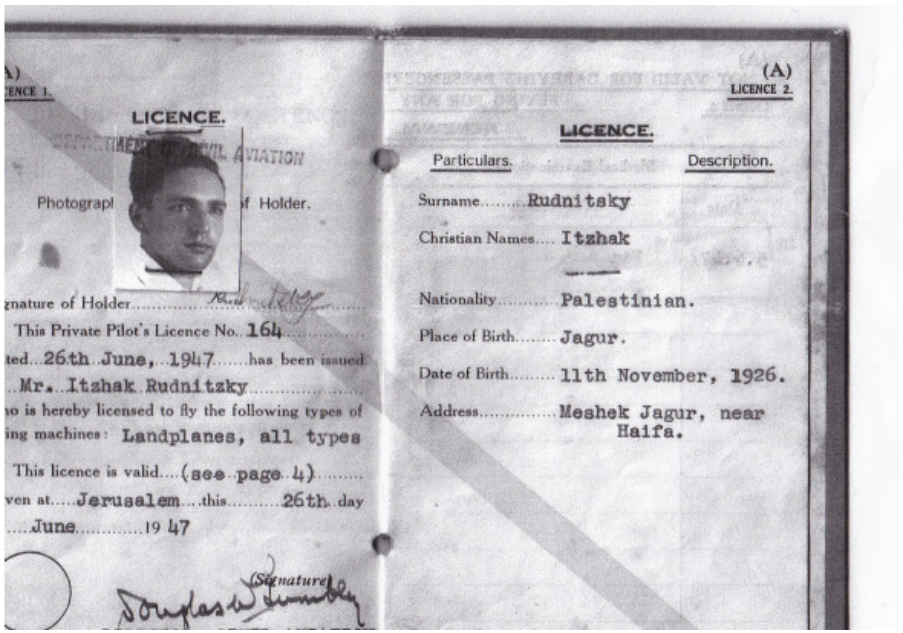
Семья, погибшая в Катастрофе

Сестра, партизанка Рахиль Рудницкая.

На следующей странице — партизаны в освобожденном Вильнюсе

Партизан отряда «Вильнюс»

Партизаны на пути в Израиль



(A)
LICENCE 1.

LICENCE.

CIVIL AVIATION

Photograph of Holder.

Signature of Holder

This Private Pilot's Licence No. 164

dated 26th June, 1947 has been issued

to Mr. Itzhak Rudnitzky

who is hereby licensed to fly the following types of

flying machines: Landplanes, all types

This licence is valid (see page 4)

given at Jerusalem this 26th day

of June 1947

(Signature)

(A)
LICENCE 2.

LICENCE.

Particulars.	Description.
Surname	Rudnitsky
Christian Names	Itzhak
Nationality	Palestinian.
Place of Birth	Jagur.
Date of Birth	11th November, 1926.
Address	Meshek Jagur, near Haifa.

Капитан Армии обороны Израиля, 1948 год

Бригадный генерал Армии обороны Израиля, 1970 год